

95
ПЕРВЫЙ
ПО ПРАВУ

LEX *RUSSICA*

научный юридический журнал

- Доктринальные проблемы дальнейшего упрощения упрощенного производства в гражданском судопроизводстве
- Коллективные трудовые права в условиях цифровизации экономики: опыт европейских государств и отдельных стран — участниц БРИКС
- Реестр недобросовестных поставщиков в России и Беларуси: сравнительно-правовой анализ
- Правовая природа ограничения права на судебную защиту обладателя цифровой валюты

Том 79

МАЙ

2026

№ 5 (234)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и

права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного пра-

ва и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЁВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 79
№ 5 (234)
май 2026

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 28.05.2026
Объем 19,18 усл. печ. л. (15,32 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

В. А. Целищева

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy

Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 5 (234)
May 2026

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

28.05.2026
Volume: 19,18 conventional printer's sheets (15,32 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

V. A. Tselishcheva

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА / THEORIA LEX

- Фабричный С. Ю., Митина С. И.** Роль церкви в становлении правовой системы Руси (на примере архиепископской кафедры Новгородской республики) 9
- Валеев Д. Х., Шакирьянов Р. В.** Доктринальные проблемы дальнейшего упрощения упрощенного производства в гражданском судопроизводстве 21

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

- Гизатуллин И. А.** Институт подсудности как элемент процессуального механизма обеспечения доступности правосудия 33
- Гусарова М. В.** Преступления сексуального характера как часть киберпреступности 47

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

- Юн Л. В.** Концепция экологической конституции как основа институционализации конституционных экологических прав и обязанностей 57
- Акатнова М. И.** Организационно-правовые формы социального обеспечения 69

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / CYBERSPACE

- Пржиленский В. И., Пржиленский И. В.** На пути к построению концепции развития уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства: структура, принципы, цели 80
- Избиенова Т. А.** Коллективные трудовые права в условиях цифровизации экономики: опыт европейских государств и отдельных стран — участниц БРИКС 92
- Дерюгина Т. В.** Правовая природа ограничения права на судебную защиту обладателя цифровой валюты 109
- Никишин В. Д.** Правовая и нейроправовая экспертиза информационных материалов: потенциал нейротехнологий для противодействия когнитивным угрозам и разработки моделей правового регулирования медиасреды 120

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / COMPARATIVE STUDIES

- Шмелева М. В., Амельчяна Ю. А.** Реестр недобросовестных поставщиков в России и Беларуси: сравнительно-правовой анализ 139

ИСТОРИЯ ПРАВА / HISTORIA LEX

- Лукашевич Д. А.** Становление колхозного права в России (1917–1929 гг.): опыт реконструкции советского сельского хозяйства 153

CONTENTS

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

- Fabrichny S. Yu., Mitina S. I.** The Role of the Church in the Development of the Legal System of Rus' (The Archbishopric of the Novgorod Republic as a Case Study) 9
- Valeev D. Kh., Shakiryanov R. V.** Doctrinal Problems Regarding the Further Simplification of Simplified Proceedings in Civil Procedure 21

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Gizatullin I. A.** The Institution of Jurisdiction as a Procedural Mechanism for Ensuring Access to Justice 33
- Gusarova M. V.** Sexual Offenses as a Form of Cybercrime 47

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Yun L. V.** The Concept of an Environmental Constitution as a Foundation for Institutionalizing Constitutional Environmental Rights and Duties 57
- Akatnova M. I.** Organizational and Legal Forms of Social Security 69

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Przhilensky V. I., Przhilensky I. V.** Towards Developing a Concept for the Evolution of Criminal Justice in the Context of the Digital Transformation of Society and the State: Structure, Principles, and Goals 80
- Izbiyeva T. A.** Collective Labor Rights in the Context of the Digitalization of the Economy: The Experience of European States and Selected BRICS Member Countries 92
- Deryugina T. V.** The Legal Nature of Restricting the Right to Judicial Protection for Digital Currency Holders 109
- Nikishin V. D.** Legal and Neuro-Legal Examination of Information Materials: The Potential of Neurotechnologies for Countering Cognitive Threats and Developing Legal Regulation Models for the Media Environment 120

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

- Shmeleva M. V., Amelchenya Yu. A.** Register of Unfair Suppliers in Russia and Belarus: A Comparative Legal Analysis 139

HISTORY OF LAW / HISTORIA LEX

- Lukashevich D. A.** The Formation of Kolkhoz Law in Russia (1917–1929): The Experience of Reconstructing Soviet Agriculture 153

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.009-020

С. Ю. Фабричный

Институт государства и права РАН
г. Москва, Российская Федерация
Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого
г. Великий Новгород, Российская Федерация

С. И. Митина

Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого
г. Великий Новгород, Российская Федерация

Роль церкви в становлении правовой системы Руси (на примере архиепископской кафедры Новгородской республики)

Резюме. В статье представлен авторский подход к проблеме определения роли церкви в становлении правовой системы Руси. Дается оценка особого значения деятельности архиепископской кафедры Новгородской республики в истории государственно-правового строительства Руси в силу непосредственной причастности новгородцев к созданию первых отечественных памятников права, а также в силу обширных политических и экономических контактов, позволявших интенсифицировать трансформацию канонического права в регулятор светского характера. Характеризуется влияние политической обстановки, социального, идеологического и внутрицерковного противостояния на развитие системы правового регулирования. Раскрывается значение заимствования западноевропейского опыта рецепции римского права для обогащения отечественной правовой практики универсальным инструментарием, позволявшим облекать сложные, проблемные вопросы церковной и светской жизни в фактуру академической полемики и юридического документа. Доказывается актуальность исследования правотворческой, судебной и административной практики архиепископской кафедры Новгородской республики в целях выявления решающих факторов государственно-правового строительства Руси. На основе анализа данных источников и научных подходов к обозначенным вопросам делается вывод о необходимости официального признания роли богословской доктрины в качестве источника права на начальном этапе формирования отечественной правовой системы.

Ключевые слова: новгородская епископская кафедра; Новгородская республика; правовая система; законодательство; богословская доктрина; каноническое право; светское право; торговое право; суд; рецепция права; юриспруденция

Для цитирования: Фабричный С. Ю., Митина С. И. Роль церкви в становлении правовой системы Руси (на примере архиепископской кафедры Новгородской республики). *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.009-020

Благодарности. Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12.07.2024 № 075-15-2024-639).

© Фабричный С. Ю., Митина С. И., 2026

The Role of the Church in the Development of the Legal System of Rus' (The Archbishopric of the Novgorod Republic as a Case Study)

Sergei Yu. Fabrichny

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russian Federation

Svetlana I. Mitina

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russian Federation

Abstract. The author gives the author's approach to defining the role of the Church in the formation of the legal system of Rus'. The paper elucidates the particular significance of the Archiepiscopal See of the Novgorod Republic in the history of the state and legal development in Rus', given the direct involvement of the people of Novgorod in creating the first native legal monuments, as well as their extensive political and economic contacts that facilitated the transformation of canon law into a regulator of secular life. The study examines the influence of the political environment, as well as social, ideological, and intra-church conflicts, on the development of the system of legal regulation. It highlights the importance of adopting Western European experience in the reception of Roman law for enriching domestic legal practice with a universal conceptual framework — one that made it possible to frame complex and contentious issues of both ecclesiastical and secular life within the structure of academic debate and formal legal documents. The paper substantiates the relevance of researching the lawmaking, judicial, and administrative practices of the Archiepiscopal See of the Novgorod Republic in order to identify the decisive factors in the state and legal development of Rus'. Based on an analysis of historical sources and scholarly approaches to the issues addressed, the author concludes that it is necessary to formally recognize the role of theological doctrine as a source of law at the initial stage of the formation of the national legal system.

Keywords: Novgorod episcopal department; Novgorod Republic; legal system; legislation; theological doctrine; canon law; secular law; merchant law; court; reception of law; jurisprudence

Cite as: Fabrichny SYu, Mitina SI. The Role of the Church in the Development of the Legal System of Rus' (The Archbishopric of the Novgorod Republic as a Case Study). *Lex russica*. 2026;79(5):9-20. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.009-020

Acknowledgements. This research was carried out as part of the scientific project «Development of a Russian Historiographical Model of Political and Legal Knowledge and its Application to the Design of Advanced Tools for Countering Ideological Distortions in Russia's Civilizational Development» with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-639 dated 12 July 2024).

Введение

С момента крещения Руси христианство стало духовной скрепой, объединяющей русские земли, а церковь — институтом, обеспечивающим механизмы единения. Особенно отчетливо государственно-созидательная роль церкви проявилась в Новгородской республике. В истории средневекового Новгорода немало примеров уникальных институтов власти, среди которых особое место занимает новгородская епископия (архиепископия). Новгородские владыки имели своеобразный статус в республиканской

системе власти и обладали широким спектром полномочий, включавшим внешние сношения, судопроизводство, управление городскими магистратурами. Новгородская симфония властей — уникальный пример разграничения государственно-властных полномочий между светскими и церковными институтами в отечественной истории.

При обращении к вопросу роли и значения христианской церкви в становлении отечественной правовой системы следует четко представлять суть государственно-церковных взаимоотношений не только на Руси, но и в

Византии. Христианизация Руси началась в период правления в Восточной Римской империи Македонской династии. В это время (865–1056 гг.) законодательно религиозные нормы были признаны ограничителем воли монарха. Функция государства сводилась к претворению в жизнь христианских идеалов. К слову, «Исагога», нормативно закрепившая соотношение власти монарха и патриарха (светской и церковной), так и не вошла в состав принятых на Руси восточно-римских источников права¹. Между тем сама идея паритета власти духовной и светской (священства и царства), восходящая к еще более ранним государственно-правовым концепциям Константина Великого и Юстиниана I, прочно закрепилась в отечественной правовой традиции, и неслучайно: налицо был пример Константинополя. В конечном итоге именно симфония власти обеспечила жизнеспособность Восточной Римской империи.

Но не следует забывать, что период правления Македонской династии, с ее религиозной и правовой политикой, предваряла многовековая эпоха развития римского государства и права. В условиях же Руси X в. гармонизация государственной и церковной властей по примеру Византии должна была происходить в условиях начального этапа становления государства и церкви как таковых. И государство, и церковь старались укрепить свои позиции, выстраивая аппарат управления, формируя регулятивные механизмы.

Появление на Руси церковной организации определило ориентацию на правовые источники Византии, прежде всего в силу необходимости юридического оформления статуса и деятельности самой церкви². Рецепция византийских норм в системе регулирования внутрицерковной жизни очевидна и никогда не подвергалась сомнению. Однако становление православной церкви на Руси проходило в условиях тесного взаимодействия с институ-

тами государства. Более того, христианство и было призвано на Русь государственной властью. Следовательно, церковь изначально рассматривалась в качестве если не инструмента государственной политики, то, во всяком случае, надежного союзника княжеской власти. Новгород же, как известно, с 1136 г. обрел независимость от княжеской власти, при этом сделав церковную власть одной из опор своей независимости и республиканского строя.

При этом явного разрыва между новгородскими архиепископами и князьями не было, да и быть не могло, поскольку изначально статус архиепископов приобретался посредством предоставления специальных уставных грамот от князей. Так, волей Ярослава Мудрого вторым по очереди епископом в Новгороде оказался русский по происхождению Лука Жидята.

Роль владычной кафедры в государственно-правовом строительстве Новгородской республики

С самого начала новгородская владычная кафедра активно заявила о своей роли в государственном строительстве. Судебная юрисдикция новгородских архиепископов была значительно шире, чем у других епархиальных владык, благодаря обязательному участию владычных наместников в судопроизводстве, осуществляемом княжескими наместниками и тиунами (участие в светском суде). Существование института владычных наместников в системе судебной власти засвидетельствовано статьей 8 Устава Владимира (Синодальная редакция)³. Примечательно, что один из старейших изводов Устава представлен Синодальным списком в Новгородской Синодальной кормчей 1280-х гг.⁴

Как отмечает А. С. Хорошев, новгородские архиепископы использовали свой авторитет для завоевания ключевых позиций в местном

¹ Белякова Е. В. Издание печатной Кормчей (1653 г.) и «византизм» в русской государственности // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2012. № 5. С. 37.

² Бондаренко Ю. В. К проблеме рецепции византийского права в древнерусском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 274.

³ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. С. 149 ; Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М. : Издательство Московского университета, 1980. С. 129.

⁴ Цапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М. : Наука, 1972. С. 39–40 ; Древнеславянская кормчая: XIV титулов без толкований / труд В. Н. Бенешевича. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1906. Т. 1. С. III.

судопроизводстве. Особенно наглядно это подтверждается статьями Устава и Рукописания новгородского князя Всеволода Мстиславовича⁵. Устав, данный Софийскому собору, закреплял и дополнял положения Устава Владимира. Каждая из трех частей Устава заканчивалась подтверждением независимости суда церковного от княжеской власти⁶. Kommentирuя делегирование князем судебных полномочий архиепископу, В. А. Томсинов отмечает, что духовенство на том историческом этапе вынуждено было брать на себя функции государственных служащих в силу неразвитости государственных институтов⁷.

Итогом законодательного определения судебных функций архиепископов новгородских стало содержание статьи 1 Новгородской судной грамоты, в которой прямо утверждалось их право судить по правилу святых отцов, по Номоканону, всех в равной степени: «как боярина, так и житего, так и молодчег человека»⁸.

Наряду с судебной юрисдикцией правомочия в международных отношениях также являлись показателем роли и значения церкви в государственно-правовом строительстве Руси. Когда речь заходит о внешней политике Новгородской республики, сразу возникает вопрос о ее регулятивной основе. Даже в современных условиях существенная часть сферы международных отношений регулируется обычаями. Однако, помимо обычаев, немалое значение в выстраивании межгосударственного общения с глубокой древности имели религиозные нормы. Отсюда особая роль религиозных институтов в становлении дипломатии.

Представление о регулятивной основе внешнеполитической, административной и судебной функций новгородских архиепископов нельзя составить без обращения к вопросу рецепции римского права в византийском и латинском вариантах. Прямое отношение новгородских владык к важнейшему виду экономической деятельности новгородцев — зарубежной торговле — подтверждается их непосредственным участием в заключении международных торго-

вых договоров⁹. Активные торговые и дипломатические контакты Новгорода с Западной Европой способствовали формированию каналов влияния латинской правовой традиции, особенно в частноправовой сфере, значительный сегмент которой находился в юрисдикции церковных судов. Архиепископская кафедра непосредственно участвовала в урегулировании вопросов торговли и разрешении конфликтов с ганзейскими партнерами. Проживавшие на территории Немецкого двора в Новгороде ганзейцы подчинялись скре (которая являлась одновременно уставом и судебником), а также правилам, определенным договорами с новгородцами. Долгое время руководящая роль в Ганзейском союзе принадлежала Любеку, что способствовало распространению любекского права на торговые отношения с Новгородом. Известно было новгородцам и предшествовавшее любекскому готландское право (право Висбю). Примечательно, что в активно торговавшей с Новгородом Риге согласно готландскому праву городского судью утверждал епископ. Епископ участвовал и в разрешении межгосударственных торговых конфликтов. Вышеупомянутая скра, по большей части сформировавшаяся к концу XIII в., состояла из установлений, выработанных в ходе организации жизни и торговой деятельности обитателей Немецкого двора. Очевидно, что этот документ, точнее — юридический акт, впитал новгородскую традицию делового оборота и местную культуру в целом. Тот факт, что отдельные нормы скры в последующем вошли в правовую систему Риги, доказывает взаимное влияние правовой культуры в рамках торговой практики и организации жизни средневековых городов. Четвертая редакция скры (1371 г.) стала общеганзейским уставом.

Скра начиналась формулой, утверждавшей необходимость соблюдения церковного права и права Святого Петра, «будь то в мелочах или в крупных делах»¹⁰. Церковь Святого Петра на территории Немецкого двора служила средоточием не только духовной, но и деловой жизни,

⁵ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1. С. 121–122, 124.

⁶ Макарий, епископ Винницкий. История русской церкви. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1857. Т. 2. С. 223–224.

⁷ Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2009. № 4. С. 12.

⁸ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1. С. 304.

⁹ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М. : Наука, 1990. С. 79–123.

¹⁰ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М. : Изд-во МГУ, 1986. С. 141.

а заодно хранилищем товаров. Такая же обычная практика существовала у новгородцев. Наиболее влиятельная артель новгородских купцов при храме Святого Иоанна Предтечи на Опоках имела привилегию через старост участвовать в решении судебных споров с иноземными купцами. И с той, и с другой стороны судопроизводство находилось под контролем церкви. Административная функция священника церкви Святого Петра в отношении членов купеческой общины Немецкого двора была прописана в ст. 19 скры. Примечательна статья 22, согласно которой при выезде всех купцов со двора ключи следовало опечатать и один передать епископу новгородскому, а другой — игумену монастыря Святого Юрия (Георгия)¹¹.

Непосредственное участие новгородских владык в разрешении торговых и дипломатических конфликтов с западными партнерами подтверждается грамотами. Е. А. Рыбина приводит пример, как новгородцы во главе с владыкой отправили в Ригу грамоту (начало XIV в.) по поводу конфликта, в котором пострадали новгородские купцы. Новгородцы требовали выдачи виновных и возвращения товаров¹². Поскольку подобные конфликты случались нередко, сложилась практика урегулирования их договорными грамотами, в которых заодно расписывались постановления на будущее для предотвращения соответствующих спорных, конфликтных ситуаций. Материал грамот, хотя и в разрозненном виде, подобен своду прецедентов. Последние редакции скры как раз отражали результаты разрешения при непосредственном участии новгородских архиепископов многообразных дипломатических, торговых конфликтов.

В то время как новгородские архиепископы активно участвовали в регулировании торговых отношений с зарубежными партнерами, политика митрополии в отношении этого вида экономической деятельности была далеко не однозначной. Еще в конце XI в. митрополит Иоанн Продром в «Канонических ответах» рекомендо-

вал купцам, ходящим «к поганым купли ради» («сребролюбцам»), свое согрешение очищать «молитвами и молением», а также причастием (ст. 28)¹³.

К вопросу о рецепции римского права

Факт активных торговых связей с западными партнерами не может не порождать вопроса о возможности рецепции каких-либо элементов римского права в латинском варианте в правовую систему Новгородской республики. А. А. Вовин и Н. Б. Срединская приводят пример роли институтов права собственности и узурфрукта в наследственных отношениях, выдвигая гипотезу о влиянии латинской правовой традиции и источников на правовые акты Северо-Западной Руси. Под источниками в данном случае следует понимать труды ранних глоссаторов. Примечательна также отсылка авторов к полному переводу Священного Писания на церковнославянский язык конца XV в. — Геннадиевской Библии. Одним из переводчиков называется доминиканский монах Вениамин¹⁴. Для историков права этот первый написанный кириллицей полный свод книг Ветхого и Нового Завета важен не только как уникальный памятник христианской культуры, но и как прямое свидетельство существовавших к моменту его создания механизмов использования западноевропейских ресурсов и техники подготовки и оформления наиболее важных документов и правовых актов. Исследования Геннадиевской Библии позволяют назвать в качестве одного из ее «технических» источников немецкие издания Библии. Архимандрит Августин (Никитин) считает возможной основой перевода издание, выпущенное в 1494 г. в Любеке Стефеном Арндесом¹⁵.

Подобный метод прослеживается и в происхождении еще одного произведения, созданного при новгородской кафедре архиепископа Геннадия. «Слово кратко» является специфическим памятником духовной и одновременно

¹¹ Рыбина Е. А. Указ. соч. С. 144.

¹² Рыбина Е. А. Указ. соч. С. 44.

¹³ Памятники древнерусского канонического права / ред. А. С. Павлов. 2-е изд. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. Ч. 1 : Памятники XI–XV вв. С. 15–17.

¹⁴ Вовин А. А., Срединская Н. Б. Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв.: вдова и имущество покойного мужа // Петербургские славянские и балканские исследования. 2022. № 1 (31). С. 113–114.

¹⁵ Августин (Никитин Д. Е.), архимандрит. Геннадиевская Библия 1499 г. и ее западные библейские источники // Известия библейских комиссий. 1991. № 2. С. 52–68.

правовой литературы. Его полное название звучит как «Слово кратко». В защиту монастырских имуществ»¹⁶. «Оборону церковных имуществ и клира», а именно вотчинного владения духовенства, архиепископ Геннадий вел в условиях секуляризации имущества новгородской кафедры, отнятия у монастырей земельных владений при Иване III. «Имущество церкви» трактуется в «Слове кратке» как категория универсальная, объединяющая всё, что дано было церкви со времен императора Константина, а на Руси — князя Владимира. Отнятие у церкви имущества есть святотатство, санкцией за которое должны служить анафема, отлучение от церкви, явная епитимия и лишение погребения¹⁷. Ни один недостойный не может приступить к церкви под угрозой смертной казни. Еще больший грех — не только приступить, но и взять Божие¹⁸.

Примечательна трактовка основания права церкви на имущество, восходящего к самому Иисусу Христу и апостолам, имевшим при себе ковчежец на потребу свою и нищих. Ссылка на грамоту с золотой печатью, данную Константином Великим папе Сильвестру в подтверждение дарования церкви движимых и недвижимых имуществ, придает «Слову кратко» характер не просто богословского сочинения, а своеобразного процессуального документа. Еще интереснее отсылка к подтверждению прав на дарованное имущество со стороны «римских царей» Людовика I, Карла Великого, Оттона I и Генриха I. А. Д. Седельников считал, что в содержании «Слова кратка» проявлялась личность его автора, в которой «заметен последователь римской церковной юрисдикции». Ссылаясь на исследование А. И. Соболевского, А. Д. Седельников предполагал: текст не только был создан на основе латинских источников, но и сам первоначально мог быть написан на латыни, а затем уже переведен¹⁹.

После упоминания в «Слове кратке» имен европейских монархов идет изложение теории двух мечей — политико-теологической доктрины католической церкви. Учение Ватикана

о превосходстве священной власти церкви, а точнее римских пап, над мирской властью государей в трактовке новгородской архиепископской кафедры приобретает несколько иное звучание. Автор трактует природу одного меча как духовную, а второго — как вещественную. Церковь надлежит защищать сначала первым мечом, а в случае необходимости — и вторым. Христос сам велел ученикам приобрести мечи, природа которых символизирует разное положение церкви.

Анализируя «Слово кратко», А. Попов отмечает права и обязанности отдельных состояний. Притом что «всякая власть от Бога», цари и светские начальники должны защищать пастырей вместе с их вещами, а пастыри — молиться за своего временного господина²⁰. В такой трактовке теория двух мечей ближе к восточно-христианскому пониманию симфонии власти, чем к жесткой доктрине Ватикана. Приоритет духовной власти над светской покоится на том основании, что она находится в прямом подчинении у власти Божественной. Насильники, покусившиеся на церковное имущество и отлученные от церкви, обречены опасаться за власть свою на земле и за спасение свое в будущем. А. Попов выделяет в качестве одной из основных мыслей произведения приравнение к имуществу церковному имущества пастырей церкви. Особенность «Слова кратка» также состоит в упоминании как бы мимоходом характеристике церковного имущества как «стяжания нищих и искупления пленных»²¹.

Пример «Слова кратка» важен для понимания стратегии и тактики новгородской архиепископской кафедры в жестких условиях формирования централизованного государства, усиления монархических начал. Архиепископ Геннадий (Гонзов), известный бескомпромиссной борьбой с явившейся из Европы ересью жидовствующих, одновременно активно использовал свои связи с западноевропейскими научными и богословскими центрами для обогащения отечественной богословской и право-

¹⁶ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. XXI. «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М.: Университетская типография, 1902. Кн. 2 (201).

¹⁷ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. С. VII (349).

¹⁸ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. С. VIII (350).

¹⁹ Седельников А. Д. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР. 1925. Т. 30. С. 207, 209.

²⁰ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. С. X (352).

²¹ Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. С. XII–XIII (354–355), XV (357).

творческой практики уже опробованным, универсальным инструментарием, позволявшим облекать сложные, проблемные вопросы церковной и светской жизни в фактуру академической полемики и юридического документа. Неслучайно в свое время А. Д. Седельников характеризовал «Слово кратко» как трактат на основе латинской каноники²². Центральная идея произведения связывает имущественные права с отношениями церкви и государства в целом. Как известно, на всем протяжении отечественной истории эта проблема оставалась актуальной, так же как и вопрос о границах церковной юрисдикции в гражданско-правовой сфере.

Факторы развития системы правового регулирования

Рассуждая о значении канонического права в становлении правовой системы Руси, не следует забывать о специфике социального регулирования данной эпохи в целом. Протоиерей Владислав Цыпин в курсе церковного права, характеризуя участие канонистов Константинопольской юридической школы эпохи Македонской династии в издании законодательных сборников, подчеркивает, что светское и каноническое право в Византии в XI в. были неотделимы одно от другого²³. Что же говорить о соотношении этих двух систем регулирования на Руси, если учесть уровень развития на тот момент отечественного светского права, несравнимый с уровнем римского права средневизантийского периода. Очевидно, что авторитет канонического права на Руси был довлеющим. Будучи знатоками Священного Писания, канонов, владыки, в том числе новгородские, практически выступали в роли главных законников. Правда, давая оценку влиянию византийского канонического права, следует учитывать нюансы политической обстановки на Руси, социального, идеологического и внутрицерковного противостояния. Так, показательным можно считать эпизод с устранением с новгородской кафедры епископа Иоанна Попьяна. Разбирая причины замены его

Нифонтом, А. С. Хорошев останавливается на гипотезе В. Л. Янина о попытке Иоанна добиться для «северной епархии» независимости от Киевской митрополии и автокефалии по отношению к Константинопольской патриархии²⁴. Следует отметить, что в истории Новгородской республики попытки утвердить независимость и от князей, и от Киевской митрополии носили регулярный характер.

При Нифонте нормативно-регулятивная система городской общины развивалась под влиянием канонического права в византийском варианте. Известно также, что самый крупный скрипторий был создан в Новгороде при Нифонте (середина XII в.)²⁵. Факт массового перевода византийской христианской литературы на церковнославянский язык наряду с появлением на Руси представителей византийского духовенства современные специалисты считают важным условием развития древнерусской юриспруденции²⁶. Как яркий сторонник Константинополя, Нифонт, безусловно, следовал Номоканону, а при толковании церковных норм мог руководствоваться положениями Эклоги, Прохирина, а также комментариями канонистов. Нельзя исключать использования епископством греческого происхождения в административной, богослужебной, а возможно и в судебной, практике других памятников византийского канонического права, содержавших систематизированное учение о государстве и церкви, преступлениях и наказаниях.

При избрании на новгородскую кафедру следующего владыки (Аркадия) ситуация могла несколько измениться. Во-первых, епископ Аркадий имел местные корни, не был связан с Киево-Печерской лаврой как форпостом влияния Византии. Во-вторых, он был избран на кафедру по древнему обычаю новгородцев в апреле 1156 г. и приступил к выполнению функций до рукоположения в епископы, состоявшегося лишь 10 августа 1158 г. Таким образом, возобладала собственная (местная) традиция организации управления, восходившая к архаике (к обычному праву), но ставшая актуальной в условиях борьбы городской об-

²² Седельников А. Д. Указ. соч. С. 215.

²³ Цыпин В., протоиерей. Курс церковного права : учеб. пособие. Клин : Христиан. жизнь, 2004. С. 14.

²⁴ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М. : Издательство Московского университета, 1980. С. 26.

²⁵ Гайденок П. И. Образование древнерусских епископов (конец X — первая треть XIII в.) // Христианское чтение. 2014. № 4. С. 21–22.

²⁶ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 11.

щины за независимость. Могло ли это каким-то образом отразиться на регулировании судопроизводства, управления и на взаимоотношениях церковной организации со светскими органами власти? Возможно, в этот период больше внимания уделялось источникам церковного права государственного происхождения, причем местного, т.е. уставам князей Владимира, Всеволода Мстиславовича.

Рассуждая о роли восточнохристианской традиции в становлении духовной, правовой и политической культуры Руси, следует учитывать сложную природу церковно-религиозных регуляторов. Так, Р. Н. Кривко отмечает влияние с середины XI в. иерусалимского обычая на богослужебную практику Константинополя. Автор считает, что одним из объяснений «иерусалимских» праздников новгородской служебной минеи на апрель могут быть прямые контакты Древней Руси и Палестины через паломников или славянскую общину на Синае²⁷, что дает представление об источниках и о путях проникновения на Русь норм канонического права. В литературе, посвященной истории русской православной церкви, признается тот факт, что в рамках паломнической практики конца XII в. особенно выделялись «хождения новгородцев», отличавшихся стремлением к самостоятельности и налаживанию прямых контактов с Царьградом и его церковной иерархией²⁸. Примером такого «хождения» было путешествие в 1200 г. в Царьград новгородского архиепископа Антония, посещавшего, в частности, Студийский монастырь, откуда происходил Студийский устав. В списке XII в. перевод Студийского устава имелся в новгородском Воскресенском монастыре²⁹.

В целом судить о нормативной основе активной деятельности новгородских владык можно исходя из содержания старейшей русской редакции Кормчей книги — Софийской (Климентовской) кормчей 1280–1282 гг. Новгородский Синодальный список Кормчей

книги — первый отечественный свод законов церковных и светских. Его создание было инициировано новгородским архиепископом Климентом после состоявшегося в 1274 г. во Владимире Собора епископов русской церкви, утвердившего новый свод канонического права. Софийская кормчая представляет собой систематизированное собрание наиболее актуальных для второй половины XIII в. элементов религиозно-правовых памятников Византии, Сербии, Болгарии и Руси. Эта, по выражению М. Н. Тихомирова, «громадная книга» вмещала и Русскую Правду³⁰. Вывезенная в Москву в 1478 г. Софийская кормчая являлась не только идеологическим трофеем, но и источником знаний о правовой системе включенных при Иване III в состав Великого княжества Московского новых областей. Следует помнить, что создание централизованного государства сопровождалось активным правотворческим процессом, вылившимся в издание Судебника 1497 г. С. В. Юшков указывал на «чрезвычайно своеобразные черты» Псковской и Новгородской областей как на фактор, активно влиявший на развитие московского законодательства³¹. Объем и техника работы при создании Софийской кормчей невольно наводят на мысль о сравнении с трудом европейских глоссаторов, в свое время обеспечивших путем толкования и систематизации памятников древнего римского права необходимую для средневековой Европы платформу государственно-правового строительства.

Заключение

Каким же образом под эгидой церковных учреждений осуществлялась систематизация нормативной основы как церковных, так и мирских отношений XI и XII вв.? В. О. Ключевский применял к данному процессу уже привычный для XIX в. термин «кодификация». По

²⁷ Кривко Р. Н. Раннедревнеболгарский пласт в ростовской служебной минее XIII века (РНБ, Ф. п. I 37) // Slověne. 2012. Т. 1. № 1. С. 152–153.

²⁸ Августин (Никитин Д. Е.), архимандрит, Маркевич А. И. Студийский монастырь и древняя Русь // Альфа и Омега. 2008. № 53 ; 2009. № 54, 55.

²⁹ Монашество и монастыри в России. XI–XX века : исторические очерки / отв. ред. Н. В. Сеницына; Ин-т российской истории. М. : Наука, 2002. С. 16.

³⁰ Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М. : Издательство Московского университета, 1953. С. 17.

³¹ Юшков С. В. Судебник 1497 года (к внешней истории памятника). Саратов : Издание Правления Саратовского университета, 1926. С. 6.

его мнению, правотворчество начиналось с инициативы князей, находившихся в поиске новых юридических норм, лучших правительственных органов и за всем этим обращавшихся к церковной иерархии и церковным юридическим средствам. Далее уже церковные судьи и законоведы, работая с церковными византийскими произведениями о суде и об управлении, делали выписки пригодных правил, обращались в случае необходимости за толкованием к высшим иерархам и затем из полученных ответов и правил составляли юридические нормы. В. О. Ключевский подчеркивал, что таким же образом создавалась и Русская Правда. Отделы и титулы Эклоги или Прохиона не копировались, но переделывались сообразно с «местными нравами и отношениями»³². Всё это, как уже отмечалось, напоминает практику глоссаторов и наводит на мысль о роли богословской доктрины в правотворческом процессе. В современной научной литературе религиозная доктрина, наряду с актами князей, юридическими обычаями, договорами, признается одной из форм, в которых воплощалось право Древней Руси³³. Однако роль религиозной доктрины в становлении отечественной правовой системы универсальна. Во многом только посредством доктринальной переработки и редакционной правки представителями церковной организации остальные источники приобретали официальный характер и находили место в системе правового регулирования. Нельзя не согласиться с А. В. Корневым и В. В. Лазаревым, подчеркивающими первостепенную роль религии и церкви в легитимизации структур и институтов социализации человека на начальном этапе цивилизационного развития³⁴.

Рассмотрение вопроса о роли церкви в становлении российской правовой системы

на примере правовой практики новгородской архиепископской кафедры позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, не вызывает сомнений кардинальное отличие начального этапа формирования отечественной правовой системы от аналогичных процессов в странах романо-германской правовой семьи. Основу регулятивной базы в Древней Руси составили, наряду с обычным правом, религиозные нормы, причем в развитом, устоявшемся, кодифицированном варианте христианского канонического права, что сразу определило общую направленность ранних отечественных законодательных актов. Это означает, что отечественную правовую систему нельзя относить к романо-германской правовой семье, а следует считать главным элементом славянской. Во-вторых, следует официально признать роль богословской доктрины в качестве источника права на начальном этапе формирования отечественной правовой системы. В-третьих, среди архиерейских кафедр новгородская занимает особое место в истории государственно-правового строительства в силу особенностей положения в государственном механизме республиканского Новгорода и непосредственной причастности новгородцев к созданию первых отечественных памятников права. В-четвертых, уровень правовой культуры новгородцев в силу обширных политических и экономических контактов позволял интенсифицировать трансформацию канонического права в регулятор светского характера. Всё перечисленное дает основание считать актуальным дальнейшее исследование правотворческой, судебной и административной практики архиепископской кафедры Новгородской республики в целях выявления решающих факторов государственно-правового строительства Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Августин (Никитин Д. Е.), архимандрит. Геннадиевская Библия 1499 года и ее западные библейские источники // Известия библейских комиссий. 1991. № 2. С. 24–69.

Августин (Никитин Д. Е.), архимандрит, Маркевич А. И. Студийский монастырь и древняя Русь // Альфа и Омега. 2008. № 53 ; 2009. № 54, 55.

³² Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 3 т. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. С. 251–252.

³³ Серегин А. В. Древнерусская правовая цивилизация // Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 130.

³⁴ Корнев А. В., Лазарев В. В. Телеологические и теологические смыслы развития российского права // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 143.

- Белякова Е. В. Издание печатной Кормчей (1653 г.) и «византизм» в русской государственности // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2012. № 5. С. 34–50.
- Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым. XXI. «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 2 (201). М. : Университетская типография, 1902. 684 с.
- Бондаренко Ю. В. К проблеме рецепции византийского права в древнерусском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 274–276.
- Вовин А. А., Срединская Н. Б. Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв.: вдова и имущество покойного мужа // Петербургские славянские и балканские исследования. 2022. № 1 (31). С. 105–116.
- Гайденок П. И. Образование древнерусских епископов (конец X — первая треть XIII в.) // Христианское чтение. 2014. № 4. С. 6–32.
- Древнеславянская кормчая: XIV титулов без толкований / труд В. Н. Бенешевича ; Отделение русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 1. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1906. 837 с.
- Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 3 т. Т. 1. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. 592 с.
- Корнев А. В., Лазарев В. В. Телеологические и теологические смыслы развития российского права // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 142–151.
- Кривко Р. Н. Раннедревнеболгарский пласт в ростовской служебной минее XIII века (РНБ, Ф. п. I 37) // Slověne. 2012. Т. 1. № 1. С. 145–221.
- Макарий, епископ Винницкий. История русской церкви. Т. 2. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1857. 372 с.
- Монашество и монастыри в России. XI–XX века : исторические очерки / отв. ред. Н. В. Синицына ; Ин-т российской истории. М. : Наука, 2002. 346 с.
- Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 : Памятники XI–XV вв. / ред. А. С. Павлов. 2-е изд. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. 1466 с.
- Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. М. : Юридическая литература, 1984. 432 с.
- Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М. : Изд-во МГУ, 1986. 173 с.
- Седелников А. Д. К изучению «Слова кратко» и деятельности доминиканца Вениамина // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР. 1925. Т. 30. С. 205–225.
- Серегин А. В. Древнерусская правовая цивилизация // Lex russica. 2024. Т. 77. № 7. С. 124–139.
- Тихомиров М. Н. Пособие по изучению Русской Правды. М. : Издательство Московского университета, 1953. 192 с.
- Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси и правовая культура Византии // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2009. № 4. С. 3–26.
- Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М. : Издательство Московского университета, 1980. 224 с.
- Цыпин В., протоиерей. Курс церковного права : учеб. пособие. Клин : Христиан. жизнь, 2004. 700 с.
- Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М. : Наука, 1972. 343 с.
- Юшков С. В. Судебник 1497 года (к внешней истории памятника). Саратов : Издание Правления Саратовского университета, 1926. 46 с.
- Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М. : Наука, 1990. 384 с.

REFERENCES

- Augustine (Nikitin DE.), archimandrite, Markevich AI. Studiysky Monastery and Ancient Russia. *Alpha and Omega*. 2008;53. 2009;54,55. (In Russ.).
- Augustine (Nikitin DE.), archimandrite. Gennadiev Bible of 1499 and its Western biblical sources. *Izvestiya bibleyskikh komissiy*. 1991;2:24–69. (In Russ.).
- Belyakova EV. Publication of printed Kormchi (1653) and «Byzantism» in Russian statehood. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2012;5:34–50. (In Russ.).

Beneshevich VN. Ancient Slavic feeding: 14th titles without interpretation: Vol. 1. Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1906–1907. (In Russ.).

Bibliographic materials collected by Andrey Popov. XXI. «The word is short» in defense of monastic property. In: Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities. Moscow: University Printing House Publ.; 1902. (In Russ.).

Bondarenko YuV. On the problem of reception of Byzantine law in Old Russian legislation. *Gaps in Russian Legislation*. 2010;4:274-276. (In Russ.).

Chistyakova OI (ed.). Russian legislation of the 10th–11th centuries: in 9 vols. Vol. 1. Yanin VL (ed.). Legislation of Ancient Russia. Moscow: Juridicheskaja literatura Publ.; 1984. (In Russ.).

Gaidenko PI. The formation of Old Russian bishops (end of 10th — first third of the 13th century). *Khristianskoe chtenie*. 2014;4:6-32. (In Russ.).

Khoroshev AS. Church in the socio-political system of the Novgorod feudal republic. Moscow: Moscow University Publ.; 1980. (In Russ.).

Klyuchevsky VO. Russian History: Full Course of Lectures: In 3 vols. Vol. 1. Moscow: AST Publ.; Minsk: Harvest Publ.; 2002. (In Russ.).

Kornev AV, Lazarev VV. Teleological and Theological Value for the Development of Russian Law. *Lex russica*. 2025;78(3):142-151. (In Russ.).

Krivko RN. Early Old Bulgarian Layer in the Rostov Menaia of the 13th century. *Slověne*. 2012;1(1):145-221. (In Russ.).

Macarius, Bishop of Vinnitsa. History of the Russian Church. Vol. 2. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences; 1857. (In Russ.).

Pavlov AS (ed.). Monuments of Old Russian canon law. Part 1. (Monuments of the 11th–15th century). 2nd ed. St. Petersburg: M.A. Alexandrov Publishing House; 1908. (In Russ.).

Rybina EA. Foreign courts in Novgorod 12th–17th centuries. Moscow: Moscow State University Publ.; 1986. (In Russ.).

Sedelnikov AD. To the study of the «Word of the Brief» and the activities of the Dominican Benjamin. *Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the USSR Academy of Sciences in 1925*. 1926;30:205-225. (In Russ.).

Seregin AV. Old Russian Legal Civilization. *Lex russica*. 2024;77(7):124-139. (In Russ.).

Shchapov YN. Princely charters and church in Ancient Russia 11th–14th centuries. Moscow: Nauka Publ.; 1972. (In Russ.).

Sinitsyn NV (ed.). Monasticism and monasteries in Russia: 11th–20th centuries: historical essays. Institute of Russian History. Moscow: Nauka Publ.; 2002. (In Russ.).

Tikhomirov MN. Manual for the study of Russkaya Pravda. Moscow: Moscow University Publ.; 1953. (In Russ.).

Tomsinov VA. Jurisprudence of Ancient Russia and the legal culture of Byzantium. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2009;4:3-26. (In Russ.).

Tsylin V., archpriest. Course of Church Law. Klin: Khristianskaya Zhizn Publ.; 2004. (In Russ.).

Vovin AA, Sredinskaya NB. Reception of Roman law in North-Western Russia of the 14th–15th centuries: widow and property of the late husband. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2022;1(31):105-116. (In Russ.).

Yanin VL. Novgorod acts of the 12th–15th centuries. Chronological commentary. Moscow: Nauka Publ.; 1990. (In Russ.).

Yushkov SV. Sudebnik of 1497: (to the external history of the monument). Saratov: Saratov University Publ.; 1926. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фабричный Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, директор Юридического института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого
д. 41, Большая Санкт-Петербургская ул., г. Великий Новгород 173003, Российская Федерация
sergey.fabrichnyy@novsu.ru

Митина Светлана Игоревна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого
д. 41, Большая Санкт-Петербургская ул., г. Великий Новгород 173003, Российская Федерация
svetlana.mitina@novsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergei Yu. Fabrichniy, Dr. Sci. (Law), Professor, Leading Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Director of the Law Institute, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation
sergey.fabrichnyy@novsu.ru

Svetlana I. Mitina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the department of Theory of the State and Law, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation
svetlana.mitina@novsu.ru

*Материал поступил в редакцию 19 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 1 апреля 2026 г.
Принята к печати 15 апреля 2026 г.*

*Received 19.03.2025.
Revised 01.04.2026.
Accepted 15.04.2026.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.021-032

Д. Х. Валеев
Р. В. Шакирьянов

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация

Доктринальные проблемы дальнейшего упрощения упрощенного производства в гражданском судопроизводстве

Резюме. Статья посвящена анализу проверки апелляционной инстанцией судебных актов, которые были приняты в рамках упрощенной процессуальной формы, выявлению актуальных проблем, пробелов правового регулирования, а также перспектив развития электронной процедуры разрешения дел. Доказано, что упрощенная процедура — самодостаточная и нужная прогрессивная форма ускоренного рассмотрения гражданских или любых гражданско-правовых дел, которая подразумевает очевидность обстоятельств дела, несложность доказывания. Обоснованы эффективность и необходимость упрощенного производства через его положительные стороны: уменьшение нагрузки на суды и сроков рассмотрения дел с учетом вступления решения суда в законную силу; процессуальную экономию средств и времени лиц, участвующих в деле; развитие юридических техники и процедур, а также электронного правосудия. Аргументировано, что упрощенное производство, являясь формой оптимизации гражданского процесса, не может предусматривать усеченной реализации основополагающих принципов гражданского судопроизводства, т.е. правоприменитель не вправе лишать нормы упрощенного производства о представлении доказательств гарантии состоятельности процесса, а принятые судом постановления — гласности. В этой связи дальнейшее усовершенствование правил упрощенного производства в суде как первой, так и апелляционной инстанции должно отвечать социальным и правовым запросам времени. Авторы приходят к выводу о необходимости развития, оптимизации, упрощения упрощенной формы в апелляционном производстве.

Ключевые слова: судопроизводство; упрощенное производство; письменное производство; электронное правосудие; упрощенное апелляционное производство; представление доказательств; письменные доказательства; переход на рассмотрение дела по общим правилам искового производства; гражданский процесс; гражданско-правовой процесс

Для цитирования: Валеев Д. Х., Шакирьянов Р. В. Доктринальные проблемы дальнейшего упрощения упрощенного производства в гражданском судопроизводстве. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 21–32. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.021-032

Doctrinal Problems Regarding the Further Simplification of Simplified Proceedings in Civil Procedure

Damir Kh. Valeev

Rafail V. Shakiryaynov

Kazan (Volga) Federal University

Kazan, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes how appellate courts review judicial decisions issued under simplified procedural frameworks, identifying current challenges, gaps in legal regulation, and prospects for the development of electronic case resolution procedures. It demonstrates that simplified proceedings constitute a self-sufficient and necessary progressive form of expedited adjudication of civil and other private law cases, characterized by clear factual circumstances and a straightforward evidentiary process. The effectiveness and necessity of simplified

© Валеев Д. Х., Шакирьянов Р. В., 2026

proceedings are substantiated through their key advantages: reducing court caseloads and shortening the time required for case resolution, including the period for a judgment to become final and enforceable; promoting procedural economy in terms of time and financial resources for the parties; and advancing legal techniques, procedural mechanisms, and e-justice. The study further establishes that, as a means of optimizing civil procedure, simplified proceedings cannot entail a curtailed application of the fundamental principles of civil litigation. In other words, courts may not deprive the rules governing the submission of evidence in simplified proceedings of the guarantees of adversarial process, nor may they deny the principle of transparency in the publication of judicial decisions. In this regard, further optimization of the rules governing simplified proceedings — both at the trial and appellate levels — must respond to contemporary social and legal demands. The authors conclude that there is a need to further develop, refine, and streamline the simplified model within appellate proceedings.

Keywords: legal proceedings; simplified proceedings; written proceedings; e-justice; simplified appeal proceedings; evidence provision; written evidence; transition to consideration of the case according to the general rules of claim proceedings; civil court proceedings; civil process

Cite as: Valeev DKh, Shakiryaynov RV. Doctrinal Problems Regarding the Further Simplification of Simplified Proceedings in Civil Procedure. *Lex russica*. 2026;79(5):21-32. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.021-032

Введение

Ускоренное судебное рассмотрение гражданских дел, поэтапное внедрение электронного правосудия в гражданский процесс, не нарушающие при этом эффективность существующей защиты прав, свобод и законных интересов субъектов гражданских правоотношений, а, наоборот, повышающие ее, — вот основные, непосредственные причины и предпосылки введения законодателем упрощенного производства. Именно поэтому вектором развития современного цивилистического процессуального законодательства становится подобное ускорение одновременно с упрощением процедур рассмотрения дел судом по существу. На практике же порой требуется еще большее упрощение, чем допускается законодателем, но если и предусмотреть подобные процедуры оптимизации, то, на наш взгляд, они должны основываться не только на запросах правоприменителя — право, его сущность и обеспеченность не должны быть попораны.

Именно поэтому необходимо очертить поле действия — изменения. Несмотря на то что введение и развитие упрощенного производства согласуются с названной парадигмой и тенден-

циями оптимизации гражданского судопроизводства¹, оно все-таки не должно сводиться к уменьшению количества процессуальных правил, напротив, обязано предусматривать такую детальную и вместе с тем гибкую регламентацию, которая бы способствовала строгому выполнению процессуальных формальностей, не порождая желания изменить правоприменительную практику², особенно в угоду определенным категориям дел, что влекло бы за собой неблагоприятные тенденции. Только при таких вводных упрощение и оптимизация будут отвечать целям «выбора наилучшего пути достижения задач правосудия»³ или формирования «лучших условий предоставления судебной защиты заинтересованным субъектам»⁴, т.е. не будут создавать новых бенефициаров упрощения, кроме тех, что допускаются законом.

Являющееся особой формой судебного разбирательства гражданских дел, предусматривающей отсутствие публичного рассмотрения дела непосредственно в судебном заседании, упрощенное производство относят к прогрессивным видам (формам) ускоренного рассмотрения гражданских дел, которые используются, во-первых, для экономии временных и иных ресурсов как самих сторон, так и суда, а

¹ Шпак В. В. Оптимизация гражданского судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. Саратов, 2019.

² Вершинин А. П. Способы защиты гражданских прав в суде. СПб. : С.-Петербургский ун-т, 1997. С. 38.

³ Царегородцева Е. А. Способы оптимизации гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. Екатеринбург, 2006.

⁴ Соловьева Т. В. Упрощенные формы рассмотрения и разрешения дел в свете оптимизации гражданского судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 6 (155). С. 122–127.

во-вторых, лишь в тех случаях, когда сложность доказывания исключается ввиду бесспорности обстоятельств дела. Оба условия являются системообразующими для данного правового института, представить его без них невозможно, и упрощение не должно касаться подобных основ, подразумевающих имманентные признаки.

Конструкция и механизм упрощенного производства появились в главе 21.1 ГПК РФ, введенной Федеральным законом от 02.03.2016 № 45-ФЗ, что еще раз подчеркивает актуальность рассматриваемого вопроса. Законодателем сделан важный шаг: он закрепил не только порядок упрощенного производства, но и его особенности, в частности рассмотрение дел по правилам искового производства; обязанность суда для ряда дел, перечисленных в ст. 232.2 ГПК РФ, предусмотреть упрощенное производство. В силу этого можем констатировать: согласия сторон на подобный порядок не требуется испрашивать, предоставлять его не нужно⁵. Это, на наш взгляд, законодательное упрощение упрощенного производства.

По категориям дел, прямо не перечисленных, суд лишь правомочен предложить сторонам упрощенный порядок, уведомляя о праве, не настаивая на его реализации, согласно ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ. Моментами такого уведомления могут стать принятие искового заявления к производству и подготовка дела к судебному разбирательству. Важно, что выраженное сторонами согласие должно быть очевидным, например следовать из письменного либо зафиксированного в протоколе заявления сторон, т.е. подтверждаемым и проверяемым в случае возникновения ситуации, способной оспорить возможность самого упрощенного порядка.

К числу упрощающих процессуальных механизмов относится и регламентация срока представления доказательств и иных документов лицами, участвующими в деле. Суд, принимая исковое заявление к производству, в соответствующем определении устанавливает конкретный временной интервал для их направления в суд и другим участникам процесса, который составляет не менее 15 либо не менее 30 дней.

В первом случае такой срок подразумевается для представления ответчиком отзыва (возражений) на исковое заявление (заявление); любым участвующим в деле лицом до-

казательств, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. Во втором — для представления только дополнительных документов, которые могут содержать объяснения по существу заявленных требований и возражений в обоснование позиции, но не могут указывать на доказательства, не раскрытые в установленный судом срок. Если доказательства и документы поступили в суд по истечении установленного судом срока, они не принимаются и не рассматриваются и возвращаются подавшим их лицам. И это правило, на наш взгляд, не подлежит преодолению, подмене другими механизмами, т.е. дальнейшему упрощению, несмотря на запросы правоприменения.

Еще одним механизмом упрощения можем признать порядок рассмотрения судом заявлений и ходатайств согласно ст. 166 ГПК РФ, а именно без проведения судебного заседания и с учетом иных особенностей рассмотрения гражданских дел в порядке упрощенного производства. Введение в гражданский процесс данного вида производства — значительный шаг по дальнейшему упрощению гражданской процессуальной формы. Однако и в этом случае законодателем строго очерчены границы: оговорено соблюдение принципа рассмотрения их в разумный срок, который обеспечивает участвующим в деле лицам возможность заявить возражения.

Вышеуказанные особенности влияют на общий срок, в течение которого должно быть принято решение по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства. Согласно ч. 5 ст. 232.3 ГПК РФ оно принимается судом до истечения двухмесячного срока рассмотрения дела, но не ранее истечения периодов, установленных для представления доказательств и иных документов. То есть даже законодательно предусмотренное упрощение согласуется с логикой процесса, а оптимизация не нарушает основополагающих правил и процедур.

Основная часть

Нестандартность упрощенной формы признается самим законодателем, который допускает упрощение некоторых правовых процедур и правил. В рассматриваемом случае это правила

⁵ Бочкарев А. Е. Факультативность упрощенных судебных производств // Российский судья. 2013. № 4. С. 15–18.

о ведении протокола и об отложении разбирательства дела.

Впрочем, «документарная» состязательность, как ее называет Т. В. Соловьева⁶, всё же может быть исключена. Суд полномочен рассматривать дело, хотя без вызова сторон и без публичного разбирательства в зале судебного заседания, лишь на основании письменных доказательств сторон или изложенных в представленных сторонами документах объяснений, которые также всесторонне, полно, объективно и непосредственно исследует и на основании которых принимает решение, учитывая законодательно допустимые для этого сроки.

Суд выносит резолютивную часть, отражая решение по делу, рассмотренному по упрощенной форме. Упрощение касается и составления мотивированного решения, для которого законодателем предусмотрены определенные условия: заявление лиц, участвующих в деле, инициатива председательствующего судьи, прямое участие судьи, подписавшего резолютивную часть решения. Данное допущение на практике действительно оптимизирует гражданский процесс, являясь действенным механизмом и не нарушая при этом законных интересов спорящих сторон.

Разработанный и внедренный законодателем механизм использует весь потенциал упрощенного производства, не пренебрегая основополагающими началами гражданского судопроизводства — его принципами, которых не может и не должно касаться никакого рода упрощение. Так, судьей принимается во внимание не только то, что установленный законодателем порядок представления доказательств по делу обеспечивает реализацию прав сторон на своевременное ознакомление с этими доказательствами, но и то, что правильное рассмотрение и разрешение самого дела, т.е. соблюдение принципа состязательности, направлено на обеспечение основных гарантий судебной защиты заинтересованным лицам. Отражено это, как правило, в мотивировочной части решения в виде описания и оценки представленных суду в обязательном порядке в письменной форме сторонами позиций по делу.

Приведем другой пример. Так, принцип гласности обеспечивается извещением сторон

по делу. Реализация данного принципа также относится к обязанностям суда. Именно суд извещает стороны о принятии искового заявления к производству, размещает принятые по делу судебные акты, а также направляет копии решений лицам, участвующим в деле. Вместе с тем процессуальное законодательство исходит из того, что участники считаются уведомленными надлежащим образом при условии, что на момент вынесения решения в материалах дела имеются сведения о получении адресатом копии определения о принятии заявления к производству и о рассмотрении спора в порядке упрощенного производства.

Одновременно с реализацией названных принципов описанные обстоятельства свидетельствуют и о соблюдении судами права лиц быть выслушанными в суде⁷.

Дополнительно для обеспечения принципов состязательности, процессуального равенства и добросовестности участников при разрешении спора законодатель предусматривает ряд процедурных механизмов: доведение до сведения лиц, участвующих в деле, информации обо всех совершаемых по делу процессуальных действиях; фиксацию их правовой позиции в письменных документах; предоставление возможности заблаговременно ознакомиться с доказательствами, представленными оппонентом; подачу письменных возражений на апелляционную жалобу с одновременным направлением их другим участникам процесса и представлением суду подтверждений такого направления.

Кроме того, в обязательном порядке суды апелляционной инстанции проверяют, соблюдены ли судом первой инстанции принципы гражданского судопроизводства при рассмотрении дела в порядке упрощенного производства. Так, обоснованное принятие доказательств, своевременное информирование сторон по делу свидетельствуют о соблюдении судом принципа состязательности; извещение сторон по делу о принятии иска к рассмотрению, направление им копий судебных постановлений подтверждают соблюдение судом первой инстанции принципа гласности.

Часть 4 ст. 1, статья 12, часть 1 ст. 35, части 2, 3 ст. 232.3, статья 325 ГПК РФ подтвержд-

⁶ Соловьева Т. В. Модернизация принципов гражданского судопроизводства в свете реформы судебной системы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С. 8–13.

⁷ Шерстюк В. М. Право быть выслушанным и быть услышанным — принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М. К. Треушников. М. : Городец, 2004. С. 57–63.

дают вывод о том, что принципы гражданского процесса действуют и в упрощенном производстве, но в то же время трансформируются с учетом его потребностей и особенностей. Однако, как отмечалось ранее и как обоснованно указывается в доктрине⁸, подобная трансформация или любое другое их видоизменение должны исключать снижение уровня гарантий судебной защиты, ущемление прав и охраняемых законом интересов участников и сторон гражданско-процессуальных отношений⁹. Иначе, как верно отмечают ученые, единственным вариантом реализации принципа состязательности так и останется рассмотрение гражданского дела по общим правилам искового производства, без использования всех преимуществ упрощенного производства¹⁰.

В качестве одной из причин развития упрощенного производства в гражданском судопроизводстве указывалось использование электронного правосудия, доступного на всех стадиях этого производства. Категория дел, рассматриваемых в упрощенном производстве, используемая при этом процессуальная форма подразумевают особую модель электронного правосудия.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» последовательно урегулированы вопросы электронного документооборота в судебной системе. Указанный акт охватывает все стадии соответствующего процесса: от подачи искового заявления в электронной форме и извещения участников дела до вынесения судебных актов в виде электронных документов и направления таких актов и их копий лицам, участвующим в деле, посредством электронных средств связи. Для качественной реализации их на практике необходима отвечающая современным требованиям

и высокотехнологичная электронная коммуникация в судах. Однако эти положения постановления Пленума Верховного Суда РФ подлежат применению с учетом особенностей упрощенного производства. Так, представляется, что использование правил электронного правосудия следует начать с обращения граждан в суд.

Актуальны меры по оказанию лицам, участвующим в деле, необходимой помощи при обращении в суд в виде размещения на официальном сайте суда наглядных примеров, отражающих весь алгоритм действий: с подачи иска до его прохождения через все стадии. Вспомогательные разъясняющие компьютерные программы могут открывать типовые процессуальные документы, шаблоны которых можно использовать при электронном способе подачи документов в суд (например, готовый образец искового заявления для внесения необходимых данных).

Доступными для проверки должны стать абсолютно все процессуальные действия суда по созданию электронного дела: принятие искового заявления, подготовка дела к рассмотрению, включая направление и раскрытие сторонами доказательств друг другу, рассмотрение дела, вынесение судебного постановления и выставление его на официальном сайте в сети Интернет в режиме необходимого ограниченного доступа. Так, при разрешении спора по правилам упрощенного производства каждое процессуальное действие суда (будь то суд первой инстанции или апелляционной) должно быть известно лицам, участвующим в деле. С момента принятия искового заявления к производству и возбуждения дела вплоть до принятия итогового судебного акта участники процесса вправе получать информацию о ходе его рассмотрения посредством сети Интернет, при этом доступ к соответствующим сведениям предоставляется в ограниченном (закрытом) режиме¹¹.

Предложенные нововведения потребуют правоприменительных положений в постанов-

⁸ Жукова Ю. А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 79.

⁹ Федина А. С. Осуществление функциональных принципов гражданского процессуального права в упрощенном производстве // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 1. С. 90–100.

¹⁰ Киосе О. Упрощенное производство как институт гражданского процессуального права // Актуальные проблемы частного права в Российской Федерации : сборник статей III Ежегодной Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Симферополь, 2020. С. 240–249.

¹¹ Орлова А. И. Информационные технологии как средство обеспечения принципа состязательности по делам упрощенного производства // Цифровые технологии в юриспруденции: генезис и перспективы :

лениях Пленума Верховного Суда РФ (порядок обращения в суд, рассмотрение дела, принятие решения, обжалование в соответствующих инстанциях принятых судебных постановлений), а после — принятия соответствующего закона о специализированном суде, об электронном судопроизводстве, электронном правосудии.

На возможность и даже необходимость создания специализированных судов указывается и в Федеральном конституционном законе от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», статьей 4 которого предусмотрено создание специализированных судов в системе судов общей юрисдикции. Внедрение современных технологий связано с принятием Правительством РФ 27 декабря 2012 г. федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», которая направлена на повышение качества осуществления правосудия, совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Среди механизмов, способствующих применению упрощенного порядка при рассмотрении гражданского дела, можем выделить следующие.

Во-первых, определение суда, вынесенное по результатам рассмотрения заявления или ходатайства, размещается в установленном порядке в сети Интернет не позднее следующего дня после вынесения этого определения. Во-вторых, заявления и ходатайства, поданные в суд, размещаются в установленном порядке в сети Интернет в режиме ограниченного доступа в срок, не превышающий трех дней со дня их поступления в суд. В-третьих, лица, участвующие в деле, вправе в письменной форме высказать по ним свое мнение, направив соответствующий документ в суд, в том числе в электронном виде¹². В-четвертых, решение, принятое путем вынесения (подписания) резолютивной части, мотивированное

решение (в случае его составления) по делу, рассмотренному судом общей юрисдикции в порядке упрощенного производства, размещаются в сети Интернет не позднее следующего дня после их принятия или изготовления (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ).

Размещенные в открытом доступе судебные документы становятся образцами для всего профессионального сообщества, для теоретиков и правоприменителей. На наш взгляд, такие же правила должны распространяться и на процедуру принятия соответствующих жалоб, порядок их направления в суд апелляционной инстанции.

Претворение в жизнь этих и подобных предложений не только позволит разгрузить суды, оптимизировав их работу, но что обоснованно указывают противники упрощения процессуальной формы в виде преобразований процессуального законодательства¹³, но и ускорит, упростит разрешение гражданских споров, а также сделает эффективной судебную защиту и своевременным восстановление нарушенных прав лиц, участвующих в деле.

Современное гражданское процессуальное законодательство развивается по пути упрощения процедуры рассмотрения дел в судах. По мнению Н. А. Чечиной, «тенденция к упрощению процессуальной формы, облегчению судебной процедуры появилась не сейчас, не случайно и не внезапно»¹⁴.

Примечательно, что упрощенное производство предполагает упрощенную, но не поверхностную систему проверки судебных актов и в апелляции, ведь дело, рассмотренное в суде первой инстанции в упрощенном порядке, не может быть рассмотрено по правилам разобранного судебного разбирательства в апелляционной инстанции. Императивность данной нормы подтверждается невозможностью нивелировать законодательные предписания по ускорению судопроизводства. Обратное противоречило бы принципу процессуальной

материалы I Международной межвузовской научно-практической конференции. Красноярск, 2020. С. 113–117.

¹² Старицын А. Ю. Упрощенное производство в гражданском процессе. М. : Юрлитинформ, 2024.

¹³ Коллективное правовое заключение на законопроект Верховного Суда Российской Федерации о внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и индивидуальные заключения ученых и практиков / Д. А. Туманов, Е. Г. Стрельцова, С. В. Моисеев [и др.] // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 256–345.

¹⁴ Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. С. 586.

экономии. Поэтому рассмотрение дел в апелляционной инстанции сконструировано с учетом правил рассмотрения дел судом первой инстанции в упрощенном производстве.

Определенные процессуальные особенности закреплены и для апелляционного пересмотра решений, вынесенных по итогам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства. Такой порядок регламентируется главой 39 ГПК РФ с учетом специальных положений ст. 335.1. В числе установленных законом особенностей сокращенный срок для подачи апелляционной жалобы: в соответствии со ст. 232.4 ГПК РФ он составляет 15 дней со дня принятия решения либо изготовления его в окончательной форме. Сама апелляционная жалоба должна соответствовать требованиям ст. 322 ГПК РФ.

Слѣдует отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 325 ГПК РФ лица, участвующие в деле, вправе представить в суд первой инстанции возражения в письменной форме относительно апелляционных жалобы, представления, которые будут исследованы судом апелляционной инстанции. Апелляционные жалоба, представление на решение суда по делу, рассмотренному в упрощенном производстве, рассматриваются апелляционной инстанцией по правилам рассмотрения дела судом первой инстанции в упрощенном производстве с особенностями, предусмотренными статьей 335.1 ГПК РФ. В частности, такая апелляционная жалоба, представление рассматриваются судьей единолично по имеющимся в деле доказательствам без проведения судебного заседания, без извещения лиц, участвующих в деле, о времени и месте проведения судебного заседания, без оформления соответствующего протокола с использованием средств аудиозаписи.

С учетом характера и сложности рассматриваемого вопроса, а также доводов апелляционных жалобы, представления и возражений относительно них суд может вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание согласно ч. 1 ст. 335.1 ГПК РФ. Судебное заседание подлежит аудиопротоколированию, т.е. протоколированию с использованием средств аудиозаписи. Для принятия судом апелляционной инстанции письменных доказательств необходимо, во-первых, чтобы они поступили в суд первой инстанции при рассмотрении дела по существу, а во-вторых, чтобы в их принятии суд первой инстанции необоснованно отказал.

Рассмотрев апелляционную жалобу, представление на решение, суд апелляционной

инстанции полномочен реализовать любое из прав, предусмотренных статьей 328 ГПК РФ, но с учетом особенностей, установленных в ч. 3 ст. 335.1 Кодекса, а также в соответствующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Основанные на законе судебные постановления, принятые по результатам рассмотрения дела в порядке упрощенного производства, судом второй инстанции оставляются без изменения, однако при наличии соответствующих оснований они могут быть изменены либо отменены.

Анализ научных подходов и правоприменительной практики свидетельствует о том, что судебные акты, вынесенные в порядке упрощенной процедуры, могут быть отменены при наличии определенных оснований, в частности ошибочного применения либо необоснованного выбора упрощенного порядка рассмотрения дела, а также существенных нарушений процессуальных гарантий, выражающихся в несоблюдении прав и законных интересов лиц, участвующих в деле.

Таким образом, можем отметить, что законодательно закреплены и нормативно выверены определенные пределы упрощения, однако практика обнаруживает особенности правоприменения, которые должны учитываться законодателем. Например, суды не во всех случаях надлежащим образом информируют стороны о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства, часто не соблюдают установленных законом правил по предоставлению сторонам сроков для представления доказательств, в том числе дополнительных, нередко имеет место и нарушение прав участвующих в деле лиц на своевременное получение мотивированного решения (ст. 232.3, 232.4 ГПК РФ).

Определенные нарушения при рассмотрении дел по правилам упрощенного производства допускаются и судами первой инстанции. В подобных случаях (например, признания неуважительными причин пропуска срока обращения в суд) апелляционная инстанция отменяет решение суда первой инстанции и направляет дело в суд первой инстанции для рассмотрения по общим правилам искового производства, что прямо закреплено частью 1 ст. 330 и статьей 328 ГПК РФ. В данной ситуации судам предписано изучить и применить разъяснения, содержащиеся в п. 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, ре-

гламентирующих производство в суде апелляционной инстанции».

Кроме прочего, законодателем регламентированы, а судебной практикой выявлены и определены различные последствия отмены решений судов первой инстанции, принятых в порядке упрощенного производства. Согласно ч. 3 ст. 335.1 ГПК РФ апелляционная инстанция обязана отменить решение и направить соответствующее дело в суд первой инстанции для рассмотрения по общим правилам искового производства, если в процессе рассмотрения апелляционных жалобы, представления установлено, что дело, рассмотренное в порядке упрощенного производства, подлежало рассмотрению по общим правилам искового производства.

Впрочем, если дело, подлежавшее рассмотрению в упрощенном порядке, было рассмотрено судом по общим правилам искового производства, то данная процессуальная ошибка не служит безусловным основанием для отмены решения, т.е. законодатель признает, что это обстоятельство не препятствует правильному разрешению спора, следовательно, не может свидетельствовать о нарушении процессуальных прав участвующих в деле лиц.

Законодатель впервые наделил суды апелляционной инстанции полномочиями, в соответствии с которыми они теперь могут направить дело на новое рассмотрение после отмены судебных постановлений, вынесенных судами первой инстанции.

Между тем судебная практика давно сложилась так, что апелляционная инстанция была вынуждена по разным основаниям направлять дела на новое рассмотрение судом первой инстанции, способствуя тем самым преодолению пробелов в правовом регулировании.

Не стало исключением и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве», закрепляющее иные положения, способствующие преодолению возникших пробелов в правоприменительной деятельности.

Остается вопрос, как преодолеть предписание о том, что изготовить мотивированное

решение может лишь судья, который подписал его резолютивную часть. С учетом указанного обстоятельства в п. 42 названного постановления Пленума Верховного Суда РФ разъясняется, что при обжаловании резолютивной части решения, принятого по делу, рассмотренному в упрощенном порядке, и невозможности изготовления судом первой инстанции мотивированного судебного акта (например, в связи с прекращением полномочий судьи) апелляционный суд отменяет соответствующее решение и передает дело в суд первой инстанции на рассмотрение по общим правилам искового производства (ч. 3 ст. 335.1 ГПК РФ).

Эти указания Пленума представляются универсальными, однако они требуют законодательного осмысления и закрепления в ГПК РФ, чтобы соответствующие судебные процедуры не оставались «неполными»¹⁵. Потому даже последствия установления судом апелляционной инстанции допущенных судом первой инстанции нарушений основополагающих положений судопроизводства имеют свои особенности.

Анализируя и оценивая порядок и пределы упрощения, приходим к выводу о том, что обоснование необходимости внедрения, дальнейшего развития упрощенного производства в судах первой и апелляционной инстанций потребностью в снижении судебной нагрузки является спорным. Снижение судебной нагрузки в гражданском судопроизводстве — действительно важная, но не единственная и не первостепенная задача законодателя и правоприменителя.

Упрощение производства лишь часть реформирования всего гражданского процесса, которым охватывается и ускорение судопроизводства. При этом любое изменение должно гарантировать реализацию права на судебную защиту в полном объеме всем лицам, участвующим в деле.

Явные преимущества, заложенные законодателем и исследованные доктриной, однако, не подтверждаются статистическими данными: по-прежнему судами по правилам упрощенного производства рассматривается небольшое количество дел относительно растущего общего числа поступающих. Так, из ежегодных отчетов Судебного департамента при Верховном Суде РФ о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел видно, что за 12 месяцев 2020 г. в производ-

¹⁵ Сахнова Т. В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 27–49.

ство судов поступило 21 549 336 гражданских дел, из которых в упрощенном производстве рассмотрено лишь 120 133 дела. За 12 месяцев 2021 г. поступило 23 478 946 гражданских дел, из которых рассмотрено в упрощенном производстве 146 554 дела.

За 2022 и 2023 гг. эти показатели равны соответственно 26 021 658 и 127 493 дела, а также 28 482 785 и 122 335 дел. За первое полугодие 2024 г. из поступивших 14 231 278 дел в порядке упрощенного производства рассмотрено лишь 53 082 дела¹⁶.

Если проанализировать рассмотрение дела не только в первой инстанции, но и в апелляционной, можем заметить, что именно процедурная сложность рассмотрения в последней может стать одной из причин вышеописанного явления. При определенных обстоятельствах имеет место, например, явное усложнение: в некоторых случаях, о которых мы неоднократно говорили и которые анализировали в ранних исследованиях, апелляционная инстанция может рассматривать дела с переходом на правила полной апелляции. Так, апелляционный суд может прийти к выводу, что суд необоснованно рассмотрел дело в упрощенном порядке, принял по делу новые доказательства.

Рассмотрение дела по модели полной апелляции исключается в ситуациях, когда по итогам проверки законности и обоснованности решения, вынесенного в порядке упрощенного производства, суд апелляционной инстанции отменяет данный акт и возвращает материал на новое рассмотрение в суд первой инстанции с сохранением процедуры упрощенного производства.

Заключение

Дальнейшее упрощение правил упрощенного производства в гражданском судопроизводстве судов первой и апелляционной инстанций является задачей и законодателя, и правоприменителя. Данный вопрос остро стоит на повестке дня, обнаруживая пробелы правового регулирования.

Доктриной разрабатываются и предлагаются способы их преодоления. Например, для активизации работы судов по рассмотрению дел по правилам упрощенного производства, распространения этого процессуального института П. А. Якушевым предлагается ввести в гражданское судопроизводство (по аналогии с КАС РФ) право суда самостоятельно отменить решение, принятое в порядке упрощенного производства¹⁷. Подобные предложения, а следовательно, и возможность совершения указанных действий связаны в первую очередь с полномочиями судов на осуществление самоконтрольных функций, необходимость которых очевидна исходя из взаимодействия апелляционных судов с судами первой инстанции.

В настоящее время суды первой инстанции широко и эффективно выполняют функции по самоконтролю (исправление описки или явной арифметической ошибки, разъяснение судебного постановления, пересмотр решения по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, отмена судебного приказа) и накопили положительный опыт. Данное обстоятельство может учитываться и тогда, когда станет возможным наделить суды первой инстанции правом на пересмотр собственных решений по делам упрощенного производства, и это не вызовет каких-либо сложностей в правоприменительной деятельности.

Возможность пересмотра судом первой инстанции собственных решений закреплена в КАС РФ. В частности, в соответствии со ст. 294.1 Кодекса суд по заявлению заинтересованного лица вправе отменить вынесенный в порядке упрощенного производства акт и продолжить рассмотрение административного дела по общим процессуальным правилам.

Несмотря на сохраняющиеся дискуссионные аспекты, действующее регулирование упрощенной процедуры в целом демонстрирует эффективность и практическую востребованность. Соответствующие механизмы используются судами достаточно активно, создавая удобные условия для участников процесса и способствуя развитию цифровых форм осуществления правосудия.

¹⁶ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. — первое полугодие 2024 г. // URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src>.

¹⁷ Якушев П. А. Упрощенное производство в гражданском процессе: от иллюзорности к реальности // Вестник гражданского процесса. 2025. Т. 15. № 1. С. 260.

Продолжение реформы прогрессивного упрощенного порядка возможно, если законодатель предоставит судам первой инстанции право отменять собственные решения, принятые в порядке упрощенного производства, реализуя полномочия суда апелляционной инстанции, указанные в ч. 3 ст. 335.1 ГПК РФ, т.е. рассматривая дела по общим правилам искового производства, что отвечало бы выбранному вектору изменений.

Верховный Суд РФ усматривал причину незначительного применения правил упрощенного производства в малой цене иска и выступил с законодательной инициативой о повышении размера предельной суммы исков, рассматриваемых в упрощенном порядке¹⁸. Учеными же давно высказывалась мысль о необходимости законодательного разрешения данного вопроса¹⁹. В этой связи законодателем с учетом мнений ученых, а также правоприменителей на основании Федерального закона от 12.06.2024 № 135-ФЗ²⁰ внесены изменения: цена иска по

делам о взыскании денежных средств или об истребовании имущества, а также о признании права собственности, подлежащим рассмотрению в порядке упрощенного производства, была увеличена до 250 тыс. руб.

При положительной оценке и эффективной реализации обновленных правил упрощенного производства дальнейшее развитие данного института может быть связано с расширением его применения: включением дополнительных категорий дел, в том числе посредством увеличения предельных значений цены иска, при которых допускается применение упрощенного порядка, а также распространением его на иные виды производств, например отдельные категории дел особого производства. Перспективным направлением также видится наделение суда первой инстанции полномочием отменять решение, принятое им по упрощенной процедуре, с последующим переходом к рассмотрению спора по общим правилам искового производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бочкарев А. Е.* Факультативность упрощенных судебных производств // Российский судья. 2013. № 4. С. 15–18.
- Вершинин А. П.* Способы защиты гражданских прав в суде. СПб. : С.-Петербургский ун-т, 1997. 164 с.
- Жукова Ю. А.* Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 207 с.
- Зайцева Ю. А.* Самоконтроль арбитражного суда первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 26 с.
- Киосе О.* Упрощенное производство как институт гражданского процессуального права // Актуальные проблемы частного права в Российской Федерации : сборник статей III Ежегодной Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Симферополь, 2020. С. 240–249.
- Коллективное правовое заключение на законопроект Верховного Суда РФ о внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и индивидуальные заключения ученых и практиков / Д. А. Туманов, Е. Г. Стрельцова, С. В. Моисеев [и др.] // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 256–345.
- Орлова А. И.* Информационные технологии как средство обеспечения принципа состязательности по делам упрощенного производства // Цифровые технологии в юриспруденции: генезис и перспективы : материалы I Международной межвузовской научно-практической конференции. Красноярск, 2020. С. 113–117.

¹⁸ ВС предлагает увеличить цену иска, рассматриваемого в приказном или упрощенном порядке // Российское агентство правовой и судебной информации — РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20220209/307714663.html (дата обращения: 20.03.2025).

¹⁹ *Смагина Е. С.* Проблемы упрощенного производства в гражданском процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 57–63.

²⁰ Федеральный закон от 12.06.2024 № 135-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 25. Ст. 3399.

Сахнова Т. В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 27–49.

Смагина Е. С. Проблемы упрощенного производства в гражданском процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 57–63.

Соловьева Т. В. Модернизация принципов гражданского судопроизводства в свете реформы судебной системы // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С. 8–13.

Соловьева Т. В. Упрощенные формы рассмотрения и разрешения дел в свете оптимизации гражданского судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 6 (155). С. 122–127.

Старицын А. Ю. Упрощенное производство в гражданском процессе. М. : Юрлитинформ, 2024. 168 с.

Федина А. С. Осуществление функциональных принципов гражданского процессуального права в упрощенном производстве // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 1. С. 90–100.

Царегородцева Е. А. Способы оптимизации гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. Екатеринбург, 2006. 22 с.

Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 655 с.

Шерстюк В. М. Право быть выслушанным и быть услышанным — принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М. К. Треушникова. М. : Городец, 2004. С. 57–63.

Шпак В. В. Оптимизация гражданского судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. Саратов, 2019. 227 с.

Якушев П. А. Упрощенное производство в гражданском процессе: от иллюзорности к реальности // Вестник гражданского процесса. 2025. Т. 15. № 1. С. 246–263.

REFERENCES

- Bochkarev AE. Electionality of simplified court proceedings. *Russian Judge*. 2013;4:15-18. (In Russ.).
- Chechina NA. Selected works on the civil process. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ.; 2004. (In Russ.).
- Fedina AS. Implementation of functional principles of civil procedure law in simplified proceedings. *Vestnik TvSU. Series: Law*. 2018;1:90-100. (In Russ.).
- Kiose O. Simplified proceedings as an institution of civil procedure law. Actual problems of private law in the Russian Federation. *Proceedings of the 3rd Annual All-Russian Student Scientific and Practical Conference*. Simferopol; 2020. (In Russ.).
- Orlova AI. Information Technology as a Means of Ensuring the Adversarial Principle in Summary Proceedings. In: *Digital Technologies in Jurisprudence: Genesis and Prospects: Proceedings of the 1st International Interuniversity Research and Practice Conference*. Moscow: Krasnoyarsk State Agrarian University Publ.; 2020. (In Russ.).
- Sakhnova TV. «Incomplete» judicial procedures in the modern civil process. *Herald of Civil Procedure*. 2021;4:27-49. (In Russ.).
- Sherstyuk VM. The right to be heard is the principle of civil procedural law. In: Treushnikov MK (ed.). *Notes on modern civil and arbitration procedural law*. Moscow: Gorodets Publ.; 2004. (In Russ.).
- Shpak VV. Optimization of civil proceedings. *Cand. Sci. (Law) Diss. Saratov*; 2019. (In Russ.).
- Smagina ES. Problems of simplified production in civil proceedings. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2016;9:57-63. (In Russ.).
- Solovyova TV. Modernization of the principles of civil proceedings in the light of the reform of the judicial system. *Arbitrazh and Civil Procedure*. 2019;6:8-13. (In Russ.).
- Solovyova TV. Simplified forms of consideration and resolution of cases in the light of optimization of civil proceedings. *The Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2023;6(155):122-127. (In Russ.).
- Staritsyn AYu. Simplified procedure in civil proceedings. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2024. (In Russ.).
- Tsaregorodtseva EA. Ways to optimize civil proceedings. Author's Abstract. *Cand. Sci. (Law) Diss. Yekaterinburg*; 2006. (In Russ.).

Tumanov DA, Streltsova EG, Moiseev SV, et al. Collective legal opinion on the draft law of the Supreme Court of the Russian Federation dated 3 October 2017 on amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and individual opinions of scholars and practitioners. *Herald of Civil Procedure*. 2018;1:256-345. (In Russ.).

Vershinin AP. Ways to protect civil rights in court. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ.; 1997. (In Russ.).

Yakushev PA. Simplified production in civil proceedings: from illusory to reality. *Herald of Civil Procedure*. 2025;1(15):246-263. (In Russ.).

Zaitseva YuA. Self-control of the arbitration court of first instance. Author's Abstract. Cand. Sci. Law). Saratov; 2011. (In Russ.).

Zhukova YuA. Simplified proceedings in civil and arbitration proceedings. Cand. Sci. Law). Moscow; 2021. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Валеев Дамир Хамитович, доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета д. 18, Кремлевская ул., г. Казань 420008, Российская Федерация
valeev55@yandex.ru

Шакирьянов Рафаиль Валиевич, доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета д. 18, Кремлевская ул., г. Казань 420008, Российская Федерация
rakat51@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Damir Kh. Valeev, Dr. Sci. (Law), Deputy Dean, Faculty of Law, Kazan (Volga) Federal University, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

Rafail V. Shakiryanov, Associate Professor, Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure, Kazan (Volga) Federal University, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation
rakat51@mail.ru

Материал поступил в редакцию 3 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 6 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2026 г.

Received 03.03.2025.

Revised 06.04.2025.

Accepted 15.04.2026.

Институт подсудности как элемент процессуального механизма обеспечения доступности правосудия

Резюме. В уголовно-процессуальном механизме обеспечения доступа к правосудию институту подсудности отведена роль универсального инструмента, обеспечивающего фактическую возможность обращения лица за судебной защитой на любых этапах производства по уголовному делу. Существенные законодательные трансформации, которым подверглись правила о подсудности за последние годы, актуализируют вопрос о возможности данного института не только выполнять техническую функцию по распределению уголовных дел между судами, но и гарантировать доступность отдельных процессуальных прав. Результаты исследования свидетельствуют о заметном отклонении российского законодателя от прежней модели дифференциации подсудности. Размытие границ между подсудностью уголовных дел военным судам, судам общей юрисдикции и мировой юстиции стало следствием игнорирования процессуальной и судоустройственной специфики их деятельности. Обосновано, что механизм изменения подсудности в целях обеспечения личной безопасности участников судопроизводства характеризуется неоправданной сложностью, ограниченностью сферы применения, в то время как порядок изъятия и передачи уголовного дела в другой суд для обеспечения объективности и беспристрастности судебного разбирательства, напротив, обладает неопределенностью и, в сущности, дублирует процедуру отвода состава суда. На основе конкретных судебных решений показано, что данные обстоятельства не позволяют раскрыть весь потенциал механизма изменения подсудности и способствуют формированию противоречивой практики. Доказана потребность в легитимации изменения территориальной подсудности при возникновении некоторых непреодолимых обстоятельств, ограничивающих доступ к правосудию, в частности при длительной невозможности формирования коллегии присяжных заседателей.

Ключевые слова: подсудность уголовных дел; доступность правосудия; военные суды; изменение подсудности; суды общей юрисдикции; передача уголовного дела; судебное разбирательство

Для цитирования: Гизатуллин И. А. Институт подсудности как элемент процессуального механизма обеспечения доступности правосудия. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 33–46. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.033-046

The Institution of Jurisdiction as a Procedural Mechanism for Ensuring Access to Justice

Irek A. Gizatullin
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation

Abstract. Within the criminal procedural framework for ensuring access to justice, the institution of jurisdiction serves as a universal mechanism that guarantees a person's practical ability to seek judicial protection at any stage of criminal proceedings. The significant legislative transformations to which the rules governing jurisdiction

have been subjected in recent years have brought into focus the question whether this institution is capable not merely of performing a technical function of allocating criminal cases among courts, but also of safeguarding access to specific procedural rights. The findings of the study indicate a marked departure by the Russian legislature from the previously established model of differentiated jurisdiction. The blurring of boundaries among the jurisdiction of military courts, courts of general jurisdiction, and magistrate courts has resulted from a disregard for the procedural and institutional particularities of their respective functions. The author demonstrates that the mechanism for changing jurisdiction in order to ensure the personal safety of participants in criminal proceedings is characterized by undue complexity and a narrowly circumscribed scope of application. Conversely, the procedure for removing and transferring a criminal case to another court to safeguard the objectivity and impartiality of the trial is marked by indeterminacy and, in essence, duplicates the procedure for challenging a panel of judges. An analysis of specific judicial decisions shows that these circumstances prevent the full potential of the mechanism for changing jurisdiction from being realized and contribute to inconsistent judicial practice. The study substantiates the need to legitimize changes in territorial jurisdiction in the event of certain insurmountable circumstances that restrict access to justice, particularly in cases where there is a prolonged inability to empanel a jury.

Keywords: jurisdiction of criminal cases; accessibility of justice; military courts; change in jurisdiction; courts of general jurisdiction; transfer of a criminal case; trial

Cite as: Gizatullin IA. The Institution of Jurisdiction as a Procedural Mechanism for Ensuring Access to Justice. *Lex russica*. 2026;79(5):33-46. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.033-046

Введение

Любое обстоятельное исследование доступности правосудия требует постановки вопроса о минимальном наборе организационных и процедурных элементов механизма ее обеспечения. В судоустройственном контексте поиск ответа на него в конечном счете сводится к разработке и обоснованию перечня требований к организационно-технической оснащённости судебной системы. Предмет сугубо процессуального дискурса по данному вопросу значительно шире, что объективно обусловлено как минимум многостадийностью уголовного судопроизводства и непостоянством функций, статуса и объема прав его участников по мере движения уголовного дела. Это позволяло специалистам определять специфичный набор процедурных условий доступности правосудия в отношении практически каждого его этапа¹.

Тем не менее универсальной, т.е. не зависящей от указанных обстоятельств, исходной процессуальной гарантией доступа к правосудию является институт подсудности. При всем разнообразии закрепленных в законе механизмов

судебной защиты запуск любого из них вне зависимости от стадии производства предопределяется установленным порядком выбора суда, который будет рассматривать уголовное дело или материалы по нему. В этом смысле данному институту всегда отводилась роль некоего проводника в сферу судебной формы разрешения любого правового конфликта.

И без того всегда стабильно высокий интерес юридической науки к рассматриваемому институту усиливается в связи с продолжающимся реформированием его ключевых нормативных положений. Попытки сравнения современной редакции ст. 31–35 УПК РФ с той, что действовала, скажем, лет 10 назад, в целях определения ценностной линии развития самого института скорее обречены: значительная часть статей регулярно корректировалась, вводимые положения довольно скоро утрачивали юридическую силу, а специфичная техника изложения норм по-прежнему усложняет их однозначное восприятие правоприменителем². О глобальности преобразований свидетельствуют, конечно же, не только последствия юридико-технического толка, но и нарушение

¹ См., например: *Литвиненко К. Л.* Обеспечение права граждан на доступ к правосудию в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012 ; *Воронина Н. А.* Право потерпевшего на доступ к правосудию и его реализация в досудебном уголовном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024 с. ; *Сидоров В. В.* Надзорное производство в уголовном процессе как средство обеспечения права на доступ к правосудию : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

² *Бехало С. В.* Подсудность в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 100.

прежней системы подсудности, в частности модели ее дифференциации. Так, еще на рубеже начала действия УПК РФ правила распределения уголовных дел между уровнями и видами судов конструировались на основе, во-первых, специфики составов преступлений, во-вторых, сочетания единоличной и коллегиальной форм рассмотрения дела (чем выше уровень суда, тем вероятнее доминирование коллегиальной формы), в-третьих, учета персональной характеристики участников судопроизводства, требующей особой специализации судей (военнослужащие, несовершеннолетние, присяжные заседатели).

Сейчас же использование указанных критериев не позволяет логически объяснить предложенную законодателем дифференциацию подсудности: коллегиальный состав больше не является обязательным при рассмотрении дела по первой инстанции в суде областного значения³; институт суда присяжных распространился на районное звено⁴, потребовав особой специализации у всех федеральных судей, а передача на рассмотрение военным судам некоторых уголовных дел, не связанных по объективным и субъективным признакам состава преступления с военной службой⁵, напротив, исключила профильность таких судов.

При всем желании не все изменения можно оправдать лишь проведением масштабной судебной реформы в конце прошлого десятилетия. Объективно не связано с указанным обстоятельством законодательное расширение в 2018 г. перечня оснований и порядка изменения подсудности, которое актуализировало известную в науке дискуссию о способности данного института не только выполнять техни-

ческую функцию по распределению всего массива уголовных дел между судами, но и обеспечивать доступ лиц к иным процессуальным гарантиям (личной безопасности участников судопроизводства, объективности и беспристрастности суда и т.п.)⁶.

В большей части случаев доступность некоторых процессуальных возможностей в ходе судебного производства — это изначально вопрос о действующей системе подсудности и основаниях ее изменения. Элементарным свидетельством тому служит непреодолимая зависимость состава суда от установленной в законе подсудности, которая предопределяет осуществимость притязаний лица на коллегиальное рассмотрение дела или неординарные формы судебного разбирательства (например, с участием присяжных заседателей)⁷. Данная зависимость может быть и неочевидной, а ее негативные последствия проявляться на более поздних этапах производства по уголовному делу. Показательным примером этого в отечественной истории уголовного процесса служат статья 40 УПК РСФСР 1960 г., допускавшая право вышестоящего суда принять к своему производству уголовное дело, подсудное нижестоящему, и практика ее реализации в нашумевшем в силу общественно-политического резонанса судебном разбирательстве в отношении советских писателей А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля⁸. Как известно, изъятие Верховным Судом РСФСР данного дела из производства Московского городского суда с последующим вынесением обвинительного приговора лишило обвиняемых потенциальной возможности обжалования в суд второй инстанции, поскольку приговоры Верховного Суда РСФСР пересмотру не под-

³ Федеральный закон от 27.11.2023 № 562-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 30.11.2023.

⁴ Федеральный закон от 29.12.2017 № 467-ФЗ «О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей”» // Российская газета. 31.12.2017.

⁵ Здесь имеется в виду ряд федеральных законов, принятых в период с 2010 по 2023 г. и постепенно расширивших подсудность военных судов.

⁶ Пупышева Л. А. Феномен подсудности в российском уголовном процессе: проблемы теории и законодательного регулирования // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 100–108.

⁷ О соотношении этих категорий см.: Бехало С. В. Указ. соч. С. 36–41.

⁸ См.: Головкин Л. В. Институт подсудности в уголовном процессе: границы между ценностным и техническим измерением // Институт подсудности в уголовном процессе: материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 г. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 6–7.

лежали⁹. Таким образом, есть основания полагать, что последствия корректировок института подсудности не носят локальный характер, а потенциально влияют на систему уголовно-процессуальных отношений, возникающих за его пределами. Обратимся к подробному анализу наиболее значимых в этом ключе законодательных преобразований.

Подсудность как механизм распределения уголовных дел между судами

1. За последние 15 лет законодательные правки ст. 31 УПК РФ наибольшим образом трансформировали подсудность военных судов, приведя к переоценке их функциональной специфики в системе всей отечественной судебной системы. Процесс реформирования сопровождался непостоянством вводимых норм¹⁰, что давало повод представителям уголовно-процессуальной доктрины сомневаться в том, какую систему подсудности законодатель желает в конечном счете получить. Так или иначе, определенная реструктуризация состоялась. Ее главные итоги связаны: а) с отнесением к подсудности военных судов уголовных дел по не специфичным для военной службы (по объективным и субъективным признакам) составам преступлений; б) расширением перечня особых обстоятельств совершенного преступления (например, п. 3 и 4 ч. 6 ст. 31 УПК РФ) и условий производства по делу (например, ч. 4 ст. 35 УПК РФ), наличие которых позволяет передавать дело для рассмотрения военным судам.

На институциональном уровне это ослабило значение персонального критерия, в основном использовавшегося для разграничения подсудности между военными судами и судами общей юрисдикции. В литературе при поиске причин такого законодательного решения стало распространено апеллировать к историческим традициям, в частности к модели формирования подсудности в советском законодательстве¹¹. Однако объективно доказать явную

связь между террористическими преступлениями и необходимостью рассмотрения военными судами уголовных дел по ним на основе, скажем, общепринятых критериев сопоставимости общественной опасности и уровня квалификации судей, специализации судов и т.д., пожалуй, невозможно.

Некоторые установленные способы определения подсудности оказались спорными. В частности, окружные (флотские) военные суды получили право рассмотрения уголовных дел о преступлениях, при назначении наказания за которые подлежит учетуотягчающее обстоятельство, предусмотренное пунктом «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Соответственно, предметная подсудность определяется таким признаком уголовного дела, наличие которого попросту неизвестно на этапе передачи его в суд. В теории это может означать, что окончательная оценка правильности установленной подсудности будет проведена лишь в самом конце судебного разбирательства, когда суд приступит к назначению наказания. И если возникнет необходимость передачи уголовного дела в военный суд по данному обстоятельству, то судебное разбирательство будет производиться с самого начала, что ставит вопрос о соблюдении разумных сроков рассмотрения дела. Сказанное относится к производству по уголовным делам о любых преступлениях, осуществляемому судом любого уровня.

Объективно назревшая потребность в использовании механизма изменения подсудности для обеспечения личной безопасности участников уголовного судопроизводства была также реализована путем расширения юрисдикции окружных (флотских) военных судов. Однако имеющийся потенциал данной меры не был использован полностью в связи с установлением ограниченного количества составов преступлений (ст. 208, 209, 211 (ч. 1–3), 277–279, 360 УК РФ) и усложненного порядка ее осуществления (решение принимается высшим судебным органом по ходатайству высших должностных лиц российской прокуратуры).

⁹ См. об этом подробнее: *Савицкий В. М.* О презумпции невиновности и других принципах уголовного процесса // *Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М.* Уголовный процесс России : лекции-очерки. М. : Бек, 1997. С. 6.

¹⁰ Например, часть 6.1 ст. 31 УПК РФ, введенная в 2014 г., существенно редактировалась в 2016 г., затем в 2018 г., а с 2023 г. утратила юридическую силу.

¹¹ См., например: *Дикарев И. С.* Особый порядок производства в военных судах по делам о преступлениях террористической направленности: исторические параллели // *Правовое государство: теория и практика.* 2022. № 4 (70). С. 130–137.

Таким образом, изменение подсудности уголовных дел по другим преступлениям, при рассмотрении которых тоже может возникать угроза личной безопасности, прямо в законе не предусмотрена. Важно заметить и то, что в некоторых случаях реализация этой меры приводит к лишению права обжалования во второй кассационной инстанции, как, например, при изъятии уголовного дела из районного суда и его передаче в окружной (флотский) военный суд: кассационная жалоба на его решение рассматривается Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, т.е. высшей судебной инстанцией, решения которой в порядке кассации обжалованию не подлежат; вместе с тем, если бы уголовное дело рассматривалось районным судом или передавалось в приравненный к нему гарнизонный военный суд, кассационной инстанцией являлись бы кассационные суды (общей юрисдикции или военные), на решения которых (в отличие от первой ситуации) могут подаваться жалобы в порядке кассации в Верховный Суд РФ.

При всем сходстве часть 4 ст. 35 УПК РФ нельзя называть прямым аналогом ст. 40 УПК РСФСР, а случаи ее применения на практике приравнивать по последствиям к упомянутому делу против советских писателей А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля, поскольку право на пересмотр судебного решения всё же предоставляется, хотя и меньшее число раз¹². Справедливости ради скажем и то, что ситуация с сокращением количества кассационных инстанций характерна для практики рассмотрения судами областного звена уголовных дел по первой инстанции. Ученые видят в этом специфику российской системы пересмотра приговоров, когда итоговые судебные решения в отношении лиц, совершивших более тяжкие преступления, могут быть обжалованы в меньшем количестве

инстанций, нежели в случае с преступлениями небольшой и средней тяжести¹³.

Другой ключевой вопрос, обсуждавшийся в литературе еще в период действия первых редакций указанной нормы, связан с причиной выбора законодателем именно военных судов, которым уголовное дело передается на рассмотрение¹⁴. Стало ли это следствием того, что сложность уголовных дел, при производстве по которым возникает необходимость обеспечить безопасность участников, заметно выше, что требует его передачи только в специализированные суды? Усложняется ли процедура судебного производства в связи с применением данной меры процессуальной защиты настолько, что требует «повышенного» судебного звена, представленного потенциально более опытными судьями? И, пожалуй, главное — обладает ли сам суд, которому передано уголовное дело, такими организационными и административными условиями, которые позволяют обеспечить исключительную безопасность участников судебного разбирательства, недоступную в судах общей юрисдикции? Исходя из унифицированности правил судебного производства по уголовным делам, т.е. их единства для всех судов судебной системы, никакой процессуальной специфики рассмотрения подобных уголовных дел нет. Если же возникает необходимость в совершении специальных действий, связанных с дальнейшим обеспечением безопасности лиц (например, в проведении судебного заседания в порядке п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ), то с этим успешно справляются и суды общей юрисдикции. Определенные сомнения возникают и в наличии отличительных условий организации судебного процесса, позволяющих исключать всякую угрозу для физической безопасности лиц, о чем свидетельствуют суждения самих представителей военного судейского корпуса,

¹² Отметим, что изначальный вариант соответствующего законопроекта как раз предполагал возможность изъятия и передачи таких дел на рассмотрение в Верховный Суд РФ по решению Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя, т.е., по сути, являлся реанимацией ст. 40 УПК РСФСР. В последующем из текста этого проекта данные положения были изъятые. См.: паспорт проекта федерального закона № 250826-5 «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части подсудности уголовных дел о преступлениях террористического характера)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/250826-5> (дата обращения: 23.01.2025).

¹³ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 3-е изд. М.: Статут, 2021. С. 1173.

¹⁴ См.: Калиновский К. Б. Изменение подсудности уголовного дела как средство обеспечения безопасности участников уголовного процесса // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции (29–30 октября 2009 г.) / отв. ред. Ю. В. Даровских. Тюмень: ТГАМЭУП, 2010. Вып. 6. С. 228–231.

подкрепляемые красноречивыми примерами из судебной практики. В частности, А. В. Абабков, заместитель председателя Московского военного окружного суда в почетной отставке, описывает ситуацию, когда рассмотрение уголовного дела в отношении почти двух десятков подсудимых было перенесено в здание Московского городского суда за неимением у окружного военного суда собственного помещения, способного вместить такое большое количество участников судебного разбирательства¹⁵. Ввиду отсутствия других объяснений и это решение законодателя специалисты истолковывают лишь в историческом ключе, проводя параллели с некоторыми нормативными правовыми актами Советского Союза¹⁶.

Сравнительно небольшое количество военных судов в стране и, как следствие, высокая вероятность их территориальной отдаленности от места проживания участников процесса вызывают организационные неудобства, обуславливают дополнительные материальные и временные затраты. Пик остроты проблемы пришелся на период действия первой редакции ч. 6.1 ст. 31 УПК РФ¹⁷, которой устанавливалась подсудность ряда уголовных дел, так или иначе связанных с преступлениями террористической направленности, всего лишь двум окружным военным судам — Московскому и Северо-Кавказскому. Однако расширение этого перечня не решило проблему, и на сегодня специфика судебной географии страны и широкая дискреционная подсудность соответствующих дел военным судам в совокупности являются мощным катализатором практики онлайн-правосудия.

2. Среди прочих законодательных перетасовок составов преступлений между частями ст. 31 УПК РФ еще одним неординарным решением стал переход от мировых судей права рассмотрения уголовных дел по некоторым преступлениям с административной преюдицией к

районным судам¹⁸. Причины соответствующих изменений видели в угрозах: а) нарушения объективности судебного разбирательства, поскольку мировому судье приходилось оценивать обстоятельства, ранее установленные им же при разрешении дела об административном правонарушении; б) нарушения инстанционности в ситуации, когда по делу об административном правонарушении районный суд выносил решение, последующую оценку которого производил мировой судья при рассмотрении уголовного дела по аналогичному деянию¹⁹. Комментарии относительно реалистичности данных угроз намеренно опустим, сосредоточившись на некоторых последствиях изменения подсудности.

В число преступлений с административной преюдицией, рассмотрение уголовных дел по которым отнесено к компетенции районных судов, попал состав, предусмотренный статьей 116.1 УК РФ, уголовное преследование по которому осуществляется в частном порядке (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). При этом производство по делам частного обвинения по-прежнему является прерогативой мировых судей.

Таким образом, возникло институциональное противоречие: мировые судьи формально лишились права принимать заявления частного обвинителя, а суды районного звена соответствующего права не приобрели. Это повлекло длительный хаос в правоприменительной практике: суды по-разному разрешали возникшую коллизию. Оказался довольно распространенным механизм отказа в принятии заявления районным судом с последующей его передачей в орган дознания для возбуждения уголовного дела. Так, Московский городской суд в своем апелляционном постановлении, подтверждая законность отказа Хорошевского районного суда в принятии частной жалобы, указал: «Принимая во внимание, что порядок производства

¹⁵ Абабков А. В. Развитие специальной предметной и персональной подсудности уголовных дел военным судам // Институт подсудности в уголовном процессе : материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 г. С. 29.

¹⁶ Дикарев И. С. Вопросы подсудности уголовных дел военным судам // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2020. № 6 (275). С. 63–65.

¹⁷ Федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 07.05.2014.

¹⁸ Федеральный закон от 27.12.2018 № 509-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 29.12.2018.

¹⁹ См.: Королев В. А. Проблемы рассмотрения уголовных дел частного обвинения в результате изменения подсудности // Законность и правопорядок. 2019. № 2. С. 5–6.

по делам частного обвинения закреплен только для мировых судов в разд. XI УПК РФ, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьей 116.1 УК РФ, исключены из подсудности мировых судей, суд правомерно передал жалобу заявителя в орган дознания ОМВД России... которому в соответствии со ст. 150, 151 УПК РФ подсудственна указанная категория дел»²⁰. Подобная формулировка использована и в ряде других решений²¹.

Стоит отметить, что в этих ситуациях не было установлено зависимое или беспомощное состояние потерпевшего либо наличие иных причин, свидетельствующих о невозможности лица самостоятельно защищать свои права и законные интересы, что дает право руководителю следственного органа, следователю или дознавателю самостоятельно возбуждать дело независимо от вида уголовного преследования. Нередко сам орган дознания в ходе проверки обращения в качестве такого беспомощного состояния потерпевшего признает сам факт невозможности возбуждения районным судом производства по частной жалобе. В частности, Аткарским городским судом Саратовской области установлено, что «из мотивировочной части постановления (о возбуждении уголовного дела. — И. Г.) следует, что при наличии признаков преступления, предусмотренного частью 1 ст. 116.1 УК РФ, уголовное дело возбуждено дознавателем с согласия прокурора, поскольку Потерпевший № 1 лишена возможности защитить свои интересы посредством подачи в районный суд заявления по делу частного обвинения, по ст. 116.1 УК РФ, поскольку в соответствии с уголовно-процессуальным законом районный суд не наделен правом возбуждения таких уголовных дел частного обвинения»²².

Таким образом, практика принятия заявления частного обвинителя нередко вызывает

ограничение доступа к правосудию, поскольку установленный законом порядок возбуждения судом производства по делу частного обвинения фактически нереализуем. Данный аргумент, приводимый сторонами для обоснования незаконности возбуждения органом дознания дела, не принимается высшими судебными инстанциями, о чем свидетельствуют также материалы судебной практики²³. Регулярная переадресация заявителя из одного органа в другой, дополнительное ожидание регистрации и рассмотрения обращения в конечном счете приводят к затягиванию производства по делу и с учетом категории тяжести преступления к истечению сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Именно такие последствия стали предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ в деле по жалобе гражданки Г. И. Баскаковой, которая оспаривала нормы уголовно-процессуального закона, вызывающие неопределенность правового регулирования порядка возбуждения уголовного дела частного обвинения о преступлении, предусмотренном частью 1 ст. 116.1 УК РФ²⁴. Конституционный Суд РФ в решении указал на допустимость использования аналогии права, подобно тому как это происходит в практике рассмотрения гарнизонными военными судами (относящимися, как и районные суды, к системе федеральных судов общей юрисдикции) уголовных дел частного обвинения в отношении военнослужащих. Соответственно, «принятие районным судом к своему производству и рассмотрение им уголовных дел частного обвинения о преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 116.1 УК Российской Федерации, осуществляется по правилам производства по уголовным делам, подсудным мировому судье»²⁵.

С практической точки зрения приведенные разъяснения дали положительный эффект:

²⁰ Апелляционное постановление Московского городского суда от 27.11.2023 по делу № 10-24303/2023 (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

²¹ См.: апелляционные постановления Zubovo-Polyanskogo районного суда Республики Мордовия от 19.04.2024 по делу № 10-6/2024 ; Московского городского суда от 01.12.2022 по делу № 10-24247/2022.

²² Постановление Аткарского городского суда Саратовской области от 15.01.2024 по делу № 1-9/2024.

²³ См.: постановления Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.06.2022 № 77-2567/2022 ; Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.03.2024 № 77-597/2024.

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 13-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. И. Баскаковой» // Российская газета. 10.04.2024.

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 13-П.

разночтения были устранены, а проверочные судебные инстанции указывают на правомерность производства по делам частного обвинения в районных судах²⁶. На законодательном уровне при этом никаких изменений не состоялось, да и стоит ли их ожидать при условии, что практической ценности они фактически иметь не будут — разве что придадут визуальную согласованность нормам уголовно-процессуального закона. Пожалуй, главным неоднозначным итогом легитимации рассмотрения районными судами уголовных дел частного обвинения стала окончательная утрата процессуальной специфики мировой юстицией. И без того болезненный вопрос актуализировался с новой силой, вынудив представителей правовой доктрины в очередной раз задуматься о пересмотре существующего порядка дифференциации российской судебной системы.

Изменение подсудности как гарантия доступа к процессуальным правам

По понятным причинам механизм определения подсудности должен быть в некоторой степени гибким, т.е. приспособленным к ситуациям, когда рассмотрение уголовного дела правомочным в соответствии с установленными правилами судом оказывается невозможным или вредным для правосудия. Регламентация специальных оснований по изменению территориальной подсудности позволяет сделать вывод, что право, а иногда и обязанность передать дело для рассмотрения другому суду даже при условии соблюдения предметных, территориальных и персональных критериев являются способами обеспечения, например, личной безопасности участников судопроизводства, объективности и беспристрастности суда и, как показывает практика, непрерывности начатого судебного разбирательства.

По этому поводу в науке всегда возникало «условное противостояние между поборниками строгого и буквального соблюдения ч. 1 ст. 47 Конституции РФ в ее бескомпромиссном понимании (что-то вроде знаменитого *fiat justitia, pereat mundus*) и сторонниками создания дискреционных механизмов выведения суда из-под дополнительных политических

и физических рисков посредством создания специальных оснований изменения подсудности»²⁷. Таким образом, сама возможность изъятия уголовного дела из суда, которому оно подсудно в силу территориальной или предметной характеристики, и передачи в другой есть в некоем чисто формальном смысле нарушение доступности права лица «на свой суд», однако с ценностной точки зрения подобные действия совершаются или по крайней мере должны совершаться в связи с обеспечением других, не менее значимых условий отправления справедливого правосудия.

В самой судебной практике практически невозможно выявить какие-то явные тенденции к большей защите судами публичных или частных начал: по сходным ситуациям могут приниматься прямо противоположные решения, что свидетельствует о наличии существенной доли судьейского усмотрения. С большей уверенностью можно сказать, что отношение к самой возможности изменения подсудности разнится в зависимости от основания, по которому заявлено ходатайство. Например, установленный факт, что все судьи конкретного суда ранее принимали участие в производстве по рассматриваемому уголовному делу (пп. «а» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ), является безусловным поводом для изменения подсудности и никаких разночтений не вызывает, возможно, в силу чисто организационно-технического характера самой нормы.

Несколько сложнее обстоит ситуация с передачей дела по причине того, что не все участники процесса проживают на территории, на которую распространяется юрисдикция суда (пп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ). Подтверждения указанного обстоятельства и отсутствия возражений обвиняемого зачастую не всегда достаточно для изменения подсудности, о чем могут свидетельствовать следующие формулировки из судебных решений: «Законом предусмотрена возможность допроса свидетелей и потерпевшего путем использования видеоконференц-связи, поэтому суд обоснованно признал несостоятельной ссылку на затруднения в транспортной доступности...»²⁸; «Закон не содержит положений об обязанности суда изменить территориальную подсудность уголовного дела по основаниям, указанным в подпункте “б” пункта 2 части 1 статьи 35 УПК РФ,

²⁶ См.: постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.07.2024 № 77-1799/2024.

²⁷ Головки Л. В. Указ. соч. С. 11–12.

²⁸ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 16.03.2022 № АПЛ22-74.

удовлетворив соответствующее ходатайство участника (участников) судебного разбирательства. <...> Учитывает Апелляционная коллегия и предусмотренную законом (статья 278.1 УПК РФ) возможность допроса свидетелей посредством системы видео-конференц-связи»²⁹. Есть и более лаконичные обоснования отказа в изменении территориальной подсудности по данному основанию: «Правильным является вывод суда о том, что содержащаяся в подпункте “б” пункта 2 части 1 статьи 35 УПК РФ норма, на основании которой адвокат просил изменить территориальную подсудность уголовного дела, не является императивной»³⁰.

Нередко высшие судебные инстанции дают расширительное толкование рассматриваемой нормы, не соответствующее ее буквальному смыслу: «По смыслу положений ч. 1 ст. 32, пп. “б” п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ территориальная подсудность уголовного дела может быть изменена по ходатайству сторон не только при наличии двух обстоятельств, таких как проживание не всех участников уголовного судопроизводства на территории, на которую распространяется юрисдикция суда, и согласие всех обвиняемых на изменение территориальной подсудности уголовного дела, но и наличия исключительных обстоятельств, способствующих более эффективному рассмотрению уголовного дела в ином суде, куда передается уголовное дело»³¹. Какие обстоятельства могут об этом свидетельствовать и какие, кроме указанных в самой норме, условия должны соблюдать суды при принятии решения, остается неизвестным.

Превалирование защиты публичного интереса в подобных случаях не всегда удается объяснить через стремление к экономии временных и материальных ресурсов как составного элемента этого интереса. Установленные судом препятствия для непосредственного участия лиц при рассмотрении дела в силу, например, тяжелой болезни иногда предлагается преодолевать путем организации выездных судебных

заседаний, что не только сопоставимо по затратам с последствиями изменения подсудности, но и превышает их³². С формальной позиции можно признать справедливой склонность некоторых авторов не оценивать в целом решения судов об отказе изменения подсудности по данному основанию как нарушающие права и интересы³³. Однако в условиях слабой мотивированности таких отказов в судебной практике нет единых и понятных для сторон процесса ориентиров относительно того, какие обстоятельства могут претендовать на роль исключительных.

Расширение в конце 2018 г. перечня оснований изменения территориальной подсудности путем введения пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ, с одной стороны, является свидетельством возможности использования этого механизма для решения других, не ограниченных лишь рамками самого рассматриваемого института задач (в данном случае — обеспечения объективности и беспристрастности суда); с другой — такое решение вызвало конкуренцию с иным, идентичным по своей сути процессуальным инструментом исключения тенденциозности при рассмотрении дела — процедурой отвода. Надо сказать, что порядок их реализации все же разный, что следует как минимум из законодательных различий порядка заявления и разрешения ходатайств об отводе судьи (судей) и изменения подсудности по пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ. Судебная практика при оценке соотношения данных оснований акцентирует внимание преимущественно на различиях технического, а не сущностного плана, указывая, что при изменении территориальной подсудности «заявления отводов каждому из судей суда, в который поступило уголовное дело, и удовлетворения всех заявленных отводов не требуется, — достаточно в рамках критерия объективности определить, имеются ли доказуемые факты, свидетельствующие о наличии прямых или косвенных оснований для возник-

²⁹ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26.02.2021 № АПЛ21-66.

³⁰ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 27.08.2020 № АПЛ20-274.

³¹ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 18.08.2022 № АПЛ22-318.

³² Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 15.12.2020 № 55-741/2020.

³³ См., например: Семенов С. Н. Изменение территориальной подсудности в уголовном процессе как гарантия доступа к правосудию (вопросы применения и совершенствования законодательства) // Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 42. С. 19; Хомяков С. А. К вопросу о территориальной подсудности гражданских дел военным судам Российской Федерации и определение их территориальной подсудности // Российский судья. 2014. № 1. С. 28–33.

новения сомнений в беспристрастности судебного разбирательства»³⁴. Таким образом, основание, предусмотренное подпунктом «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ, условно говоря, выступает упрощенной формой применения права отвода судьи; оба этих правила имеют единую правовую сущность, направлены на недопущение предвзятости при вынесении решения и одинаково базируются на дискреционном характере полномочий суда.

Практика демонстрирует то, что упрощается не только порядок заявления сторонами ходатайства, но и сам процесс его разрешения судом. При принятии решения об отводе требуется установление потенциальной зависимости конкретного судьи или каждого из судей в коллегии от тех или иных обстоятельств, ставящих под сомнение его объективность и беспристрастность. В случае с изменением подсудности в порядке пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ подобные обстоятельства могут являться весьма абстрактными, а их оценка не производится в жесткой привязке к персоне судьи. В большинстве судебных решений об изменении подсудности по данному основанию признаются влияющими на объективность рассмотрения дела такие обстоятельства, которые в практике разрешения заявленных отводов вообще не принято считать достаточными и убедительными (что, к слову, вполне оправданно). Типичный пример — факт общественного резонанса и внимания СМИ к судебному разбирательству³⁵ и наличие некоего авторитета подсудимого, способного повлиять на решения правоохранительных органов и суда³⁶. Разумеется, в силу оценочности упомянутых признаков сложно в ходе рассмотрения ходатайства подтвердить или опровергнуть их наличие: как и чем, например, измеряются авторитет и уровень общественного резонанса? Несмотря на это, суды со ссылкой на разъяснения Конституционного Суда РФ повторяют, что «применительно к дан-

ным обстоятельствам... необходимо определить, имеются ли *доказуемые факты* (курсив мой. — И. Г.), свидетельствующие о наличии прямых или косвенных оснований для возникновения сомнений в беспристрастности...»³⁷.

Искусственное разграничение данных оснований изменения подсудности, которое наблюдается в судебной практике, не меняет того, что по своей сущности они взаимозаменяемы: любое подтвержденное обстоятельство, ставящее под сомнение объективность и беспристрастность суда, — это одновременно основание полагать, что судья «лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе данного уголовного дела» (ч. 2 ст. 61 УПК РФ). В конечном счете может показаться, что истинной причиной дополнения ст. 35 УПК РФ стала необходимость предоставления дополнительной возможности изменения подсудности по не совсем очевидным обстоятельствам, которые хотя и имеют место при производстве по уголовному делу, но «не дотягивают» по своей значимости до тех, которые принято учитывать при заявлении и разрешении отводов.

В некоторых случаях для обоснования целесообразности изменения подсудности судьи прибегают к использованию формулировок, создающих впечатление заведомой неблагонадежности суда, у которого изымается из производства уголовное дело. Строятся такие выводы на основе весьма условных обстоятельств: например, занятие подсудимым руководящей должности органа исполнительной власти или местного муниципалитета почему-то свидетельствует о тесном взаимодействии с судьями данной территориальной единицы³⁸. Какие «взаимодействия» могут быть у чиновников с судьями, кроме как в рамках осуществления правосудия, т.е. в случаях, когда каждый из них является участником судебного процесса, не совсем понятно³⁹. Не подвергая сомнению необходимость изменения подсудности при

³⁴ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.08.2023 № 3/12-25/2023.

³⁵ См., например: апелляционные определения Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 23.06.2021 № АПЛ21-207 ; от 12.12.2019 № АПЛ19-498.

³⁶ См., например: апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.11.2024 № 46-АПУ24-8-К6.

³⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 09.04.2021 № АПЛ21-90.

³⁸ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.11.2024 № 46-АПУ24-8-К6.

³⁹ Надо сказать, что Конституционный Суд РФ как раз заложил основу для формирования такой позиции судов общей юрисдикции. Именно в постановлении от 09.11.2018 № 39-П перечисляются условия, которые ставят под сомнение объективность и беспристрастность суда: «широкие связи во властных

возникновении объективных сомнений в беспристрастности суда, заметим, что такие вольные формулировки могут подорвать доверие в глазах общества, а в отрыве от общего контекста выглядят как умаляющие независимость и авторитет судей.

И наконец, еще одной причиной формирования противоречивой судебной практики по рассматриваемому вопросу стал пробел в регламентации порядка определения суда, которому на основании пп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК РФ передается уголовное дело. В условиях отсутствия в законе каких-либо критериев выбора имеется потенциальная возможность направить дело в суд любого субъекта страны, что способно вызвать ограничения для непосредственного участия лиц в правосудии или существенно замедлить его. В некоторых исследованиях выявлена тенденция к направлению дела в суд по месту нахождения обвиняемого под стражей, что порождает другое негативное явление — возможность органов предварительного расследования заблаговременно определять подсудность уголовного дела своим решением, например об этапировании обвиняемого на юрисдикционную территорию «желаемого» суда⁴⁰. Фактором, сдерживающим столь широкое усмотрение, должна выступать обязанность суда мотивировать свой выбор со ссылкой на объективные обстоятельства и с учетом интересов сторон процесса.

Изменение территориальной подсудности в случаях, прямо не предусмотренных уголовно-процессуальным законом

Строгая детализация оснований и порядка изменения подсудности формально не позволяет говорить о правомерности использования данного инструмента в других, прямо не предусмотренных законом случаях. Вместе с тем

структурах, деловых кругах или криминальной сфере»; «наличие возможности манипулировать общественным мнением» и т.п. В последующем цитирование этих формулировок становится общепринятым в судебных актах по конкретным делам.

Справедливости ради скажем, что есть немало решений, в которых отсутствует склонность к формальной оценке «подозрительных» обстоятельств; напротив, суды указывают на необходимость доказывания их влияния на объективность и беспристрастность суда и недостаточность самого факта их наличия. См.: постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.06.2023 № 3/12-15/2023.

⁴⁰ Коновалова Е. Е., Чекулаев Д. П. Территориальная подсудность уголовных дел по выбору стороны обвинения: de lege lata et de lege ferenda // Законодательство и практика. 2020. № 2 (45). С. 28–29.

⁴¹ Апелляционное постановление Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 04.04.2024 по делу № 55-245/2024.

в судебной практике существуют решения по изменению подсудности, основанные на аналогии права. Сказанное хорошо иллюстрируется примерами заявления и последующего удовлетворения судом ходатайства об изменении территориальной подсудности в связи с невозможностью формирования коллегии присяжных заседателей в течение длительного времени. При всей неоднозначности подобных решений очевидно, что это мера во многом вынужденная, обусловленная наличием непреодолимых обстоятельств, препятствующих осуществлению правосудия.

Так, при апелляционном пересмотре одного из таких судебных актов установлено, что «вывод суда о наличии оснований для изменения территориальной подсудности уголовного дела основан на том, что длительное время (с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ) Онгудайский районный суд Республики Алтай не может сформировать коллегию присяжных заседателей для его рассмотрения, в результате предпринятых попыток отбора кандидатов в присяжные заседатели, основной и запасной списки кандидатов в присяжные заседатели, проживающих на территории <адрес> и <адрес>ов Республики Алтай, в количестве 2 800 человек были исчерпаны. При этом суд первой инстанции пришел к выводу о том, что невозможность сформировать коллегию присяжных заседателей в связи с уклонением жителей <адрес> и <адрес>ов Республики Алтай от явки в суд, из последних общего и дополнительного списков по <адрес> многие кандидаты попадали в выборку более десяти раз, при извещении кандидатов в присяжные заседатели ими заявлялись самоотводы в связи с близким или дальним родством, личным знакомством с участниками со стороны обвинения или защиты, является препятствием к рассмотрению уголовного дела...»⁴¹

После распространения суда присяжных на районное звено судебной системы сложность

формирования коллегии присяжных заседателей стала едва ли не главной проблемой в организационно-техническом плане во многих территориальных образованиях (особенно с небольшой численностью населения). Практика ее решения путем изменения территориальной подсудности не получает поддержки у вышестоящих инстанций⁴². Мотивировка отмены таких решений абсолютно незатейливая: закон не содержит такого основания для изменения территориальной подсудности уголовного дела, как невозможность формирования коллегии присяжных заседателей⁴³. Соответственно, использование аналогии закона, по сути, не допускается, что примечательно, поскольку пробелы правового регулирования подсудности уголовных дел о преступлениях с административной преюдицией, напомним, высшие суды рекомендовали восполнять именно таким способом, перенося практику рассмотрения дел частного обвинения гарнизонными военными судами. Для цели единого правового регулирования сходных общественных отношений, возникающих в рамках одного института, существующая непоследовательность позиции правоприменителя должна быть устранена.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о необходимости законодательной систематизации института подсудности. Постепенный отказ от использовавшихся в течение многих лет критериев дифференциации подсудности не сопровождался их заменой новыми, что привело к смешению предметной юрисдикции судов разного уровня и специализации. Решение по передаче военным судам права рассмотрения уголовных дел по не специфичным для военной службы составам преступлений, став возвратом к историческим корням формирования подсудности, не предусмотрело возникновение рисков для непосредственного доступа к правосудию. Основными направлениями оптимизации процедуры изменения подсудности должны являться а) установление порядка передачи уголовных дел по подсудности в целях обеспечения личной безопасности участников в военные суды разных уровней; б) обязанность мотивировать в судебном акте выбор суда, которому передается уголовное дело в связи с обеспечением объективности и беспристрастности его рассмотрения; в) признание на уровне судебной практики допустимости изменения подсудности путем применения процессуальной аналогии при наличии исключительных обстоятельств, затягивающих разбирательство по делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абабков А. В. Развитие специальной предметной и персональной подсудности уголовных дел военным судам // Институт подсудности в уголовном процессе : материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 г. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 15–32.

Бехало С. В. Подсудность в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 246 с.

Воронина Н. А. Право потерпевшего на доступ к правосудию и его реализация в досудебном уголовном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 27 с.

Головки Л. В. Институт подсудности в уголовном процессе: границы между ценностным и техническим измерением // Институт подсудности в уголовном процессе : материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского уголовного процесса», г. Москва, 29 марта 2024 г. М. : Юрлитинформ, 2024. С. 5–14.

Дикарев И. С. Вопросы подсудности уголовных дел военным судам // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2020. № 6 (275). С. 63–69.

⁴² См., например: апелляционные постановления Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 24.04.2024 по делу № 55-596/2024, от 19.01.2022 по делу № 55-21/2022.

⁴³ Апелляционное постановление Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19.01.2022 по делу № 55-21/2022.

Дикарев И. С. Особый порядок производства в военных судах по делам о преступлениях террористической направленности: исторические параллели // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4 (70). С. 130–137.

Калиновский К. Б. Изменение подсудности уголовного дела как средство обеспечения безопасности участников уголовного процесса // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы Международной научно-практической конференции (29–30 октября 2009 г.) / отв. ред. Ю. В. Даровских. Тюмень : ТГАМЭУП, 2010. Вып. 6. С. 228–231.

Коновалова Е. Е., Чекулаев Д. П. Территориальная подсудность уголовных дел по выбору стороны обвинения: de lege lata et de lege ferenda // Законодательство и практика. 2020. № 2 (45). С. 27–31.

Королев В. А. Проблемы рассмотрения уголовных дел частного обвинения в результате изменения подсудности // Законность и правопорядок. 2019. № 2. С. 5–6.

Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 3-е изд. М. : Статут, 2021. 1328 с.

Литвиненко К. Л. Обеспечение права граждан на доступ к правосудию в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 33 с.

Пупышева Л. А. Феномен подсудности в российском уголовном процессе: проблемы теории и законодательного регулирования // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 100–108.

Савицкий В. М. О презумпции невиновности и других принципах уголовного процесса // Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России : лекции-очерки. М. : Бек, 1997. С. 1–13.

Семенов С. Н. Изменение территориальной подсудности в уголовном процессе как гарантия доступа к правосудию (вопросы применения и совершенствования законодательства) // Вестник Амурского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 42. С. 18–21.

Сидоров В. В. Надзорное производство в уголовном процессе как средство обеспечения права на доступ к правосудию : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 26 с.

Хомяков С. А. К вопросу о территориальной подсудности гражданских дел военным судам Российской Федерации и определение их территориальной подсудности // Российский судья. 2014. № 1. С. 28–33.

REFERENCES

Ababkov AV. Development of special subject and personal jurisdiction of criminal cases to military courts. In: Institute of jurisdiction in criminal proceedings. *Proceedings of the 1st All-Russian Scientific and Practical Conference «Actual Problems of the Russian Criminal Process»*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2024. (In Russ.).

Behalo SV. Jurisdiction in Russian criminal proceedings. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2024. (In Russ.).

Dikarev IS. Issues of jurisdiction of criminal cases to military courts. *Law in the Armed Forces — Military Legal Review*. 2020;6(275):63-69. (In Russ.).

Dikarev IS. Special procedure for proceedings in military courts in cases of terrorist crimes: historical parallels. *The Rule of Law State: Theory and Practice*. 2022;4(70):130-137. (In Russ.).

Golovko LV (ed.). Course of criminal proceedings. 3rd ed. Moscow; 2021. (In Russ.).

Golovko LV. Institute of jurisdiction in criminal proceedings: boundaries between value and technical dimension In: Institute of jurisdiction in criminal proceedings. *Proceedings of the 1st All-Russian Scientific and Practical Conference «Actual Problems of the Russian Criminal Process»*. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2024. (In Russ.).

Kalinovsky KB. Changing the jurisdiction of a criminal case as a means of ensuring the safety of participants in a criminal process. *Proceedings of International Scientific and Practical Conference (October 29–30, 2009)*. 2010;6:228-231. (In Russ.).

Khomyakov SA. On the territorial jurisdiction of civil cases to the military courts of the Russian Federation and the determination of their territorial jurisdiction. *Russian Judge*. 2014;1:28-33. (In Russ.).

Konovalova EE, Chekulaev DP. Territorial jurisdiction of criminal cases at the choice of the prosecution: de lege lata et de lege ferenda. *Zakonodatelstvo i praktika*. 2020;2(45):27-31. (In Russ.).

Korolev VA. Problems of considering criminal cases of private prosecution as a result of changes in jurisdiction. *Law and Order*. 2019;2:5-6. (In Russ.).

Litvinenko KL. Ensuring the right of citizens to access justice at the stage of initiating a criminal case. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2012. (In Russ.).

Pupysheva LA. The phenomenon of jurisdiction in the Russian criminal process: problems of theory and legislative regulation. *Philosophy of Law*. 2021;1(96):100-108. (In Russ.).

Savitsky VM. On the presumption of innocence and other principles of the criminal process. In: Larin AM, Melnikova EB, Savitsky VM. The criminal process of Russia: Lectures-Essays. Moscow: Beck Publ.; 1997. (In Russ.).

Semenov SN. Change in territorial jurisdiction in criminal proceedings as a guarantee of access to justice (issues of application and improvement of legislation. *Bulletin of the Amur State University, Series: Humanities*. 2008;42:18-21. (In Russ.).

Sidorov VV. Supervisory proceedings in criminal proceedings as a means of ensuring the right to access justice. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2011. (In Russ.).

Voronina NA. The victim's right to access to justice and its implementation in pre-trial criminal proceedings. Author's Abstract. Cand. Sci. (law) Diss. Moscow; 2024. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гизатуллин Ирек Альфредович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий
д. 131, Достоевского ул., г. Уфа 450000, Российская Федерация
gizatullin-irek@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irek A. Gizatullin, Cand. Sci. (Law), Department of Criminal law and Criminal Procedure, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation
gizatullin-irek@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 21 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 12 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2026 г.

Received 21.03.2025.

Revised 12.04.2025.

Accepted 15.04.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.047-056

М. В. Гусарова
Казанский юридический институт МВД России
г. Казань, Российская Федерация

Преступления сексуального характера как часть киберпреступности

Резюме. Автором проанализированы современные преступления сексуального характера, совершаемые посредством информационно-телекоммуникационных сетей; уточнены формы дистанционных сексуальных посягательств, не являющихся в настоящее время запрещенными (сексуальное позирование перед камерой в онлайн-режиме, обмен откровенными сообщениями и фото и др.); рассмотрены меры по ограничению подобных деяний в других странах, а также предложены меры противодействия преступным проявлениям сексуального характера в киберпространстве: установление обязанности провайдеров сообщать о сексуальных правонарушениях в сети Интернет; создание учета лиц, совершивших преступления сексуального характера; дополнительное освещение проблемы виртуального сексуального воздействия в средствах массовой информации. В просветительских целях надлежит разработать памятки с описанием контактных и неконтактных сексуальных злоупотреблений. В статье приведен анализ общественной опасности преступлений сексуального характера при их совершении внеконтактным способом посредством информационно-телекоммуникационных сетей, предложено дальнейшее совершенствование отдельных норм, предусмотренных главами 18 и 25 УК РФ.

Ключевые слова: преступления сексуального характера; киберпреступления; квалификация; преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности; уголовный закон; предупреждение преступлений; меры противодействия преступлениям

Для цитирования: Гусарова М. В. Преступления сексуального характера как часть киберпреступности. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 47–56. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.047-056

Sexual Offenses as a Form of Cybercrime

Maria V. Gusarova
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Kazan, Russian Federation

Abstract. The author analyzes contemporary sexual offenses committed through information and telecommunications networks; clarifies the forms of remote sexual misconduct that are not currently prohibited (such as live sexual posing in front of a webcam, exchanging explicit messages and photos, etc.); examines regulatory measures adopted in other jurisdictions to restrict such conduct; and proposes measures to counteract criminal manifestations of a sexual nature in cyberspace. The measures identified by the author as necessary to reduce the incidence of such offenses include the imposition of a duty on service providers to report sexual offenses committed via the Internet; the establishment of a registry of persons convicted of sexual offenses; and expanded media coverage addressing the problem of virtual sexual exploitation. For educational purposes, the study recommends the development of informational materials describing both contact and non-contact forms of sexual abuse. The paper further analyzes the social harm posed by sexual offenses committed in a non-contact manner through information and telecommunications networks and proposes measures for the further improvements to specific provisions set forth in Chapters 18 and 25 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: sexual offences; cybercrimes; qualification; crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual; criminal law; crime prevention; crime countermeasures

© Гусарова М. В., 2026

Cite as: Gusarova MV. Sexual Offenses as a Form of Cybercrime. *Lex russica*. 2026;79(5):47-56. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.047-056

Введение

В науке не выработано единого понятия киберпреступности, авторы чаще определяют ее как интернет-преступность, цифровую преступность, компьютерную преступность, технотронную преступность, высокотехнологическую преступность¹. Киберпреступность иногда отождествляют с компьютерными преступлениями, но данная категория не охватывает всего массива преступных действий, совершаемых в информационно-телекоммуникационных сетях². Преступность в информационном пространстве как явление шире, чем компьютерная преступность, и ей более соответствует понятие «киберпреступность».

В международном стандарте «Информационные технологии. Методы обеспечения безопасности. Руководящие указания по кибербезопасности» категория «киберпреступление» определяется как «преступная деятельность, при которой сервисы или приложения киберпространства являются орудием или целью преступления либо при которой само киберпространство является источником, инструментом, целью или местом преступления»³. Понятие «киберпреступность» в современном значении охватывает чистую компьютерную преступность, а также иные виды преступлений, совершение которых стало возможным с развитием информационно-телекоммуникационных сетей (кибермошенничество, кибертерроризм, киберпорнография и т.д.).

В целях эффективного противодействия киберпреступности требуются дополнительные шаги, сопряженные с мерами как технологического характера, так и общего правового (социального) блока. При этом нужно учитывать

и направленность преступных деяний, совершенных в сети: корыстную, сексуальную и т.д.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что использование искусственного интеллекта будет способствовать развитию существующих форм киберпреступности либо появлению новых форм преступности (киберзависимая преступность)⁴. Интерес представляет выделение трех групп мотивов киберпреступности: геополитические, психосоциальные и социоэкономические⁵. Говоря о преступлениях сексуального характера, правильнее будет остановиться на психосоциальной группе мотивов. Вместе с тем для отдельных видов рассматриваемых деяний, например незаконного оборота порнографической продукции, социоэкономический мотив также будет характерен.

Сегодня секс-индустрия включает как легитимные, так и противозаконные действия, сопряженные с предложением, оборотом и потреблением сексуальных товаров и услуг, осуществляемыми в том числе внеконтактным способом, посредством сети Интернет. В реальности многие формы сексуальных услуг прикрываются маской законных, не являясь таковыми. Речь идет о массажных эротических салонах, где клиентам предоставляются сексуальные услуги, позировании перед камерой (вебкаминг), формально не запрещенных для взрослых участников, где в огромном количестве случаев тайно задействованы несовершеннолетние и малолетние дети, и других видах деятельности.

Таким образом, современная сексуальная реальность претерпела существенные метаморфозы, и значительная ее часть по аналогии со спортом, с учебой и иными сферами ушла в киберпространство.

¹ Евдокимов К. Н. К вопросу о совершенствовании системы противодействия технотронной преступности в Российской Федерации // Российский следователь. 2021. № 10. С. 70.

² Ивасюк О. Н. Современные проблемы киберпреступности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 118.

³ ISO/IEC 27032:2012 «Information Technology — Security Techniques — Guidelines for Cybersecurity» // URL: <https://www.iso.org/standard/44375.html> (дата обращения: 30.03.2022).

⁴ Спайропулос Ф. Новые подходы к исследованию ИИ-преступности: конструирование цифровой криминологии // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2 (3). С. 643.

⁵ Аувал А. М., Лазарус С. Социолого-криминологическое исследование проблем виктимизации: предварительный этап и новая область категоризации киберпреступности // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2 (4). С. 919.

Основная часть

По данным отчета Global Digital, в 2022 г. число пользователей социальных сетей превысило 4,76 млрд чел., что составляет 60 % мирового населения⁶. Цифровизация секс-индустрии обусловила появление киберсекса, под которым понимаются обмен сообщениями эротического содержания, отправка обнаженных фото или видео, аудиочат с обсуждением интимных аспектов, видеочат с выполнением различных сексуальных действий перед веб-камерой. Рост спроса на данные услуги очевиден и обусловлен следующими факторами: 1) новизной ощущений; 2) возможностью удаленного доступа; 3) анонимностью; 4) отсутствием негативных последствий, сопряженных с вероятностью для участников стать жертвой реального насильственного преступления; 5) отсутствием вероятности заразиться венерической болезнью; 6) доступностью.

Так называемый киберсекс содержит значительный пласт киберпреступности. Новые технологии изменили формы преступлений сексуального характера. Некоторые виды получили дополнительный импульс посредством сети Интернет. Появление виртуальной порнографии, принуждения к сексуальному позированию и иным действиям сексуального характера в сети Интернет влечет необходимость поиска адекватных мер противодействия данным вызовам, в том числе криминологического и уголовно-правового характера.

Интернет-пространство упрощает виновным лицам поиск жертв и последующее преступное поведение. Виртуальное общение предполагает совершение преступления сексуального характера в следующих принципиально разных формах:

— контактной — в ходе последующей личной встречи, договоренность о которой произошла в процессе интернет-общения;

— неконтактной (виртуальной) — преступление полностью осуществляется посредством цифровых технологий в сети Интернет.

Соответственно, виртуальное общение между преступником и жертвой, которое ранее

составляло подготовительную стадию к преступлениям сексуального характера, сегодня является самостоятельной и распространенной формой совершения рассматриваемых деяний. Небезопасный подход подростков к общению и управлению информацией в Интернете делает их более уязвимыми к рискам, сопряженным с использованием приложений для онлайн-знакомств, в том числе к насилию в реальной жизни после онлайн-общения. Изложенное подтверждает: приложения для знакомств, несмотря на социальную пользу и популярность, могут провоцировать случаи сексуального домогательства и принуждения⁷.

Увеличение виртуальных контактов во многом обусловлено распространением портативных устройств, оснащенных доступом к сети Интернет. Соответственно, происходит омоложение лиц, получающих самостоятельный и часто не контролируемый взрослыми выход в киберпространство.

В настоящее время широкое распространение в сети Интернет получили такие явления, как секстинг и груминг. Секстинг представляет собой пересылку личных фотографий и сообщений интимного содержания при помощи виртуальных каналов связи, социальных сетей. Груминг (от англ. grooming — «уход») — вовлечение под видом заботы взрослым лицом несовершеннолетних (малолетних) в интимные отношения посредством сети Интернет. Метод направлен на то, чтобы вызвать у ребенка ощущение, что о нем заботятся, им искренне интересуются, т.е. на формирование в подсознании жертвы психологической зависимости. Преступник может общаться с ребенком на различные темы, отвечать на вопросы, стать виртуально близким человеком на протяжении определенного периода. При таком подходе малолетнее лицо часто не осознает противоправный характер действий виновного ни в момент интимной интернет-переписки (часто взрослый может повествовать о своих сексуальных фантазиях, приглашая жертву поучаствовать в них), ни во время отправки личных обнаженных фото. Ребенок может решить, что это приемлемая часть общения с близким человеком. Сегодня,

⁶ Статистика Интернета и соцсетей на 2023 год — цифры и тренды в мире и России // WebCanape. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-Rossii/>.

⁷ Castro A., Barrada J. R. Dating apps and their sociodemographic and psychosocial correlates: A systematic review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. No. 31 (6). P. 60.

в частности, МВД Беларуси активно выступает в парламенте с инициативой о криминализации груминга⁸.

И груминг, и секстинг в отношении лица в возрасте от 12 до 16 лет составляют развратные действия, ответственность за которые предусмотрена статьей 135 УК РФ. Аналогичные действия в отношении лица, не достигшего 12 лет, образуют насильственные действия сексуального характера (ст. 132 Кодекса). При определенных характеристиках рассматриваемые действия могут составить часть незаконного оборота порнографических материалов или предметов, предусмотренного главой 25 УК РФ. Специальных положений о виртуальных преступлениях сексуального характера в отечественном уголовном законодательстве нет, однако в ряде норм имеются соответствующие квалифицирующие признаки, о чем будет сказано ниже.

Продолжительность кибергруминга варьируется от нескольких минут до ситуаций, которые длятся годами. По результатам исследований можно заключить, что подростки, предпочитающие виртуальное общение в социальных сетях, имеют более высокие показатели тревожности⁹. Наибольшая виктимность свойственна младшим школьникам, а склонность к рискованному поведению в общении онлайн — девушкам и юношам 15–17 лет. Примечательно, что большое количество запретов со стороны родителей провоцирует у ребенка намерение сообщать о себе больше информации в Интернете, что облегчает доступ кибергрумеру к потерпевшему¹⁰. Соответственно, взрослые должны делать акцент не на запретах, а на просвещении несовершеннолетних путем освещения потенциальной опасности виртуального общения. Необходимо интересоваться виртуальными контактами детей, по возможности наблюдать за изменением настроения после онлайн-общения в социальных сетях и, что особенно важно, доводить информацию о том, как

действуют виртуальные сексуальные преступники.

В киберпространстве сейчас сосредоточено значительное количество сексуальной преступности. К ней относятся как очевидные криминальные проявления (совершение в отношении лица, не достигшего 12 лет, насильственных действий сексуального характера или в отношении лиц младше 16 лет развратных действий), так и пограничные, становящиеся преступными при определенных обстоятельствах (например, вебкаминг в отношении малолетнего лица, привлечение к созданию порнографических материалов).

Мир меняется, и необходимо, во-первых, осмыслить и определить преступные проявления сексуального характера в сети Интернет и, во-вторых, оказывать им адекватное противодействие. Значительное количество форм виртуального сексуального общения, в том числе на возмездной основе, не образует в текущий период состав правонарушения и тем более преступления. Так, возмездный киберсекс не приравнивается к проституции, несмотря на идентичные признаки: платность, отсутствие избирательности по отношению к заказчику и др. Фактически криминальный рынок сексуальных услуг, сосредоточенных в сети Интернет, представляет собой огромный доходный теневой бизнес, мало упорядоченный со стороны государственных органов.

Интернет-пространство объединило распространение порнографии (привлечение к порнографическому позированию); получение платных сексуальных услуг (отправку откровенных фото и текстов, сексуальное видеообщение в режиме реального времени), сопоставимых с проституцией; совершение отдельных преступлений сексуального характера (насильственные действия сексуального характера, развратные действия, принуждение к действиям сексуального характера). Значительная часть указанных явлений приносит доход их создателям (разра-

⁸ *Стальбовский В. В.* Виртуальная профилактика сексуальной преступности // Пениitenciарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Вологда, 2023. С. 107.

⁹ *Холмогорова А. Б., Авакян Т. В., Клименкова Е. Н., Милюкова Д. А.* Общение в Интернете и социальная тревожность у подростков из разных социальных групп // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 122.

¹⁰ *Медведева А. С.* Коммуникация несовершеннолетних потерпевших в процессе кибергруминга : дис. ... канд. психол. наук. М., 2022. С. 12, 45.

ботчикам) и (или) активным пользователям. Эта деятельность продолжает активно развиваться и, безусловно, нуждается в регулировании, поскольку существенная часть ее вне правового поля, а в отношении лиц, занимающихся оказанием подобных услуг, могут применяться насилие, психологическое давление и иные преступные формы воздействия.

Вебкаминг как услуга, сопровождаемая обнажением тела несовершеннолетнего лица, должен быть запрещен. Ответственность прежде всего следует распространить на держателей вебкам-студий, поскольку в настоящее время, как было отмечено, указанная деятельность не охватывается ни нормами о незаконном обороте (создании) порнографии, ни нормами о проституции, предусмотренными УК РФ.

Существенные осложнения для эффективного противодействия незаконным сексуальным проявлениям в сети Интернет видятся в следующем:

- 1) неочевидный характер преступной деятельности;
- 2) отсутствие необходимого точечного воздействия государственных органов.

Неочевидный характер незаконных преступных посягательств в сети Интернет обусловлен отсутствием информации о границах и формах таких проявлений. Родители ребенка, проводящего время за онлайн-позированием в обнаженном виде, могут никогда не узнать об этом. Более того, самим подросткам, и особенно детям младшего возраста, может быть неясно, что в отношении них совершаются преступные действия. Рост цифровизации общества, обеспечение детей с раннего возраста смартфонами с неконтролируемым выходом в сеть Интернет способствуют увеличению данных преступлений, но при этом должным образом не повышается информирование населения о виртуальных сексуальных злоупотреблениях.

Отсутствие информирования обусловлено в числе прочего мнением о вреде какого-либо сексуального просвещения несовершеннолетних. Полагаем, корректное разъяснение детям опасности интимных посягательств, в том числе совершенных виртуально, близким человеком (родственником или педагогом) в современных реалиях совершенно необходимо. Бережному информированию детей об опасностях преступлений сексуального характера должно предшествовать разъяснение родителям, педагогам, а также неограниченному кругу заинтересованных взрослых существующих форм незаконных

сексуальных посягательств. В указанных целях следует разработать памятки с описанием контактных и неконтактных сексуальных злоупотреблений, ситуаций, которых ребенок должен избегать и (или) о которых ставить в известность родителей (педагогов).

Специалистами должны быть разработаны методические рекомендации, содержащие разъяснение и описание современных незаконных посягательств сексуального характера, особенно направленных против несовершеннолетних. С учетом возрастной группы несовершеннолетних педагогическими работниками с привлечением психологов должны быть разъяснены детям опасность и виды сексуальных злоупотреблений, в том числе осуществляемых посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Детям должно быть указано на опасность обнажения перед онлайн-знакомым, предоставления интимных фото и подобных поведенческих актов. Важно сориентировать несовершеннолетних, и особенно малолетних, в том, к кому следует обратиться с сообщением о попытках вовлечения в сексуальные отношения посторонним лицом. Интимная сфера обуславливает скрытость таких ситуаций, произошедших с детьми, даже от родителей или других близких родственников. Таким образом, при текущих масштабах проблемы вовлечения детей в незаконные сексуальные отношения, в том числе дистанционные, с тенденцией дальнейшего роста следует освещать существующую проблему и воспитательными (просветительскими) мерами частично решать ее изнутри, предотвращая виктимное поведение потенциальных потерпевших.

Со стороны государственных органов противодействие сексуальным посягательствам в сети Интернет также осложнено отсутствием единого понимания отдельных форм, неочевидностью начальных стадий совершения деяний, скрытостью их по своей сути.

Полностью неоправданным видится отсутствие учета в ГИАЦ МВД России деяний сексуальной направленности (насильственных действий сексуального характера, развратных действий, понуждения к сексуальным действиям, привлечения к порнографическому позированию и т.д.), совершенных виртуально. Статистические данные не позволяют даже сделать вывод о количестве исследуемых неконтактных преступлений, хотя, конечно, данная форма преступного поведения существенно отличается от реального совершения указанных деяний

вне цифрового поля и требует специальных мер противодействия.

Важным представляется создание единой базы учета лиц, совершивших преступление сексуального характера. Современные технологии позволяют осуществить указанный сбор данных, в частности в ГИАЦ МВД России. Уточнению (учету) подлежат лица, совершившие преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних потерпевших, а также способ преступного деяния, в том числе с использованием компьютерных технологий (дистанционно).

В отдельных странах освобожденный из мест лишения свободы преступник-педофил подлежит пожизненному наблюдению через глобальную систему GPS, осуществляемому посредством электронного браслета с микрочипом по отслеживанию перемещений такого лица. В США в 2007 г. на входе в тысячи школ появилась специальная компьютерная программа, сверяющая данные личности взрослых посетителей с базой данных сексуальных преступников. В случае если посетитель числится в указанной базе, об этом оповещают администрацию школы, и при разрешении этому человеку зайти внутрь ему выделяют сопровождающих¹¹.

Не полностью урегулирован допуск лиц, совершивших преступления сексуального характера в отношении детей, к работе с несовершеннолетними. В ТК РФ в настоящее время есть соответствующие ограничения, однако они несовершенно. Во-первых, запрет установлен только на допуск к осуществлению педагогической деятельности, но лицо, совершившее преступление сексуального характера, вполне может устроиться в школу на такую должность, как плотник, что фактически обеспечит ему контакт с детьми. Во-вторых, люди стали часто менять паспортные данные (фамилию и имя), что приводит к утрате идентификации в рассматриваемом вопросе. В-третьих, происходит наплыв трудовых мигрантов без учета их судимостей на родине, в том числе совершения деяний сексуального характера. Указанные аспекты

требуют дальнейшей проработки. Безусловно, необходимо проверять въезжающих на совершение ими преступлений ранее и запрещать въезд по трудовым визам в случае совершения ими преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних. Контролю за гражданами РФ, совершившими аналогичные преступления, будет способствовать введение учета виновных в ГИАЦ МВД России, на что было указано ранее.

Отдельно сто́ит оговориться об отсутствии лечения лиц, страдающих различными расстройствами сексуального предпочтения, в частности педофилией, до совершения преступления, после чего к ним могут быть применены принудительные меры медицинского характера. Вместе с тем с точки зрения превенции лечение лиц с сексуальными дисфункциями необходимо.

В научной литературе среди проактивных мер по предотвращению киберпреступности выделяют обеспечение положений Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.); подготовку отчетов о тенденциях и угрозах в области кибербезопасности и киберпреступности; проведение упражнений для симуляции случаев из практики, связанных с киберпреступностью¹². Противодействие рассматриваемым преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, должно осуществляться в том числе изнутри при помощи технических средств и возможностей. Один из первых шагов в сокращении объема запрещенной информации в сети Интернет, в том числе порнографических материалов, — возложение на владельцев социальных сетей обязанности мониторинга информации, распространяемой пользователями¹³.

В связи с этим важным представляется установление обязанности провайдеров сообщать о сексуальных правонарушениях в сети Интернет. Необходимо также расширить действие сервисов, которые смогут передавать информацию провайдерам для удаления или блокировки

¹¹ Клебанов Л. Р. Технические меры предупреждения преступности: понятие, виды и субъект применения // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 2. С. 9.

¹² Сидорова Е. З. Основные методы профилактики киберпреступлений в практике правоохранительных органов России // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях : материалы IV Международной научно-практической конференции : в 2 т. Донецк, 2024. Т. 2. С. 106.

¹³ Федеральный закон от 30.12.2020 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”».

ресурсов с признаками противоправности. Усилия специалистов в области кибербезопасности должны быть направлены на дальнейшую разработку и создание специального программного обеспечения для целенаправленного обнаружения информации требуемого содержания и последующее удаление запрещенных материалов.

Наиболее распространены среди киберпреступлений рассматриваемого вида такие деяния, как насильственные действия сексуального характера при отправлении непристойного контента лицу младше 12 лет, понуждение к действиям сексуального характера, развратные действия; незаконный оборот порнографических материалов, том числе привлечение несовершеннолетнего лица к участию в создании порнографической продукции и (или) в порнографическом шоу.

Нормы, предусматривающие ответственность за посягательство на половую неприкосновенность и половую свободу личности, а также общественную нравственность в сфере половых отношений, нуждаются в учете новых киберформ осуществления преступлений сексуального характера. В первую очередь требуются осмысление внеконтактных способов совершения преступлений сексуального характера, установление степени их общественной опасности.

Общественная опасность отдельных преступлений сексуального характера, совершенных виртуально (внеконтактным способом, посредством информационно-телекоммуникационных сетей), определяется авторами по-разному. Так, применительно к развратным действиям, совершенным с использованием сети Интернет, отдельные специалисты отмечают их бóльшую общественную опасность по сравнению с совершенными непосредственно в реальной жизни¹⁴; некоторые между данными формами ставят знак равенства¹⁵, а часть даже усматривает меньшую общественную опасность в совершении рассматриваемого деяния внеконтактным способом и предлагает вывести данный признак в привилегированный состав¹⁶.

Сопоставление норм о рассматриваемых преступлениях с учетом установленных мер ответственности вызывает вопросы. Мы разделяем позицию, что квалификация совершения неконтактных развратных действий в отношении лица, не достигшего 12 лет, по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ на основании примечания к ст. 131 УК РФ не в полной мере оправданна, поскольку реальные насильственные действия сексуального характера более общественно опасны.

В соответствии с тем, что физические (контактные) и интеллектуальные формы совершения сексуальных действий обладают разной степенью общественной опасности, следует констатировать правильность квалификации по ст. 132 УК РФ только контактных форм развратных действий с применением насилия, что, по сути, отвечает дифференциации уголовной ответственности исходя из тяжести совершенного деяния.

Полагаем, что в настоящее время разрешение указанной проблемы возможно только путем ориентирования судов на назначение более мягкого наказания из числа возможных при отсутствии контактной формы сексуального посягательства. Данное положение и иные рекомендации по назначению наказания следует отразить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Вместе с тем наказания, изложенные в санкциях статей УК РФ о насильственных посягательствах сексуального характера, настолько строги, что данное предложение не в полной мере разрешит сложившуюся ситуацию¹⁷. Дальнейшее реформирование норм о рассматриваемых деяниях должно быть направлено на исключение переноса неконтактных преступных проявлений сексуального характера под юрисдикцию ст. 132 УК РФ.

Сравнивая же развратные действия как таковые в реальности и виртуальном пространстве или аналогичные формы понуждения к действиям сексуального характера, распространения

¹⁴ Никульченкова Е. В. Квалификация преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 187–188.

¹⁵ Бимбинов А. А. Ненасильственные половые преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 170.

¹⁶ Веснина Е. П. Дифференциация уголовной ответственности за совершение развратных действий // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 76.

¹⁷ Гусарова М. В. Особенности квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, обусловленные примечанием к статье 131 УК РФ // Lex russica. 2023. № 5 (198). С. 117.

порнографических материалов и т.д., мы приходим к выводу, что общественная опасность киберформ выше, исходя из одновременного широкого охвата потенциальных жертв, анонимности и других обстоятельств.

Законодательной тенденцией последнего времени стало появление квалифицирующего признака о совершении деяний сексуального характера посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Рассматриваемый квалифицирующий признак сначала появился в гл. 25 УК РФ применительно к преступлениям, сопряженным с незаконным оборотом порнографической продукции. Затем в 2022 г. аналогичное изменение коснулось и ст. 133 гл. 18 УК РФ.

Помимо деяний, предусмотренных статьей 133 УК РФ, часто совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных сетей развратные действия (ст. 135 УК РФ) и получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1 УК РФ), в которых соответствующий квалифицирующий признак по-прежнему отсутствует.

В целях обеспечения единого подхода к дифференциации уголовной ответственности преступлений сексуального характера следует предусмотреть в нормах о развратных действиях и получении сексуальных услуг несовершеннолетнего квалифицирующий признак «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”».

Заключение

Если обобщить изложенное, то мерами противодействия преступлениям сексуального характера, совершенным посредством информационно-телекоммуникационных сетей, являются:

1) криминализация привлечения несовершеннолетних для осуществления сексуального вебкам-позирования;

2) реформирование действующих норм УК РФ: сто́ит предусмотреть в нормах о развратных действиях и получении сексуальных услуг несовершеннолетнего квалифицирующий признак «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”»;

3) исключение из юрисдикции нормы о насильственных действиях сексуального характера (ст. 132 УК РФ) неконтактных форм совершения преступлений сексуального характера;

4) учет в ГИАЦ МВД России преступлений сексуального характера, совершенных посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей;

5) создание на базе ГИАЦ МВД России учета лиц, совершивших преступления сексуального характера, с выделением виновных в совершении преступлений указанной категории в отношении несовершеннолетних;

6) освещение проблемы виртуального сексуального воздействия на несовершеннолетних в средствах массовой информации;

7) разработка памяток (методических рекомендаций) в целях воспитания и просвещения с описанием контактных и неконтактных сексуальных злоупотреблений, а также ситуаций, которых ребенок должен избегать и о которых должен информировать родителей (педагогов);

8) установление обязанности провайдеров сообщать о сексуальных правонарушениях в сети Интернет, что позволит решать проблему изнутри;

9) расширение действия сервисов для удаления или блокировки ресурсов с признаками противоправности при получении соответствующих заявок от пользователей;

10) дальнейшая разработка и создание специального программного обеспечения для целенаправленного обнаружения информации требуемого содержания и последующее блокирование (удаление) запрещенных материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аувал А. М., Лазарус С. Социолого-криминологическое исследование проблем виктимизации: предварительный этап и новая область категоризации киберпреступности // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2 (4). С. 915–942.

Бимбинов А. А. Ненасильственные половые преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 227 с.

Веснина Е. П. Дифференциация уголовной ответственности за совершение развратных действий // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 72–77.

Гусарова М. В. Особенности квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, обусловленные примечанием к статье 131 УК РФ // *Lex russica*. 2023. № 5 (198). С. 111–119.

Евдокимов К. Н. К вопросу о совершенствовании системы противодействия технотронной преступности в Российской Федерации // *Российский следователь*. 2021. № 10. С. 69–72.

Ивасюк О. Н. Современные проблемы киберпреступности // *Вестник экономической безопасности*. 2022. № 6. С. 117–120.

Клебанов Л. Р. Технические меры предупреждения преступности: понятие, виды и субъект применения // *Союз криминалистов и криминологов*. 2021. № 2. С. 7–20.

Лепешкина О. И. Киберпреступность как угроза национальной безопасности // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2022. № 2 (12). С. 65–69.

Медведева А. С. Коммуникация несовершеннолетних потерпевших в процессе кибергруминга : дис. ... канд. психол. наук. М., 2022. 182 с.

Никульченкова Е. В. Квалификация преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 185–191.

Сидорова Е. З. Основные методы профилактики киберпреступлений в практике правоохранительных органов России // *Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях : материалы IV Международной научно-практической конференции : в 2 т. Т. 2*. Донецк, 2024. С. 105–108.

Спайропулос Ф. Новые подходы к исследованию ИИ-преступности: конструирование цифровой криминологии // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. № 2 (3). С. 973–1002.

Стальбовский В. В. Виртуальная профилактика сексуальной преступности // *Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации : сборник материалов международной научно-практической конференции*. Вологда, 2023. С. 103–109.

Холмогорова А. Б., Авакян Т. В., Клименкова Е. Н., Милюкова Д. А. Общение в Интернете и социальная тревожность у подростков из разных социальных групп // *Консультативная психология и психотерапия*. 2015. Т. 23. № 4. С. 122–128.

Castro A., Barrada J. R. Dating apps and their sociodemographic and psychosocial correlates: A systematic review // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. No. 31 (6). P. 60–65.

REFERENCES

Auval AM, Lazarus S. Sociological and criminological study of victimization problems: a preliminary stage and a new area of categorization of cybercrime. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(4):915-942. (In Russ.).

Bimbinov AA. Non-violent sex crimes. *Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow*; 2015. (In Russ.).

Castro A, Barrada JR. Dating apps and their sociodemographic and psychosocial correlates A systematic review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;31(6):60-65.

Evdokimov KN. On the issue of improving the system for countering technotronic crime in the Russian Federation. *Russian Investigator*. 2021;10:69-72. (In Russ.).

Gusarova MV. Classification of Crimes against Sexual Inviolability and Sexual Freedom of the Individual under a Note to Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Lex russica*. 2023;5(198):111-119. (In Russ.).

Ivasyuk ON. Modern problems of cybercrime. *Bulletin of Economic Security*. 2022;6:117-120. (In Russ.).

Kholmogorova AB, Avakyan TV, Klimenkova EN, Milyukova DA. Internet communication and social anxiety in adolescents from different social groups. *Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2015;23(4):122-128. (In Russ.).

Klebanov LR. Technical measures for crime prevention: concept, types and subject of application. *The Union of Criminalists and Criminologists*. 2021;2:7-20. (In Russ.).

Lepeshkina OI. Cybercrime as a threat to national security. *Theoretical and Applied Jurisprudence*. 2022;2(12):65-69. (In Russ.).

Medvedeva AS. Communication of minor victims in the process of cybergrooming, *Cand. Sci. (Psychology)*. Moscow; 2022. (In Russ.).

Nikulchenkova EV. Qualification of crimes against the sexual inviolability of minor. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. 2019;5(71)2:185-191. (In Russ.).

Sidorova EZ. The main methods of preventing cybercrimes in the practice of law enforcement agencies of Russia. In: Current problems of the theory and practice of criminal law and process in modern conditions. *Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference*. Donetsk; 2024. (In Russ.).

Spiropoulos F. New approaches to AI crime research: the construction of digital criminology. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(3):973-1002. (In Russ.).

Stalbovsky VV. Virtual prevention of sexual crime. In: The penitentiary system of Russia in the modern conditions of the development of society: From the paradigm of punishment to correction and re-socialization. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Vologda; 2023. (In Russ.).

Vesnina EP. Differentiation of criminal liability for committing lecherous acts. *The Altai Law Journal*. 2021;1(33):72-77. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусарова Мария Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России
д. 35, Магистральная ул., г. Казань 420108, Российская Федерация
rr-maria@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria V. Gusarova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of criminal Procedure, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russian Federation
rr-maria@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 19 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2026 г.

Received 25.03.2025.

Revised 19.04.2025.

Accepted 15.04.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.057-068

Л. В. Юн

Казанский филиал Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева
г. Казань, Российская Федерация

Концепция экологической конституции как основа институционализации конституционных экологических прав и обязанностей

Резюме. Автор анализирует разные подходы к воплощению концепции экологической конституции в современных государствах; обозначает актуальные проблемы в ее реализации; предлагает индикаторы ее воплощения и унификации экологических прав и обязанностей в конституциях стран СНГ. В ходе исследования выявлено, что в Российской Федерации концепция экологической конституции начинает реализовываться путем закрепления в конституционных положениях, а также в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» фундаментальных конституционных экологических прав и обязанностей. Автор проводит различие между экологической и «зеленой» конституциями: в первом случае рассматривается человек как объект окружающей среды, а во втором речь идет об окружающей среде, природных ресурсах, экологической и биологической безопасности. Помимо этого, акцентируется внимание на исследованиях вопросов, связанных напрямую с экологической конституцией, а также с экологическими правами и обязанностями, которые необходимо закрепить на конституционном уровне.

Ключевые слова: концепция экологической конституции; конституционные экологические права и обязанности; эволюция понимания; конституционное регулирование

Для цитирования: Юн Л. В. Концепция экологической конституции как основа институционализации конституционных экологических прав и обязанностей. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 57–68. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.057-068

Благодарности. Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ. Соглашение о предоставлении гранта на поддержку плана развития кадрового потенциала образовательной организации высшего образования, научной организации, иной организации, повышения престижности и привлекательности научно-педагогических профессий, привлечения в научно-образовательный кластер высококвалифицированных и эффективных специалистов, поддержки и удержания научно-педагогических кадров от 22.12.2025 № 1/2025-ПД-РГУП.

The Concept of an Environmental Constitution as a Foundation for Institutionalizing Constitutional Environmental Rights and Duties

Larisa V. Yun

Kazan Branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
Kazan, Russian Federation

Abstract. The author analyzes various approaches to implementing the concept of an environmental constitution in modern states, identifies current challenges in putting this concept into practice, and proposes indicators for its implementation and for the harmonization of environmental rights and responsibilities in the constitutions of the member states of the Commonwealth of Independent States. The study finds that in the Russian Federation the concept of an environmental constitution is beginning to take shape through the enshrinement of fundamental constitutional environmental rights and duties both in constitutional provisions and in the federal law on environmental protection. The author distinguishes between an environmental constitution and a green constitution, explaining that the former focuses on the individual as part of the environment, whereas the latter addresses the environment itself, natural resources, and environmental and biological security. In addition, the author highlights studies that directly examine issues related to the environmental constitution, as well as environmental rights and responsibilities that should be consolidated at the constitutional level.

Keywords: concept of an environmental constitution; constitutional environmental rights and obligations; evolution of understanding; constitutional regulation

Cite as: Yun LV. The Concept of an Environmental Constitution as a Foundation for Institutionalizing Constitutional Environmental Rights and Duties. *Lex russica*. 2026;79(5):57-68. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.057-068

Acknowledgements. The study was funded by the grant provided by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to educational organizations of higher education, scientific and other organizations to support plans for the development of human resources in terms of stimulating their scientific and scientific-pedagogical workers to defend doctoral dissertations and perform research works. The agreement on the provision of the grant to support the plan for the development of the human resources of an educational organization of higher education, a scientific organization, another organization, increasing the prestige and attractiveness of scientific and pedagogical professions, attracting highly qualified and effective specialists to the scientific and educational cluster, supporting and retaining scientific and pedagogical personnel was concluded on 22 December 2025 No. 1/2025-PD-RGUP.

Введение

В современной отечественной и зарубежной юридической науке исследуется концепция экологической конституции. Однако на сегодняшний день она не получила должного рассмотрения как основа институционализации конституционных экологических прав и обязанностей. В рамках исследования проведем ретроспективный анализ формирования, обозначим этапы становления, выявим актуальные проблемы реализации концепции экологической конституции в современный период и предложим индикаторы ее унификации в конституциях стран СНГ.

Исторический анализ становления и развития концепции экологической конституции позволит понять процесс ее формирования и поэтапного развития в разных государствах.

Концепция экологической конституции прошла длительный путь становления, признавая вначале важным объектом природу и землю. После формального закрепления в международных декларациях принципов благоприятных условий проживания, доступа к информации, касающейся окружающей среды, в современных конституциях были отражены конституционные экологические права и обязанности человека и гражданина.

Современное состояние концепции экологической конституции неоднозначно ввиду того, что не во всех государствах находят формальное закрепление конституционные экологические права и обязанности. Данное обстоятельство не позволяет утверждать о том, что концепция экологической конституции отражена в конституционных нормах, в том числе стран СНГ.

Эволюция понимания концепции экологической конституции

На сегодняшний день зарождению, формированию и развитию концепции экологической конституции в современной зарубежной и отечественной науке посвящено небольшое количество исследований, вследствие чего не в полном объеме сформулирована ее дефиниция. Для начала рассмотрим позиции зарубежных ученых относительно эволюции понимания экологической конституции.

По утверждению профессора Центра экологического права и глобальной устойчивости Университета Оттавы Линды Коллинз, концепция экологической конституции, возможно, кому-то покажется новой, однако ее зачатки присутствуют в культурах коренных народов всего мира. В начале экологической эры, в 1936 г., в журнале «Экология» американский ученый У. П. Тейлор высказал идею о разработке экологической конституции и предложил включить ее в преамбулу «декларации взаимозависимости растений, животных и их среды»¹.

Концепция экологической конституции государств разрабатывается учеными разных стран.

Редактор-координатор «Американского юридического обзора» Университета Анд (Колумбия) и Центра экономических исследований и преподавания (Мексика) Даниэль Ривас-Рамирес, исследователь-постдокторант Университета Анд (Чили), доктор права Университета Севильи (Испания) Эдгар Эрнан Фуэнтес-Контрерас под экологической конституцией понимают совокупность предписаний как органической, так и догматической части текста, имеющего целью защиту и охрану окружающей среды².

Интерес вызывает обсуждение вопросов реализации концепции глобальной экологической конституции на международном уровне. Концепция глобальной экологической конституции раскрывается во французских исследованиях. Профессор-исследователь юридического факультета Северо-Западного университета (ЮАР),

старший научный сотрудник по праву систем Земли Университета Линкольна Луи Я. Котце считает, что переговоры Франции и других государств относительно глобального пакта позволяют высказать идею о потенциале глобальной экологической конституции. В качестве целей пакта выделяются обязательное отражение в виде инструмента экологического права ключевых принципов международного экологического права, перспективное развитие закона для обеспечения права жизни в экологически безопасной среде. При этом ученый подчеркивает, что в нем отсутствует социально-экологическая забота и он не в полной мере нацелен на поддержание целостности системы Земли³.

Интересны также рассуждения ученых, которые напрямую не исследуют экологическую конституцию, но предлагают рассмотреть экологические права и обязанности, которые должны быть предметом конституционного регулирования.

Доктор права Юридического центра Джорджтаунского университета Сара Заат проводит сравнительно-правовой анализ конституционных норм Франции и Бразилии, сосредотачивая внимание на конституционном экологическом праве на доступ к информации о состоянии окружающей среды. Конституция Франции включает его как часть положений Хартии, касающихся окружающей среды, в то время как статья 5 Конституции Бразилии закрепляет общее право на доступ к информации⁴.

Доктор права Мюнхенского университета, Папского католического университета Риу-Гранди-ду-Сул Инго Вольфганг Сарлет, доктор публичного права Папского католического университета Риу-Гранди-ду-Сул Тьяго Фенстерсайфер считают, что новый пункт VIII § 1 ст. 225, включенный в Конституцию Бразилии в соответствии с поправкой № 123/2022, текстуально регулирует именно обязанности Бразильского государства по защите климата в смысле содействия декарбонизации экономики и нейтрализации последствий выбросов парниковых газов в результате сжигания ископаемого топлива. При-

¹ Collins L. The Ecological Constitution: Reframing Environmental Law. Routledge, 2021. P. 10.

² Rivas-Ramírez D., Fuentes-Contreras E. H. Una aproximación a la relación entre medio ambiente y derechos humanos. Casos de Brasil y Colombia // Iberoamérica. 2022. Núm. 1. P. 119.

³ Kotzé L. J. A Global Environmental Constitution for the Anthropocene? // Transnational Environmental Law. 2019. Vol. 8 (1). P. 13–14.

⁴ Zaat S. Constitutional Environmental Rights as Tools of Environmental Justice: Applications in the United States Based on Examples from Brazil and France // The Georgetown Environmental Law Review. 2022. Vol. 34. No. 3. P. 553.

знание основополагающего права на чистый, здоровый и безопасный климат и его нормативно-правовой режим иллюстрирует признание взаимосвязи между изменением климата и основными правами человека⁵.

По мнению адвоката, профессора права Андского университета имени Симона Боливары (Эквадор) и Папского католического университета Эквадора, советника фонда «Пачамама» Марио Мело, «тесно связанная с взаимоотношениями между человеком и природой действующая Конституция Эквадора включает в себя некоторые беспрецедентные элементы эквадорского конституционализма. Одним из них является понятие хорошей жизни как ключевой элемент идеологического определения, лежащего в основе новой конституционной структуры государственного управления...»⁶.

В науке международного права исследователи высказывают мнение, что, помимо концепции экологической конституции, существует концепция «зеленой» конституции.

Магистр права Университета Дипонегоро (Индонезия) Ардина Нур Амалия, изучающая вопросы управления и охраны окружающей среды на основе концепции «зеленой» конституции, подчеркивает, что этот термин был впервые введен в Индонезии профессором, доктором Джимли Ашиддике, посвятившим ей книгу. В ней исследуется принцип охраны окружающей среды: окружающая среда не может являться объектом, использованным, обработанным или измененным человеком по небрежности. Среда представляет собой объект, имеющий право на заботу, защиту и сохранение для выживания человечества. В нормативных актах Индонезии «зеленую» конституцию

можно найти в четвертой поправке к Конституции 1945 г. Согласно конституционным нормам Индонезии принцип «зеленой» конституции служит базисом при реализации и обеспечении соблюдения природоохранного законодательства в целях поддержания экологической устойчивости для будущих поколений⁷.

Лектор Амалия Диамантина и преподаватель бакалавриата по праву Деви Юлида из Университета Дипонегоро (Индонезия) отмечают, что «зеленую» конституцию следует понимать как попытку обеспечения защиты окружающей среды в государственной конституции. Закрепление экологических вопросов в конституции способствует расположению государства к защите окружающей среды⁸.

На наш взгляд, экологическая и «зеленая» конституции соотносятся на основании охраняемых и защищаемых ими объектов: человека, окружающей среды, природных ресурсов, экологической и биологической безопасности. Однако необходимо подчеркнуть, что «зеленая» конституция в большей степени преследует цель защиты природы и окружающей среды, в то время как экологическая конституция предметом охраны называет в первую очередь человека через принадлежащие ему конституционные экологические права и обязанности.

Подчеркнем, что на первое место в большинстве исследований выдвигаются природа и окружающая среда как объекты защиты от неблагоприятного воздействия. Человек как субъект не упоминается, что является одной из проблем, с нашей точки зрения, так как в отношении него могут быть совершены экологические правонарушения и преступления. Во время стихийных бедствий может быть нанесен

⁵ Sarlet I. W., *Fensterseifer T.* Teoria dos direitos fundamentais e proteção do clima à luz da constituição Brasileira // e-Publica. 2022. Vol. 9. No. 3. P. 26–54.

⁶ Melo M. Nuevos Retos para la Exigibilidad de Derechos Ambientales y Derechos de la Naturaleza en el Ecuador // Estudio comparado de derecho ambiental. Ecuador-Perú-Bolivia-España Énfasis en Parámetros de calidad y Límites Máximos Permisibles dentro de actividades extractivas. URL: https://inredh.org/archivos/libros/estudio_comparado_derecho_ambiental.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

⁷ Nur Amalia A., Rahayu R. Environmental Management and Protection Based on the Green Constitution Concept // Jurnal IUS Kajian Hukum dan Keadilan. 2021. Vol. 9. Issue 3. 2021. P. 535–544. URL: https://www.academia.edu/104363038/Environmental_Management_and_Protection_Based_on_The_Green_Constitution_Concept (дата обращения: 30.01.2025).

⁸ Amalia Diamantina, Devi Yulida. Reinforcement of Green Constitution: Efforts for Manifesting Ecocracy in Indonesia // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/376634956_Reinforcement_of_Green_Constitution_Efforts_for_Manifesting_Ecocracy_in_Indonesia?_sg=SsnVsOrJDuoW1ED_kGnbsVF9yXqC806ZkhDd6pZarQQvco3jUzWTkKJjNTwUkK-RqivsRdvj6OrGiGM&_tp=eyJjb250ZXh0ljp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFZSI6Ii9kaXJlY3Qi (дата обращения: 15.01.2025).

вред здоровью человека. Концепция экологической конституции не может основываться только на признании природы как основного объекта. Экологическая конституция — это прежде всего конституционные экологические права и обязанности, экологическая функция государства, экологическая деятельность всех субъектов права, направленная на защиту нынешних и будущих поколений, и др. Помимо этого, в ряде исследований зарубежных ученых прослеживается взаимосвязь коренных народов и окружающей среды⁹.

Взгляды российских ученых на концепцию экологической конституции

В отечественной юридической науке концепция экологической конституции также получает всё более пристальное внимание. В глобальном контексте, по мнению доктора юридических наук, профессора Ю. С. Шемшученко, мировым сообществом не был развит надежный организационно-правовой механизм обеспечения глобальной экологической безопасности, ввиду чего возникла необходимость разработки Экологической конституции Земли. Международные нормативные правовые акты не имели идентичного характера и различались предметом регулирования и иными признаками. Ввиду этого Экологическая конституция Земли послужила ключевым актом кодификации международного экологического права, содействующим становлению его системы через призму его эволюции на принципах, предложенных современной теорией и практикой¹⁰.

Доктор юридических наук, профессор И. А. Умнова-Конюхова считает, что на национальном уровне «как подсистема конституционно-правовых норм экологическая конституция охватывает нормы, закрепляющие: конституционный режим собственности на ос-

нове требований по соблюдению обязанностей по охране окружающей среды и рациональному природопользованию; право на благоприятную (здоровую) окружающую среду и гарантии его реализации; конституционные обязанности, запреты и основы ответственности в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования...»¹¹.

Проводя анализ концепции экологической конституции в Российской Федерации, И. А. Умнова-Конюхова справедливо подчеркивает, что «она развивалась в связке с определением таких правовых категорий, как конституционные экологические права и обязанности, конституционные гарантии экологической безопасности, конституционная ответственность за нарушение экологических правовых норм...»¹².

Концепция экологической конституции — это формирующееся представление о конституционной природе экологической функции государств, конституционно обозначенной системе экологических прав и обязанностей, охраны окружающей среды и природных ресурсов, гарантиях экологической и биологической безопасности, защиты экологическими судами.

Другие ученые напрямую не рассматривают концепцию экологической конституции, но предметом их исследования являются экологический конституционализм, экологическая функция государства. Так, Е. В. Александрова, К. А. Селиванова отмечают, что экологические права и обязанности представляют собой наиболее значимую сторону норм российских законов в целом. Вследствие данного обстоятельства важно, что они признаны и закреплены в Конституции России¹³. М. М. Бринчук подчеркивает, что в Конституции РФ содержатся наиболее значимые нормы для характеристики экологического права: место и роль природы в жизни общества; право собственности на природные объекты; объекты экологических

⁹ Collins L. Op. cit. P. 10; Berasaluce M., Díaz-Sieffer P., Rodríguez-Díaz P., Mena-Carrasco M. Social-Environmental Conflicts in Chile: Is There Any Potential for an Ecological Constitution? // Sustainability. 2021. Vol. 13 (22).

¹⁰ Шемшученко Ю. С. Экологическая конституция Земли: концептуальные подходы // Государство и право. 2008. № 6. С. 23.

¹¹ Умнова И. А. Экологическая конституция в механизме правового обеспечения качества жизни // Охрана окружающей среды и качество жизни : Правовые аспекты : сборник науч. трудов. Серия «Правоведение» / отв. ред. Е. В. Алферова, О. Л. Дубовик. М., 2011. С. 8.

¹² Умнова-Конюхова И. А., Вакула М. А. Экологическое право в XXI веке: актуальные проблемы, вызовы и решения : монография. М. : РУДН, 2021. С. 167.

¹³ Александрова Е. В., Селиванова К. А. Экологическая Конституция: постановка проблемы // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 1. С. 31.

отношений; экологические права человека; экологическая функция субъектов права и др.¹⁴ Н. С. Бондарь высказывает позицию о том, что экологический конституционализм является двуединым процессом: «с одной стороны, это проникновение конституционных начал, принципов и ценностей Основного закона в экологическую сферу... С другой стороны, это своего рода встречные процессы, связанные с проникновением эколого-правовых начал в сферу и конституционного, и отраслевого (публичного и частного) законодательства...»¹⁵

Под экологической конституцией, на наш взгляд, необходимо понимать систему норм, регламентирующих безопасное нахождение в окружающей среде объектов и субъектов экологических правоотношений, предоставляющую гарантии защиты конституционных экологических прав субъектам и соблюдения конституционных экологических обязанностей.

Объектом экологической конституции являются человек, окружающая среда, природные ресурсы и др., которым может быть нанесен вред вследствие совершения экологических правонарушений или преступлений. Предметом экологической конституции выступают процессуальные нормы, закрепляющие конституционные экологические права и обязанности, реализация которых возможна в случае создания государством мер их охраны и защиты от неблагоприятного воздействия со стороны других субъектов на основании полномочий органов публичной власти.

Содержанием экологической конституции являются конституционные положения, закрепляющие принципы, идеи, нормы, субъекты и объекты экологических правоотношений, полномочия органов публичной власти, в том числе в судебной системе, осуществляющих защиту и охрану конституционных экологических прав, а также контроль за соблюдением конституционных экологических обязанностей.

Воплощение концепции экологической конституции на практике

В современный период наблюдаются разный уровень экологической конституционализации и различные доктринальные подходы к воплощению концепции экологической конституции.

По мнению И. А. Умновой-Конюховой, по степени экологизации конституции необходимо разграничить на следующие группы: 1) не содержащие экологических норм; 2) включающие принципы экологической деятельности; 3) закрепляющие принципы экологической деятельности, экологические права и обязанности в разделах об основах конституционного строя и о правах человека; 4) конституции с отдельными главами, посвященными охране окружающей среды и др. (например, Конституция Бразилии); 5) специализированный правовой акт в сфере экологии как составная часть Конституции Франции¹⁶.

В качестве наиболее экологических следует выделить конституции Франции, Эквадора, Бутана, Бразилии.

Франция является первым государством, воплотившим концепцию экологической конституции. В 2005 г. она приняла Хартию окружающей среды как часть национальной Конституции, формально отразившую группу экологических прав и обязанностей: право каждого на проживание в условиях окружающей среды, сбалансированной, сочетающейся со здоровьем, и обязанности, связанные с участием в сохранении и улучшении окружающей среды¹⁷.

Магистр права Университета Лидса (Великобритания) Джеймс Саутвуд отмечает, что в 2008 г. Эквадор стал первой страной в мире, воспринявшей экологическое мышление в своей Конституции путем кодификации прав природы. Это знаменует собой важную веху в «зеленой» политике государства¹⁸. Принятая

¹⁴ Бринчук М. М. 15 лет Конституции РФ в эколого-правовом контексте // Государство и право. 2008. № 12. С. 93.

¹⁵ Бондарь Н. С. Экологический конституционализм — новая категория современной юриспруденции: вводные концептуальные, практико-прикладные замечания // Спутник высшей школы. 2022. № 5 (10). С. 5, 6.

¹⁶ Умнова-Конюхова И. А., Вакула М. А. Указ. соч. С. 170.

¹⁷ Хартия окружающей среды (Charte de l'environnement) — конституционный закон Франции, принятый в 2005 г. (URL: <https://constitutions.ru/?p=24989&ysclid=m5t653owq215507133> (дата обращения: 12.01.2025)).

¹⁸ Southwood J. So What? A critical analysis of the «greening» of Ecuador's Constitution // URL: https://www.academia.edu/35142810/So_what_Ecuadors_Ecological_Constitution (дата обращения: 10.01.2025).

в 2008 г. Конституция Эквадора впервые формально закрепила права Пачамамы (Матери Земли), экологические права и обязанности. Конституцию Эквадора можно обозначить как экологическую ввиду того, что в ней есть такие разделы и главы, как «Вода и пища» (разд. 1), «Здоровая окружающая среда» (разд. 2), «Права природы» (гл. 7), «Природа и окружающая среда» (разд. 1), «Биоразнообразие» (разд. 2), «Природные богатства» (разд. 4)¹⁹.

Интересная идея находит формальное отражение в конституционных положениях Бутана: бутанцы являются попечителями природных ресурсов и окружающей среды, а их деятельность сказывается как на нынешнем, так и на будущих поколениях. С одной стороны, на граждан современных государств возлагается непростая ответственность за будущие поколения, а с другой — они имеют возможность участвовать в управлении делами государства путем осуществления полномочий попечителя как естественных ресурсов, так и окружающей среды²⁰. Конституцию Бутана также можно признать экологической.

Конституция Бразилии формально отражает совместные полномочия Союза, штатов федерального округа и округов по защите окружающей среды и борьбе с загрязнением в любых его формах (ст. 23). Союз, штаты и федеральный округ имеют параллельные полномочия по изданию законов, касающихся ответственности за ущерб, причиненный окружающей среде и потребителям (ст. 24). Согласно гл. VI Конституции каждый человек имеет право на экологически сбалансированную окружающую среду²¹.

Всё более конституционализируются экологические принципы и нормы в других странах Латинской Америки, Африки, Восточной Европы и Юго-Восточной Азии. При этом акценты расставляются с учетом наиболее актуальных про-

блем: благоприятной окружающей среды, ее охраны, противодействия экологическим катастрофам и кризисам. Так, согласно Конституции Федеративной Демократической Республики Эфиопии (ст. 44) политика государства нацелена на предоставление гражданам доступа к чистой воде, жилью, продуктам питания и социальному обеспечению (ст. 90). Правительство принимает все меры, чтобы эфиопы могли жить в чистой, а также благоприятной для здоровья окружающей среде (ст. 92)²².

В конституционных нормах ЮАР формально закреплено право каждого на достаточное количество еды и воды. Данное право крайне необходимо, так как оно обусловлено нехваткой продуктов питания и водных ресурсов. В связи с этим государство было вынуждено закрепить его в конституционных нормах с целью защиты на конституционном уровне²³.

Доктор наук, профессор Дасим Будимансия, магистр права Дви Иман Мутакин из Индонезийского педагогического университета подчеркивают, что Индонезия включена в список стран, способствующих разрушению окружающей среды, из-за недостаточной правовой осведомленности в области защиты окружающей среды. Прибрежное сообщество реки Лумбах до сих пор не понимает важности данной проблемы, о чем свидетельствует использование речной воды для стирки, купания и др. Одним из основных средств просвещения общественности в отношении Конституции Республики Индонезия 1945 г., включая основные нормы об окружающей среде, является реализация программы движения «зеленой» конституции по повышению осведомленности сообщества побережья реки района Марабахан округа Барито-Куала²⁴.

Оценка общественно-политических процессов в разных странах, связанных с популя-

¹⁹ Конституция Эквадора (принята в сентябре 2008 г., редакция 2021 г.) // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Ecuador_2021 (дата обращения: 11.02.2025).

²⁰ Конституция Бутана (принята Королевским правительством Бутана 18 июля 2008 г.) // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Bhutan_2008 (дата обращения: 11.02.2025).

²¹ Конституция Бразилии (принята 5 октября 1988 г., с изменениями 2017 г.) // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Brazil_2017 (дата обращения: 11.02.2025).

²² Конституция Федеративной Демократической Республики Эфиопии (принята 8 декабря 1994 г., вступила в силу 21 августа 1995 г.) // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7438> (дата обращения: 11.02.2025).

²³ Конституция Южно-Африканской Республики (принята 8 мая 1996 г., с изменениями 2012 г.) // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/South_Africa_2012 (дата обращения: 11.02.2025).

²⁴ *Dasim Budimansyah, Dwi Iman Muthaqin, et al. Green Constitution: Developing Environmental Law Awareness // 2nd International Conference on Social Sciences Education (ICSSE 2020). 2021. P. 200–204.*

ризацией экологической конституции, свидетельствует о том, что население активно вовлекается в процессы принятия и развития данной концепции. Так, доктор факультета государственного управления Университета Едитепе Бариш Генчер Байкан подчеркивает, что споры относительно экологической конституции в Турции возникли после проведения референдума 12 сентября 2010 г. В 2011 г. была создана инициативная группа по экологической конституции, в состав которой вошли экологи-активисты, юристы, представители парламента, научного сообщества. Данная группа сформировала и выпустила публичное обращение о том, что необходимо принять новую экологическую конституцию, а также гарантировать неотъемлемые права природы. 3 января 2012 г. инициативная группа представила свои предложения парламентской комиссии. Их суть состояла в признании субъектом прав природы, а не людей, пытающихся доминировать над ней²⁵.

Независимый исследователь школы агрономии Майте Берасалусе, научный сотрудник лаборатории интенсификации и охраны окружающей среды школы агрономии Пабло Диас-Зифер, аспирант Папского католического университета Паулина Родригес-Диас, бывший министр окружающей среды Чили Марсело Мена-Карраско провели значимое исследование социально-экологических конфликтов в Чили и обозначили вопрос: есть ли потенциал у экологической конституции? Они выявили ряд ключевых экологических проблем: загрязнение воздуха вследствие многочисленных выбросов в атмосферу, нерациональное использование воды для работы электромобилей, ввиду чего возник конфликт с коренными народами, проживающими в Чили, и др. В октябре 2019 г. в Чили произошли беспрецедентные социальные волнения. Протестующие требовали завершить десятилетия социально-экономического неравенства и установить новый конституционный порядок, включающий базовый уровень социально-экологической защиты. Ученые считают, что Чили может послужить мировым примером, если разработает новую конституцию, благодаря которой страна будет решать проблемы

окружающей среды и стремиться к экологической справедливости в рамках прогрессивной и современной правовой базы²⁶.

9 февраля 2025 г. в Швейцарии состоялся общенациональный референдум по вопросу значительного сокращения количества используемых товаров и ресурсов в рамках инициативы об экологической ответственности. Требования заключались в том, чтобы в результате экономической деятельности не потреблялось больше ресурсов и не выбрасывалось больше загрязняющих веществ, чем это возможно без ущерба для природных ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения²⁷.

Рассмотрев конституции зарубежных государств на предмет признания их экологическими, важно подчеркнуть, что человек и окружающая среда, будучи важными объектами, должны находиться под защитой государства.

Экологические нормы не закреплены в целом в некоторых конституциях стран СНГ, анализ которых также проведен в рамках настоящего исследования.

Конституционное регулирование концепции экологической конституции в Российской Федерации и других странах СНГ

По конституционному регулированию концепции экологической конституции страны СНГ следует дифференцировать на несколько подгрупп:

- 1) страны, в конституционных нормах которых находят отражение принципы, функции, полномочия органов публичной власти, конституционные экологические права и обязанности;
- 2) страны, в которых акцент делается на закреплении конституционных экологических прав и обязанностей;
- 3) страны, в конституционных нормах которых отсутствует формальное закрепление конституционных экологических прав и обязанностей, но отражены цели или принципы охраны окружающей среды.

К первой подгруппе относятся Россия, Беларусь, Кыргызстан, Узбекистан, Азербайджан, Туркменистан.

²⁵ *Gençer Baykan B.* From people's right to environment to the rights of Nature: Ecological Constitution // URL: https://www.academia.edu/6222082/From_people_s_right_to_environment_to_the_rights_of_Nature_Ecological_Constitution (дата обращения: 13.01.2025).

²⁶ *Berasaluce M., Díaz-Sieffer P., Rodríguez-Díaz P., Mena-Carrasco M.* Op. cit.

²⁷ Референдум в Швейцарии по экологической ответственности (2025) // URL: [https://ru.ruwiki.ru/wiki/Референдум_в_Швейцарии_по_экологической_ответственности_\(2025\)](https://ru.ruwiki.ru/wiki/Референдум_в_Швейцарии_по_экологической_ответственности_(2025)) (дата обращения: 11.02.2025).

Согласно ст. 42 Конституции РФ у каждого есть право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Поправки, внесенные в Конституцию России 14 марта 2020 г., усовершенствовали экологическую функцию государства, обозначив в рамках совместного ведения Федерации и ее субъектов природопользование, сельское хозяйство, охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, особо охраняемые природные территории, охрану памятников истории и культуры (ст. 72) и наделив Правительство РФ полномочиями по осуществлению мер, направленных на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны и создание условий для развития системы экологического образования граждан, воспитания экологической культуры (ст. 114)²⁸.

Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды (ст. 34 Конституции Беларуси), право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением данного права (ст. 46)²⁹.

После референдума, проведенного 11 апреля 2021 г., были внесены изменения в преамбулу Конституции Кыргызстана, согласно

которой теперь народ живет в гармонии с природой³⁰.

Конституция Узбекистана в преамбуле закрепляет принципы приумножения и сбережения для нынешнего и будущих поколений бесценных природных богатств страны и сохранения здоровой окружающей среды. Находят отражение и конституционные экологические права на благоприятную окружающую среду, право на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды (ст. 49)³¹.

Согласно ст. 39 Конституции Азербайджана у каждого гражданина есть права на проживание в здоровой окружающей среде, на сбор информации об экологической ситуации, а также на возмещение вреда, причиненного здоровью и имуществу вследствие нарушения экологических прав³².

На основании ст. 53 Конституции Туркменистана каждый человек имеет право на благоприятную для жизни и здоровья окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и возмещение вреда, причиненного здоровью и имуществу в результате нарушения экологического законодательства или стихийных бедствий³³.

Ко второй группе относятся Казахстан и Таджикистан.

В статье 31 Конституции Казахстана конституционные экологические права находят формальное отражение через цели государства по охране окружающей среды, являющейся благоприятной для жизни и здоровья человека. После референдума 5 июня 2022 г. в Конституцию были внесены изменения. На сегодняшний день земля и ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы

²⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

²⁹ Конституция Республики Беларусь 1994 г. (пересмотренная на референдуме 27 февраля 2022 г.) // URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 11.02.2025).

³⁰ Конституция Кыргызской Республики от 05.05.2021 (принятая референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г.) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34355174&pos=459;-59#pos=459;-59 (дата обращения: 11.02.2025).

³¹ Конституция Республики Узбекистан (принята 8 декабря 1992 г. на 11-й сессии Верховного совета Республики Узбекистан 12-го созыва (с учетом изменений, внесенных Законом Республики Узбекистан от 16.04.2014) // URL: <https://constitution.uz/ru> (дата обращения: 11.02.2025).

³² Конституция Азербайджанской Республики (принята 12 ноября 1995 г., ред. от 26.09.2016) // URL: <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution> (дата обращения: 11.02.2025).

³³ Конституция Туркменистана (принята 18 мая 1992 г., ред. от 21.01.2023) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31337929&pos=6;-108#pos=6;-108 (дата обращения: 12.03.2025).

принадлежат народу (п. 3 ст. 6 Конституции Казахстана)³⁴.

В отличие от других стран СНГ в Конституции Таджикистана отсутствуют конституционные экологические права граждан, но при этом закреплены конституционные экологические обязанности (ст. 44)³⁵.

К третьей группе относится Армения, исходя из смысла конституционных положений которой государство содействует сохранению, улучшению и возрождению окружающей среды, разумному использованию природных ресурсов, руководствуясь принципом устойчивого развития и принимая во внимание ответственность перед будущими поколениями (ст. 12 Конституции Армении). Однако напрямую в конституционных нормах конституционные экологические права и обязанности не закреплены³⁶.

Заключение

Из анализа современных конституций очевидна тенденция их расширения, в связи с чем предлагаем после принятия новой Конституции в России конституционные экологические

права и обязанности закрепить в отдельной главе. Целесообразно также воплотить данную концепцию в конституциях стран, входящих в состав СНГ. Стоит учитывать тот факт, что на сегодняшний день не во всех конституциях стран СНГ формально закреплены конституционные экологические права и обязанности. В связи с этим предлагаем закрепить их в конституциях Армении, Казахстана и Таджикистана.

Резюмируя, отметим, что на сегодняшний день концепция экологической конституции, прошедшая определенный путь становления на международном уровне и в современных государствах, начинает постепенно развиваться. Наличие актуальных проблем, отсутствие детального комплексного теоретического исследования не позволяют в полной мере говорить об эффективной реализации обозначенной в рамках проводимого анализа концепции. Меры, принимаемые органами публичной власти, направленные на защиту, охрану и обеспечение конституционных экологических прав и обязанностей, будут способствовать развитию концепции экологической конституции как основы их институционализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова Е. В., Селиванова К. А. Экологическая Конституция: постановка проблемы // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 1. С. 29–34.

Бондарь Н. С. Экологический конституционализм — новая категория современной юриспруденции: вводные концептуальные, практико-прикладные замечания // Спутник высшей школы. 2022. № 5 (10). С. 4–21.

Бринчук М. М. 15 лет Конституции РФ в эколого-правовом контексте // Государство и право. 2008. № 12. С. 91–103.

Умнова И. А. Экологическая конституция в механизме правового обеспечения качества жизни // Охрана окружающей среды и качество жизни : Правовые аспекты : сборник науч. трудов. Серия «Правоведение» / отв. ред. Е. В. Алферова, О. Л. Дубовик. М., 2011. С. 7–27.

Умнова-Конюхова И. А., Вакула М. А. Экологическое право в XXI веке: актуальные проблемы, вызовы и решения : монография. М. : РУДН, 2021. 260 с.

Шемшученко Ю. С. Экологическая конституция Земли: концептуальные подходы // Государство и право. 2008. № 6. С. 23–26.

Amalia Diamantina, Devi Yulida. Reinforcement of Green Constitution: Efforts for Manifesting Ecocracy in Indonesia // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2023. URL: <https://www.>

³⁴ Конституция Республики Казахстан (принята на всенародном референдуме 30 августа 1995 г., с поправками от 05.06.2022) // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: akorda.kz (дата обращения: 11.02.2025).

³⁵ Конституция Республики Таджикистан 1994 г. (с изм. и доп. от 26.09.1999, 22.06.2003 и 22.05.2016) // URL: <https://ncz.tj/content/конституция-республики-таджикистан> (дата обращения: 11.02.2025).

³⁶ Конституция Республики Армения (принята 6 декабря 2015 г.) // URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015> (дата обращения: 11.02.2025).

researchgate.net/publication/376634956_Reinforcement_of_Green_Constitution_Efforts_for_Manifesting_Ecocracy_in_Indonesia?_sg=SsnVsOrJDuoW1ED_kGnbsVF9yXqC806ZkhDd6pZarQQvco3jUzWTkKJjNTwUkK-RqivsRdvj6OrGiGM&_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6Il9kaXJlY3QifX0 (дата обращения: 15.01.2025).

Berasaluce M., Díaz-Sieffer P., Rodríguez-Díaz P., Mena-Carrasco M. Social-Environmental Conflicts in Chile: Is There Any Potential for an Ecological Constitution? // *Sustainability*. 2021. Vol. 13 (22).

Collins L. *The Ecological Constitution: Reframing Environmental Law*. Routledge, 2021. 140 p.

Dasim Budimansyah, Dwi Iman Muthaqin, et al. Green Constitution: Developing Environmental Law Awareness // 2nd International Conference on Social Sciences Education (ICSSE 2020). 2021. P. 200–204.

Gençer Baykan B. From people's right to environment to the rights of Nature: Ecological Constitution // URL: https://www.academia.edu/6222082/From_people_s_right_to_environment_to_the_rights_of_Nature_Ecological_Constitution.

Kotzé L. J. A Global Environmental Constitution for the Anthropocene? // *Transnational Environmental Law*. 2019. Vol. 8 (1). P. 11–33.

Nur Amalia A., Rahayu R. Environmental Management and Protection Based on the Green Constitution Concept // *Jurnal IUS Kajian Hukum dan Keadilan*. 2021. Vol. 9. Issue 3. 2021. P. 535–544. URL: https://www.academia.edu/104363038/Environmental_Management_and_Protection_Based_on_The_Green_Constitution_Concept.

Rivas-Ramírez D., Fuentes-Contreras E. H. Una aproximación a la relación entre medio ambiente y derechos humanos. Casos de Brasil y Colombia // *Iberoamérica*. 2022. Núm. 1. P. 111–133.

Southwood J. So What? A critical analysis of the «greening» of Ecuador's Constitution // URL: https://www.academia.edu/35142810/So_what_Ecuadors_Ecological_Constitution.

REFERENCES

Aleksandrova EV, Selivanova KA. Ecological Constitution: Posing a Problem. *Bulletin of the Russian law Academy*. 2022;1:29-34. (In Russ.).

Nur Amalia A, Rahayu R. Environmental Management and Protection Based on the Green Constitution Concept. *Jurnal IUS Kajian Hukum dan Keadilan*. 2021;9(3):535-544. Available at: https://www.academia.edu/104363038/Environmental_Management_and_Protection_Based_on_The_Green_Constitution_Concept. (In Russ.).

Berasalutze M, Diaz-Zifer P, Rodriguez-Diaz P, Mena-Carrasco M. Socio-environmental conflicts in Chile: is there potential for an environmental constitution? *Sustainable Development*. 2021;13(22):12701.

Bondar NS. Ecological Constitutionalism as a New Category of Modern Jurisprudence: Introductory Conceptual and Practical Applied Remarks. *The Sputnik Vyshey Shkoly (Higher School Companion) Journal*. 2022;5(10):4-21. (In Russ.).

Brinchuk MM. 15 years of the Constitution of the Russian Federation in the ecological and legal context. *State and Law*. 2008;12:91-103. (In Russ.).

Budimansyah D, Iman Mutakin Dwi, et al. Green Constitution: Development of Environmental Legislation. Achievements in the Field of Social Sciences, Education and Humanitarian Research. *Proceedings of the 2nd International Conference on Education in the Field of Social Sciences*. 2020;525:200-204. (In Russ.).

Collins L. *Environmental constitution. Rethinking environmental law*. London; 2021.

Diamantina A, Yulida D. Reinforcement of Green Constitution: Efforts for Manifesting Ecocracy in Indonesia. *IOP: Earth and Environmental Sciences Conference Series*. 2023. Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/1270/1/012005> [Accessed 11.05.2026].

Gençer Baykan B. From the right of people to the environment to the rights of nature: Ecological constitution. Available at: https://www.academia.edu/6222082/From_people_s_right_to_environment_to_the_rights_of_Nature_Ecological_Constitution.

Kotzé L. A Global Environmental Constitution for the Anthropocene? *Transnational Environmental Law*. 2019;8(1):11-33. DOI:10.1017/S2047102518000274.

Rivas-Ramirez D, Hernán Fuentes-Contreras E. Approach to the relationship between environment and human rights. On the example of Brazil and Colombia. *Iberoamérica*. 2022;1:111-133. (In Russ.).

Shemshuchenko YuS. Ecological Constitution of the Earth: Conceptual Approaches. *State and Law*. 2008;6: 23-26.

Southwood J. So what? Ecuador's Ecological Constitution. Available at: https://www.academia.edu/35142810/So_what_Ecuadors_Ecological_Constitution [Accessed 10.01.2025].

Umnova IA. Ecological constitution in the mechanism of legal support of the quality of life. In: Alferova EV, Dubovik OL (eds.). Environmental Protection and Quality of Life: Legal Aspects. *Collection of Academic Works. Series «Jurisprudence»*. Moscow; 2011. (In Russ.).

Umnova-Konyukhova IA, Vakula MA. Environmental law in the 21st century: current problems, challenges and solutions. Moscow: RUDN University Publ.; 2021. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юн Лариса Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

д. 7А, Азинская ул., г. Казань 420088, Российская Федерация
yun.lara@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa V. Yun, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Kazan Branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Kazan, Russian Federation
yun.lara@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 18 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 13 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2026 г.

Received 18.03.2025.

Revised 13.04.2025.

Accepted 15.04.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.069-079

М. И. Акатнова

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Организационно-правовые формы социального обеспечения

Резюме. В основе построения всей системы социального обеспечения лежат организационно-правовые формы (способы) его осуществления. Определяющие черты каждой из этих форм выявляются посредством анализа признаков, раскрывающих их особенности. Наиболее существенные особенности, позволяющие отнести конкретный вид социального обеспечения к конкретному способу его организации, устанавливаются через источники финансирования и основания предоставления, причем исключительно в совокупности. На федеральном уровне социальное обеспечение реализуется посредством трех основных форм: государственного социального обеспечения, государственной социальной помощи и обязательного социального страхования. На получение мер социальной поддержки в рамках государственной социальной помощи может претендовать каждый член общества с учетом критериев нуждаемости, определенных государством (низкий доход, расходы на воспитание детей, состояние здоровья, безработица и т.д.). Государственное социальное обеспечение направлено на поддержание достойного уровня жизни некоторых категорий лиц, заработавших или заслуживших такое право (военнослужащие, космонавты, герои СССР и России и др.), а также на возмещение вреда от неблагоприятных последствий радиационных и техногенных катастроф. Третья форма позволяет осуществить социальное обеспечение застрахованных лиц за счет средств обязательного социального страхования.

Ключевые слова: организационные формы социального обеспечения; источники финансирования социального обеспечения; обязательное социальное страхование; социальная помощь; пенсии; пособия; медицинская помощь; социальное обслуживание

Для цитирования: Акатнова М. И. Организационно-правовые формы социального обеспечения. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 69–79. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.069-079

Organizational and Legal Forms of Social Security

Maria I. Akatnova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The foundation of the entire social security system lies in its organizational and legal forms (methods) of implementation. The defining characteristics of each form are identified through analysis of the features that demonstrate their specific nature. The most significant features that make it possible to classify a particular type of social security under a specific organizational method are determined according to the sources of funding and the grounds for provision, considered exclusively in combination. At the federal level, social security is implemented through three primary forms: state social security, state social assistance, and mandatory social insurance. Any member of society may qualify for support measures within the framework of state social security, provided they meet the need-based criteria established by the government (low income, child-rearing expenses, health status, unemployment, etc.). State social security is aimed at maintaining a decent standard of living for certain categories of individuals who have earned or merited this right (military personnel, cosmonauts, Heroes of the USSR and Russia, among others), as well as providing compensation for harm caused by adverse consequences

© Акатнова М. И., 2026

of radiation and technological disasters. The third form makes it possible to provide social security coverage to insured persons at the expense of mandatory social insurance funds.

Keywords: organizational forms of social security; sources of funding for social security; compulsory social insurance; social assistance; pensions; benefits; medical care; social service

Cite as: Akatnova Ml. Organizational and Legal Forms of Social Security. *Lex russica*. 2026;79(5):69-79. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.069-079

Введение

Категория «формы социального обеспечения» как правовые способы организации его предоставления была введена в научный оборот еще в советский период основоположником отрасли права социального обеспечения В. С. Андреевым¹; вместе с тем учеными предлагались различные виды этих форм², менявшиеся с учетом экономических, политических и социальных преобразований в стране. Виды организационных форм социального обеспечения различались в зависимости от ряда особенностей, относимых к кругу субъектов, подлежащих обеспечению, способам финансирования, видам обеспечения, а также органам, его предоставляющим³. Органы, предоставляющие социальное обеспечение, на наш взгляд, перестали в настоящее время являться наглядным критерием отнесения того или иного вида социального обеспечения к определенной форме, поскольку после объединения Пенсионного фонда России (ПФР) и Фонда социального страхования (ФСС) в единый орган все централизованные выплаты как за счет средств бюджета, так и в порядке обязательного социального страхования осуществляются Социальным фондом России (СФР). В настоящее время на способы организации системы социального обеспечения в России оказывает влияние и форма государственного устройства, так как в условиях федерализации и на основе действующего законодательства следует признать, что немалая часть социальной поддержки граждан возложена на субъекты РФ; в меньшей степени, но тем не менее присутствует муниципальный уровень социального обеспечения. Однако по-прежнему существенной объем мер социальной поддержки

предоставляется в рамках централизованных форм социального обеспечения.

Статья 39 Конституции РФ закрепляет право каждого на социальное обеспечение в случаях, установленных законами⁴. Из данного положения следует, что при наступлении какого-либо социального риска, предусмотренного законодательством, любому человеку гарантируется получение соответствующей меры социальной поддержки в рамках системы социального обеспечения. Единственным источником финансирования, который государство безусловно может использовать для реализации указанной гарантии, является федеральный бюджет. Однако в качестве дополнительного источника финансирования социального обеспечения работающего населения создана система обязательного социального страхования, которая, во-первых, покрывает риски, неактуальные для всех граждан, например возмещение ущерба от несчастных случаев и профессиональных заболеваний, так как очевидно, что с незанятым лицом не может произойти подобное событие. Во-вторых, обеспечение в рамках обязательного социального страхования в ряде случаев предусматривает более высокий уровень тех же выплат, что и в бюджетной системе финансирования, который не устанавливается в фиксированной сумме, а эквивалентен заработной плате, с которой уплачивались страховые взносы. Здесь очевидным примером может служить сопоставление размеров страховых и социальных пенсий.

Основная часть

Ориентируясь на вышеприведенные особенности элементов каждой из форм социального

¹ Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР : учебник. М. : Юрид. лит., 1980. С. 10.

² Шайхатдинов В. Ш. Теория социального обеспечения. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982. С. 106–107.

³ Андреев В. С. Указ. соч. С. 11.

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

обеспечения, можно выделить три формы, установленные на федеральном уровне, которые реализуются государственными органами за счет средств федерального бюджета и обязательных страховых взносов и охватывают максимально широкие категории лиц: государственное социальное обеспечение, государственную социальную помощь и обязательное социальное страхование.

В рамках *государственного социального обеспечения*, на наш взгляд, можно выделить три категории лиц, имеющих право на получение мер социальной поддержки за счет средств федерального бюджета: лица, осуществляющие трудовую или служебную деятельность, стаж работы на которой предусматривает право на получение государственной пенсии⁵; лица, обладающие правом на получение социального обеспечения за особые заслуги, выдающиеся достижения перед страной⁶ или в качестве возмещения вреда от неблагоприятных последствий радиационных и техногенных катастроф⁷. Для всех указанных случаев предусмотрен строго установленный круг субъектов, имеющих право на определенные меры социальной поддержки. Например, военнослужащие и федеральные государственные гражданские служащие при наличии установленной законом продолжительности трудового стажа имеют право на получение государственной пенсии за выслугу лет, но у первой категории она будет основным видом пенсионного обеспечения, а у второй — дополнительным к страховой пенсии и скорее относится к смешанной форме социального обеспечения. Кроме того, в каждом случае предусмотрен собственный юридический состав для возникновения права на пенсию. Лица, пострадавшие от радиационных и техногенных катастроф, также имеют право на

государственную пенсию, но уже по старости на иных условиях и исчисляемую в ином порядке. Для лиц, имеющих особые заслуги перед страной, предусмотрено единообразное дополнительное материальное обеспечение, однако назначаемое в разном размере в зависимости от величины заслуг. Законом «О ветеранах» определены несколько категорий ветеранов, для каждой из которых предусмотрены отдельные меры социальной поддержки, а в отношении ветеранов труда и работников тыла в период ВОВ дается отсылка к региональному законодательству, так как субъекты РФ устанавливают данные меры самостоятельно и финансируют за счет средств своих бюджетов. В этой связи возникают сомнения, можно ли социальное обеспечение названных категорий отнести к форме государственного социального обеспечения.

Во всех указанных случаях имеют место единый источник финансирования (средства федерального бюджета) и сходные основания назначения социального обеспечения (заработанный или заслуженный характер). Круг лиц, имеющих право на получение мер социальной поддержки в рамках рассматриваемой формы, и виды обеспечения различны, присутствуют и в иных формах, соответственно, учет данных критериев при определении организационно-правовой формы социального обеспечения приведет к дезориентации и необоснованному расширению их классификации.

Источником финансирования такой формы социального обеспечения, как *государственная социальная помощь*, тоже являются средства федерального бюджета, однако основание предоставления мер социальной поддержки здесь иное — нуждаемость лица или семьи в материальной помощи без учета какого-либо

⁵ Закон РФ от 12.02.1993 № 4468-1 (ред. от 13.07.2024, с изм. от 26.10.2024) «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 9. Ст. 328 ; Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4831.

⁶ Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «О ветеранах» // СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 168 ; Федеральный закон от 04.03.2002 № 21-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан Российской Федерации за выдающиеся достижения и особые заслуги перед Российской Федерацией» // СЗ РФ. 2002. № 10. Ст. 964.

⁷ См., например: Закон РФ от 15.05.1991 № 1244-1 (ред. от 25.12.2023) «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 699.

трудового вклада или заслуг перед обществом. Вместе с тем основания для признания нуждаемости могут быть разными (например, малообеспеченность семьи ввиду низкого дохода или увеличение расходов в связи с воспитанием ребенка). Как правило, определенный перечень получателей в этих случаях не устанавливается или является открытым, а право на получение выплаты подтверждается наличием предусмотренного законом основания для его назначения.

Рассматривая государственную социальную помощь как одну из форм социального обеспечения, следует основываться на ее широком понимании и не отождествлять с одним из видов социального обеспечения, регулируемого одноименным Законом⁸. Как отмечала Е. Е. Мачульская, в конце 1990-х гг. данная форма находилась в стадии формирования и охватывала только малоимущих граждан⁹. Однако постепенное развитие законодательства о социальном обеспечении привело к тому, что сложившаяся система социального обеспечения в нашей стране предусматривает его предоставление в форме государственной социальной помощи не только малоимущим (бедным) гражданам, но и иным категориям лиц с целью выравнивания их материального положения, выступая в качестве одной из форм социальной защиты населения.

Бесспорным видом социального обеспечения, реализуемого в форме государственной социальной помощи, является социальная доплата к пенсии до федерального прожиточного минимума пенсионера (ПМП), которая назначается получателям любой пенсии, если их среднедушевой доход с учетом иных денежных выплат и социальной поддержки в натуральной форме не позволяет выйти из числа малоимущих лиц. Что касается той же доплаты, но до регионального ПМП (в случае его превышения над федеральным), которую должны осуществлять субъекты РФ за счет собственных средств, то мы полагаем, что ее следует относить не к централизованной форме социального обес-

печения, а к смешанной. С одной стороны, круг лиц, которым такая доплата должна назначаться, устанавливается федеральным законодательством; с другой стороны, она должна производиться за счет средств бюджета субъекта РФ. Вместе с тем большинство регионов, обязанных осуществлять указанную доплату, не имеют достаточных средств для реализации возложенных на них полномочий и получают на эти цели субсидии из федерального бюджета¹⁰, поскольку установленная федеральным законодательством гарантия должна быть обеспечена независимо от финансовых возможностей региональных бюджетов. Так, в 2025 г. из 30 субъектов РФ, в которых ПМП превышает федеральный показатель, 27 получают субсидии на осуществление социальных доплат к пенсии.

Одним из видов социального обеспечения, предоставляемого в форме государственной социальной помощи, на наш взгляд, является социальная пенсия. Из данного в соответствующем Законе понятия пенсии по государственному пенсионному обеспечению можно выделить определение социальной пенсии как выплаты «нетрудоспособным гражданам в целях предоставления им средств к существованию»¹¹. Являясь наиболее наглядным примером реализации принципа всеобщности социального обеспечения, данный вид пенсии назначается с целью гарантировать приемлемый уровень жизни тем членам нашего общества, которые не заработали право на какую-либо иную пенсию. Не оценивается имущественная обеспеченность потенциального получателя и реальный уровень его дохода, не имеет значения причина отсутствия стажа — важен только сам факт признания нетрудоспособности в силу возраста или состояния здоровья. Именно данный факт презюмирует необходимость предоставления обществом материальной поддержки соответствующим лицам. Право на получение социальной пенсии по старости также связано с невыполнением оплачиваемой работы, предусматривающей уплату страховых пенсионных взносов, однако получение каких-либо

⁸ Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О государственной социальной помощи» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.

⁹ Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Книжный мир, 1998. С. 11–12.

¹⁰ Федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» (таблица 52) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 01.12.2024.

¹¹ Ст. 2 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации».

иных доходов не принимается во внимание, поэтому в контексте социальной пенсии нельзя однозначно утверждать о том, что к кругу получателей относятся малоимущие граждане. Вполне закономерно, что за счет бюджетных расходов осуществляются безвозмездные выплаты только членам нашего общества, постоянно проживающим на территории страны, в том числе иностранным гражданам и лицам без гражданства (с установленным периодом проживания в отношении социальной пенсии по старости), что характерно для большинства видов социального обеспечения в форме государственной социальной помощи, в отличие от тех видов, получение которых обусловлено трудовым вкладом.

Достаточно нетрадиционный подход, построенный не на страховых принципах, предусмотрен в отношении пособия по безработице. В большинстве стран, где существует такой вид социального обеспечения, пособие по безработице является страховым, и его размер зависит от величины заработной платы, с которой уплачивались страховые взносы¹². Однако в нашей стране потеря работы не включена в перечень страховых случаев, соответственно, уплата страховых взносов не предусмотрена, пособие выплачивается за счет средств федерального бюджета. Казалось бы, определение размера пособия в процентах от предшествующей увольнению заработной платы¹³ указывает на «заработанный» характер пособия, но, по нашему мнению, данное обстоятельство нивелируется максимальным его размером, установленным в твердой и достаточно невысокой сумме, не привязанной к реально получаемой заработной плате, что характерно для социального обеспечения в форме государственной социальной помощи. Кроме того, на получение пособия по безработице могут рассчитывать и те категории безработных, которые вообще никогда ранее не получали заработную плату

(впервые ищущие работу) или ищут работу после длительного перерыва в трудовой деятельности. Таким лицам пособие по безработице выплачивается в минимальном размере и, очевидно, является мерой социальной помощи, направленной на поддержание некоторого уровня жизни, однако с учетом его величины нельзя сказать, что хотя бы приемлемого¹⁴.

Третьей централизованной организационно-правовой формой социального обеспечения является *обязательное социальное страхование*, основанное на принципе солидарности и обеспечивающее выплаты при наступлении страховых рисков. Как отмечалось выше, данная форма является дополнительной, поскольку застрахованные лица не исключаются из числа потенциальных получателей как государственного социального обеспечения, так и государственной социальной помощи, но могут рассчитывать на получение специальных мер социальной поддержки за счет средств обязательного социального страхования. Очевидным видом такой меры поддержки являются страховые пенсии, правом на получение которых обладают исключительно лица, застрахованные в системе обязательного пенсионного страхования, а также установленные законом члены их семей¹⁵. В тех случаях, когда условия для получения страховой и социальной пенсии одинаковы, за исключением условия об отнесении получателя к числу застрахованных (пенсия по инвалидности, пенсия по случаю потери кормильца для детей до 18 лет), при ее назначении пенсионный орган — СФР — должен установить пенсию с более высоким размером. Соответственно, страховая пенсия — это возможность сформировать специальное пенсионное право в большем объеме, чем это предусмотрено для социальной пенсии, но в случае, если такое право не сложилось, за каждым гражданином сохраняется гарантированное государством право на пенсионное обеспечение в форме

¹² Роиц В. Д. Социальное страхование в меняющемся мире: каким будет выбор России? СПб. : Питер, 2014. С. 322.

¹³ Для граждан, уволенных по любым основаниям в течение 12 месяцев, предшествовавших началу безработицы, состоявших в этот период в трудовых (служебных) отношениях не менее 26 недель (ст. 45 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138).

¹⁴ Минимальный размер пособия по безработице с 1 февраля 2025 г. составляет 1 764 руб. (постановление Правительства РФ от 23.01.2025 № 33 «Об утверждении коэффициента индексации выплат, пособий и компенсаций в 2025 году» // СЗ РФ. 2025. № 5. Ст. 331).

¹⁵ Ст. 4 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О страховых пенсиях» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6965.

государственной социальной помощи. Следует отметить, что круг застрахованных лиц постоянно расширяется с целью максимального охвата занятого населения системой обязательного пенсионного страхования и предоставления как можно большему количеству лиц возможности сформировать дополнительные права за счет страховой системы¹⁶.

Традиционными видами социального обеспечения, включаемыми в систему обязательного социального страхования, являются пособие по временной нетрудоспособности и возмещение ущерба от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Очевидно, что и временная неспособность выполнять работу, и несчастный случай на производстве могут случиться только с теми, кто осуществляет трудовую деятельность; соответственно, установление социального обеспечения всего населения применительно к подобным случаям неактуально. Между тем круг застрахованных лиц для этих двух видов страхования различен: намного более обширный на случай временной нетрудоспособности¹⁷ и самый узкий из всех видов страхования для несчастных случаев на производстве и профзаболеваний¹⁸. Данные виды обязательного социального страхования являются классическими, имеют давнюю историю правового регулирования, хорошо проработаны с правовой точки зрения. Размеры выплат сопоставимы с получаемой застрахованным лицом заработной платой, с которой уплачиваются страховые взносы, и позволяют говорить об обеспечении вполне достойного уровня жизни.

Вышеприведенные централизованные формы организации социального обеспечения имеют достаточно четкие различия по источнику их финансирования и основаниям предоставле-

ния, позволяющие провести их классификацию. Однако активно расширяющаяся в последние годы система социальной поддержки граждан дополняется положениями, которые позволяют выделить *смешанную организационно-правовую форму* социального обеспечения, подразумевающую одновременное вовлечение бюджетных средств и средств обязательного социального страхования.

Выделяя такую форму социального обеспечения, М. Л. Захаров и Э. Г. Тучкова полагают, что ей охвачены специальные субъекты, которые с учетом особенностей их деятельности имеют право на получение некоторых видов обеспечения как за счет средств бюджета, так и за счет средств обязательного социального страхования (судьи, государственные служащие, депутаты и др.)¹⁹. На наш взгляд, подобный подход не совсем однозначен, так как не все специальные субъекты действительно включены в систему обязательного социального страхования. Имея в виду госслужащих и депутатов, можно с некоторой долей допущения отнести их пенсионное обеспечение к смешанной форме, поскольку в период выполнения ими своих обязанностей за них уплачиваются страховые взносы, но одновременно с правом в страховой системе в течение того же периода они формируют право на государственное социальное обеспечение в виде пенсии за выслугу лет для госслужащих и доплаты к пенсии для депутатов, выплачиваемых за счет средств федерального бюджета. Таким образом, госслужащие имеют возможность получать одновременно два вида пенсии, а депутаты — доплату к страховой пенсии, которая хотя и является самостоятельным видом социального обеспечения, но в рамках пенсионного правоотношения²⁰.

¹⁶ Ст. 7 Федерального закона от 15.12.2001 № 167-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 51. Ст. 4832.

¹⁷ Ст. 2 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 18.

¹⁸ Ст. 5 Федерального закона от 24.07.1998 № 125-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.

¹⁹ Право социального обеспечения России : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М. Л. Захаров, Э. Г. Тучкова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 69.

²⁰ Астраханцева Е. В. Понятие и правовая природа доплаты к пенсии членам летных экипажей воздушных судов гражданской авиации // Системный характер трудового права и права социального обеспечения как отрасли и законодательства (Первые Гусовские чтения) : материалы Международной научно-практической конференции. М. : Проспект, 2016. С. 481.

Включение судей в страховую систему осуществляется в принудительном порядке в том смысле, что за них не предусмотрена уплата страховых взносов в системе обязательного пенсионного страхования, однако наряду с ежемесячным пожизненным содержанием за счет средств бюджета судьи в отставке, а также в случае его смерти денежным возмещением членам его семьи предусмотрено право на получение страховых пенсий на основании внесенного в ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О страховых пенсиях» пункта 11, которым срок осуществления судьей своих полномочий относится к иным (нестраховым) периодам, засчитываемым в страховой стаж²¹. При этом, руководствуясь положениями постановлений Конституционного Суда РФ²², законодатель дополнил права судей и членов их семей в части получения государственных выплат в случае наступления инвалидности или смерти судьи, но не исключил возможность получения страховых пенсий. В некоторых случаях судья в отставке может выбрать, какую из выплат получать (например, ежемесячное пожизненное содержание или страховую пенсию по старости), а в других случаях предусмотрено право на получение двух выплат одновременно — для нетрудоспособных членов семьи судьи при условии его смерти в связи с исполнением служебных обязанностей. Следует также учитывать, что средства на выплату страховых пенсий судьям и членам их семей направляются СФР с целью возмещения расходов в виде трансфертов из федерального бюджета²³, что позволяет отнести данных субъектов к «псевдозастрахованным» лицам, так как страховые взносы с учетом размера ежемесячного денежного вознаграждения за них не уплачиваются, а пенсионное право в виде индивидуального пенсионного коэффици-

ента составляет фиксированную величину, как за иные периоды, не обусловленные трудовой деятельностью (уход за ребенком, необоснованное содержание под стражей и пр.).

Предоставление медицинской помощи и лечения традиционно относят к страховой форме социального обеспечения, руководствуясь всеобщим охватом системой обязательного медицинского страхования, включающей в число застрахованных лиц как экономически активное население, так и неработающих граждан, в том числе детей, пенсионеров, безработных и т.д.²⁴ Однако если следовать логике определения формы социального обеспечения на основе способов финансирования, то анализ действующего законодательства позволяет определить значительную долю бюджетных (федеральных и региональных) средств, направляемых на оказание медицинской и лекарственной помощи. За работающих граждан страховые взносы уплачивают работодатели, лица, сами себя обеспечивающие работой (индивидуальные предприниматели, адвокаты, нотариусы и т.п.), платят взносы самостоятельно, а страхование неработающих лиц осуществляется уполномоченными исполнительными органами субъектов РФ за счет средств бюджетов этих субъектов, для чего ежегодно устанавливается фиксированный тариф страхового взноса для данной категории населения²⁵. Военнослужащие (но не члены их семей) вообще исключены из системы обязательного медицинского страхования и получают медицинскую помощь в военно-медицинских организациях, а при их отсутствии по месту жительства или службы в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, но расходы на лечение компенсируются за счет средств федерального бюджета²⁶.

²¹ Федеральный закон от 06.03.2019 № 25-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 10. Ст. 895.

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2012 № 27-П // СЗ РФ. 2012. № 48. Ст. 6745; постановление Конституционного Суда РФ от 19.02.2018 № 9-П // СЗ РФ. 2018. № 9. Ст. 1436.

²³ Ст. 17 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»; ст. 3 Федерального закона от 04.06.2011 № 126-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан» // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3266.

²⁴ Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 49. Ст. 6422.

²⁵ Федеральный закон от 30.11.2011 № 354-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О размере и порядке расчета тарифа страхового взноса на обязательное медицинское страхование неработающего населения» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7032.

²⁶ Ст. 16 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 12.02.2025) «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

Финансирование оказания медицинской помощи осуществляется за счет средств бюджетов всех уровней и средств обязательного медицинского страхования, что прямо закреплено в разд. V Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи²⁷. В соответствии с указанным документом широкий перечень случаев медицинского вмешательства субсидируется бюджетным финансированием. В него включается медицинская помощь, оказываемая в федеральных медицинских организациях как определенным категориям граждан, так и в иных случаях, не включенных в базовую программу обязательного медицинского страхования. К ним относятся, например, расширенный неонатальный скрининг, закупка лекарственных препаратов для лечения определенных заболеваний согласно установленному перечню²⁸, мероприятия, предусмотренные национальным календарем профилактической вакцинации, вопросы, связанные с донорством органов и тканей человека в целях трансплантации, санаторно-курортное лечение отдельных категорий граждан и др. Таким образом, все признаки, позволяющие определить форму социального обеспечения в отношении оказания медицинской помощи и лечения, лекарственного обеспечения, санаторно-курортного лечения, позволяют сделать вывод о смешанной форме применительно к данному виду социального обеспечения.

Очевидным, на наш взгляд, является отношение к смешанной форме социального обеспечения ряда пособий: при рождении ребенка, по беременности и родам, по уходу за ребенком до полутора лет, на погребение²⁹. Например, на получение пособия по беременности и родам могут претендовать как застрахованные женщины, так и студентки очной формы обуче-

ния и женщины-военнослужащие, которые не подлежат социальному страхованию: первые получают пособие за счет страховых средств, вторые — за счет средств федерального бюджета. Круг лиц, имеющих право на получение каждого из указанных пособий, различен, однако к ним относятся как застрахованные лица, так и лица, не охваченные системой обязательного социального страхования, соответственно, финансирование данных выплат осуществляется из двух централизованных источников.

Помимо совместного финансирования за счет средств федерального бюджета и обязательного социального страхования, можно также рассуждать о смешанной форме, когда речь идет о направлении на предоставление одного и того же вида обеспечения средств федерального и регионального бюджетов. Конституция РФ относит социальное обеспечение к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов³⁰, что является в последние десятилетия основанием для активного наделения регионов полномочиями в данной сфере с осуществлением софинансирования за счет федерального бюджета.

Выше была приведена социальная доплата к пенсии до регионального ПМП, осуществляемая субъектами РФ с выделением федеральных средств. Наглядным примером предоставления социального обеспечения в форме государственной социальной помощи со смешанной формой финансирования является также введенное с 2023 г. пособие в связи с рождением и воспитанием ребенка³¹. Право на его получение обусловлено размером среднедушевого дохода, не превышающего прожиточного минимума по месту жительства, и оценкой имущественной обеспеченности семьи, т.е. в натуральном виде является инструментом борьбы с бедностью. Вместе с тем субъект РФ может

²⁷ Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1940 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // СЗ РФ. 2024. № 53 (ч. II). Ст. 8753.

²⁸ Приложение № 3 к распоряжению Правительства РФ от 12.10.2019 № 2406-р (ред. от 15.01.2025) «Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, а также перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи» // СЗ РФ. 2019. № 42 (ч. III). Ст. 5979.

²⁹ Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1929.

³⁰ Ст. 72 Конституции РФ.

³¹ Федеральный закон от 21.11.2022 № 455-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”» // СЗ РФ. 2022. № 48. Ст. 8322.

передать полномочия по выплате пособия СФР (и на этот случай предусмотрены трансферты из государственного бюджета) или осуществлять их самостоятельно и за счет собственных средств.

Возможно в рассматриваемом контексте указать на систему социального обслуживания, основывающуюся на механизмах совместного централизованного и регионального регулирования и предусматривающую финансирование за счет средств всех уровней бюджетной системы³². Оказание социальных услуг в организациях социального обслуживания, подведомственных федеральным органам власти, осуществляется за счет средств федерального бюджета, а региональным — за счет бюджета субъекта РФ. Кроме того, в рамках государственных программ реализуется финансирование различных видов социального обслуживания (например, при создании системы долговременного ухода за инвалидами и пожилыми гражданами³³).

Выделяя *региональную форму социального обеспечения*, т.е. реализуемую исключительно на уровне субъекта РФ и за счет его собственных средств, в качестве примера можно при-

вести региональный материнский (семейный) капитал или аналогичные ему выплаты, а также иные меры социальной поддержки семей с детьми, установленные во многих регионах³⁴. В отдельных субъектах РФ предусмотрены социальные доплаты к пенсии до уровня, превышающего региональный ПМП, как это предусмотрено федеральным законодательством. Например, в г. Москве установлена доплата до социального стандарта³⁵, в Санкт-Петербурге — в размере разницы между величиной ПМП и общей суммой материального обеспечения пенсионера³⁶.

Можно обозначить также *муниципальную форму социального обеспечения*. Муниципальными органами власти за счет средств местных бюджетов предусмотрены многочисленные меры поддержки многодетных семей, инвалидов, ветеранов ВОВ и боевых действий, малоимущих граждан и др.³⁷ Социальная помощь муниципальных образований не обладает систематизированным характером, зависит от финансовых возможностей местного бюджета, но тем не менее имеет широкий охват по кругу обеспечиваемых лиц и адресную направленность.

³² Статья 30 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007.

³³ Приказ Минтруда России от 27.12.2024 № 732 «О реализации в Российской Федерации в 2025 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе».

³⁴ См., например: Закон Красноярского края от 09.06.2011 № 12-5937 (ред. от 19.12.2024) «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, в Красноярском крае» // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. № 31 (472). 20.06.2011 ; Областной закон Ростовской области от 18.11.2011 № 727-ЗС (ред. от 24.12.2024) «О региональном материнском капитале» // Наше время. № 519–521. 24.11.2011 ; Закон Саратовской области от 28.12.2011 № 212-ЗСО (ред. от 07.11.2024) «О региональном материнском (семейном) капитале в Саратовской области» // Собрание законодательства Саратовской области. 2011. № 36.

³⁵ Постановление Правительства Москвы от 17.11.2009 № 1268-ПП (ред. от 20.09.2023) «О региональной социальной доплате к пенсии» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. № 67. Т. 1. 01.12.2009.

³⁶ Закон Санкт-Петербурга от 22.11.2011 № 728-132 (ред. от 12.02.2025) «Социальный кодекс Санкт-Петербурга» // Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга. № 46. 05.12.2011.

³⁷ См., например: постановление Администрации города Нижневартовска от 07.08.2015 № 1499 (ред. от 05.03.2025) «Об утверждении муниципальной программы “Социальная поддержка и социальная помощь для отдельных категорий граждан в городе Нижневартовске”» // Варты. № 167. 14.08.2015; № 168. 14.08.2015 ; постановление Администрации городского округа Химки Московской области от 11.07.2024 № 1148 (ред. от 21.02.2025) «О предоставлении дополнительных мер социальной поддержки гражданам Российской Федерации, принимающим (принимавшим) участие в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, а также членам их семей» // Химкинские новости. № 17. 19.07.2024 ; постановление Администрации Ковровского района от 31.01.2025 № 94 «О вопросах реализации муниципальной программы “О социальной защите населения Ковровского района”» // Вестник Ковровского района. № 6. 13.02.2025.

Заключение

Классификация организационно-правовых форм социального обеспечения возможна только на основании совокупности присущих им признаков, так как в большинстве случаев ни один из них без учета иных критериев не дает возможности однозначно отнести ту или иную меру социальной поддержки к определенной форме. На наш взгляд, виды социального обеспечения не относятся к тем особенностям, которые позволяют ее установить, поскольку одни и те же виды могут предоставляться в разных формах. Органы, предоставляющие социальное обеспечение, и ранее не являлись определяющим критерием, а после создания единого Социального фонда России, на который, помимо реализации выплат за счет страховых взносов, возложена обязанность осуществлять практически все бюджетные денежные обязательства в рамках социально-обеспечительных отношений, уже очевидно не могут считаться убедительным признаком.

Полагаем, что наиболее значимыми особенностями, позволяющими определить организационно-правовую форму социального обеспечения, являются основания его предоставления и источники финансирования в совокупности. Источниками финансирования на федеральном уровне выступают средства федерального бюджета и обязательного социального страхования, а основаниями предоставления — компенсация утраченного заработка или иного дохода, вознаграждение за заслуги, возмещение вреда от неблагоприятных последствий техногенных и радиационных катастроф, нуждаемость в помощи в случаях, признаваемых государством социально значимыми (бедность, многодетность, состояние здоровья и др.). При этом с учетом рассматриваемых признаков следует уточнить, что во многих случаях государство обеспечивает гарантированное право граждан, применяя сочетание различных форм для реализации принципа всеобщности и наиболее рационального распределения денежных средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР : учебник. М. : Юрид. лит., 1980. 312 с.
- Астраханцева Е. В. Понятие и правовая природа доплаты к пенсии членам летных экипажей воздушных судов гражданской авиации // Системный характер трудового права и права социального обеспечения как отрасли и законодательства (Первые Гусовские чтения) : материалы Международной научно-практической конференции. М. : Проспект, 2016. С. 478–481.
- Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Книжный мир, 1998. 240 с.
- Право социального обеспечения России : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М. Л. Захаров, Э. Г. Тучкова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. 640 с.
- Роик В. Д. Социальное страхование в меняющемся мире: каким будет выбор России? СПб. : Питер, 2014. 352 с.
- Шайхатдинов В. Ш. Теория социального обеспечения. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1982. 144 с.

REFERENCES

- Andreev VS. Social security law in the USSR. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1980. (In Russ.).
- Astrakhanitseva EV. The concept and legal nature of pension supplements for members of flight crews of civil aviation aircraft. Systemic nature of labor law and social security law as an industry and legislation (First Gusov Readings). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Moscow: Prospect Publ.; 2016. (In Russ.).
- Machulskaya EE. Social Security Law. 2nd ed. Revised and suppl. Moscow: Knizhnyi mir Publ.; 1998. (In Russ.).
- Roik VD. Social insurance in a changing world: what will be the choice of Russia? St. Petersburg: Piter Publ.; 2014. (In Russ.).
- Shaikhatdinov VSh. Theory of social security. Saratov: Saratov University Publ.; 1982.
- Zakharov ML, Tuchkova EG. Social Security Law of Russia. 4th ed. Revised and suppl. Moscow: Wolters Kluwer Publ.; 2005. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акатнова Мария Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
miakatnova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria I. Akatnova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor and Social Security Law, Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russian Federation
miakatnova@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 23 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 24 марта 2025 г.
Принята к печати 15 апреля 2026 г.*

*Received 23.03.2025.
Revised 24.03.2025.
Accepted 15.04.2026.*

В. И. Пржиленский

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

И. В. Пржиленский

Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

На пути к построению концепции развития уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства: структура, принципы, цели

Резюме. Цель исследования — проанализировать возможность построения концепции развития системы уголовного судопроизводства Российской Федерации в условиях цифровой трансформации общества и государства. Для достижения этой цели в статье поставлены и решены следующие задачи: рассмотреть идеалы и нормы организации знания на фундаментально-концептуальном уровне в общей истории философии и науки; выявить и описать специфику применения дедуктивно-аксиоматической модели в сфере уголовного судопроизводства; сформулировать принципы концепции развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации; обозначить предварительные цели развития уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации государства и общества. Используются методы анализа, абстрагирования, обобщения и концептуализации. Проанализирован опыт первых этапов цифровизации уголовного судопроизводства, изложенный в научных публикациях российских правоведов, дана критическая оценка планирования данного процесса, показаны возможности и границы управления текущими изменениями. Обоснована необходимость построения концепции цифровизации уголовного судопроизводства в виде дедуктивно-аксиоматической системы, в которой в качестве аксиом формулируются общие принципы, выступающие исходными посылками для определения целей и выбора средств (институтов, технологий) их достижения. Концепцию развития системы уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства предлагается строить на принципах эффективности и справедливости. Целями внедрения технических инноваций и организационно-правовых нововведений провозглашены защита человека с помощью компьютера, защита человека от другого человека, использующего компьютер, и защита человека от самого компьютера. Подчеркнута особая роль междисциплинарного подхода, соединяющего средства и методы юридической науки с познавательными возможностями философии, логики, теории управления и других социогуманитарных наук, намечены задачи для новых исследований в названной области.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; цифровизация; принципы; цели; эффективность; справедливость; концептуализация

Для цитирования: Пржиленский В. И., Пржиленский И. В. На пути к построению концепции развития уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества и государства: структура, принципы, цели. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 80–91. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.080-091

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 25-18-00830, <https://rscf.ru/project/25-18-00830/>.

Towards Developing a Concept for the Evolution of Criminal Justice in the Context of the Digital Transformation of Society and the State: Structure, Principles, and Goals

Vladimir I. Przhilensky

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Igor V. Przhilensky

Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The aim of this study is to examine the feasibility of developing a concept for the evolution of the criminal justice system of the Russian Federation amid the digital transformation of society and the state. To achieve this aim, the paper sets and addresses the following objectives: to examine the ideals and norms of knowledge organization at the fundamental-conceptual level within the broader history of philosophy and science; to identify and describe the specific application of the deductive-axiomatic model in the field of criminal justice; to formulate principles for the concept of criminal justice development in the context of digitalization; and to outline preliminary goals for the evolution of criminal justice under the digital transformation of the state and society. The methods of analysis, abstraction, generalization and conceptualization are used. The experience of the initial stages of digitalization of criminal proceedings as described in scholarly publications by Russian legal scholars is analyzed; a critical assessment of the planning of this process is offered; and the potential and limits of managing current changes are demonstrated. The necessity of constructing the concept of digitalization of criminal proceedings in the form of a deductive-axiomatic system is substantiated. In this system, general principles are formulated as axioms that serve as the foundational premises for defining goals and selecting the means (institutions, technologies) necessary to achieve them. The principles of efficiency and the principle of justice are proposed as the principles of the concept of the development of the criminal justice system in the context of the digital transformation of society and the state. The goals of introducing technical innovations and organizational and legal innovations are to protect an individual using a computer, protect an individual from another individual using a computer, and protect an individual from the computer itself. The special role of applying an interdisciplinary approach combining the means and methods of legal science with the cognitive capabilities of philosophy, logic, management theory and other socio-humanitarian sciences is noted, and tasks for new research in this field are outlined.

Keywords: criminal justice; digitalization; principles; goals; efficiency; justice; conceptualization

Cite as: Przhilensky VI, Przhilensky IV. Towards Developing a Concept for the Evolution of Criminal Justice in the Context of the Digital Transformation of Society and the State: Structure, Principles, and Goals. *Lex russica*. 2026;79(5):80-91. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.080-091

Acknowledgments. The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 25-18-00830, <https://rscf.ru/project/25-18-008300>.

Введение

Цель построения концепции цифровизации национальной уголовно-процессуальной системы России — выявление основных направлений ее дальнейшего развития, определение возможностей и границ модификации уголовно-процессуальных институтов и норм. Это особенно важно в условиях, когда управление данным

процессом только начинает формироваться. Проникновение новых технологий в практики судопроизводства началось не вчера: вся криминалистическая экспертиза, существенно изменившая возможности правоприменителей в раскрытии преступлений, стала результатом внедрения в работу следователей новейших достижений науки и техники. Информационная эпоха уже ознаменовалась радикальным рас-

ширением возможностей правоприменителей, хотя и привела к масштабному росту преступлений с использованием инфокоммуникативных технологий. Возникает вопрос: насколько внедрение компьютеров в работу суда и следствия является проблемой организационно-технологической и в какой мере это внедрение может быть сведено к конструированию устройств, разработке программного обеспечения и обучению персонала обращению с новой техникой?

Долгое время ответ на него был положительным. Поэтому цифровизация уголовного судопроизводства как в нашей стране, так и за рубежом была стихийным процессом, начавшимся с замены машинописных документов напечатанными на принтере. Уже десятилетия назад использование электронно-вычислительных машин для накопления, хранения и обработки больших массивов информации существенно облегчило работу следователей.

Нередко можно услышать, что цифровизации уголовного судопроизводства придается слишком большое значение и что она ничего существенно не меняет в работе суда или следственных органов. Разумеется, сущность правосудия не ставится и не может быть поставлена под вопрос: цели, задачи и принципы судопроизводства остаются прежними. Между тем масштаб происходящих изменений, их влияние на действия индивидов и всего общества требуют изучения организационной, социальной, психологической и даже экзистенциальной сторон цифровой трансформации как с точки зрения открывающихся возможностей, так и в контексте возникающих угроз антропогенного и техногенного характера¹. Неконтролируемое развитие техники впредь должно стать контролируемым, бессистемное внедрение технических новшеств — обрести системный характер, развитие системы уголовного судопроизводства — обусловить реализацию разработанного и научно обоснованного проекта, базирующегося на единой концепции, построенной с использованием новейших средств и методов философии, юриспруденции, социогуманитарных наук и инфокоммуникационных технологий.

Концепция как способ организации знания: идеалы и нормы

Само слово «концепция» (от лат. *conceptio*) означает и понятие, и понимание, и замысел. В теории и методологии науки термином «концепция» обозначают теоретически сформулированную и аналитически определенную систему представлений о каких-либо предметах, процессах и явлениях, позволяющую их объяснить и описывать, устанавливать взаимосвязи между ними и прогнозировать их дальнейшую динамику.

Для того чтобы ответить на вопрос, как должна выглядеть концепция цифровизации российского уголовного судопроизводства, необходимо прежде всего исследовать опыт построения концепций в разных отраслях знания, который был учтен при формировании идеалов и норм научного знания.

Дж. Ролз, автор теории справедливости, которая в равной степени может быть названа концепцией справедливого устройства общества, предлагает различать три базовых ее элемента: принципы, институты, цели. Его апелляция к античным идеалам, выразившаяся в сравнении справедливости социальных систем с истинностью систем мысли, заставляет вспомнить философское учение стоиков. Именно стоики предложили выделять в философии (концепции действия) три области: физику, логику и этику. Физика в античном понимании — это ответ на вопрос о том, как устроен мир, то есть начала или принципы мироздания, логика — о том, какие выводы можно сделать, руководствуясь названными принципами, а этика позволяет определить цели для намечающегося действия. Ролз полагал, что из принципов должны выводиться институты, которые, в свою очередь, конституируют целеполагание. Именно так были сформулированы идеалы и нормы построения знания, совокупность которых позднее назовут дедуктивно-аксиоматической моделью.

Таким образом, теория или концепция всегда строится от принципов к целям, в соответствии с требованием дедукции, вернее дедуктивно-аксиоматической модели построения знания. По сути, дедуктивно-аксиоматическая модель построения знания — это способ организации знания, при котором всё многообра-

¹ Бакланов И. С., Бакланова О. А., Осадчий А. А. Особенности социокультурных рисков в условиях цифровизации социокультурных практик // Евразийский юридический журнал. 2023. № 12 (187). С. 535–536.

зие частных утверждений логически выводится из небольшого числа исходных утверждений, неопределяемых и недоказываемых. Они называются аксиомами, их должно быть достаточно для того, чтобы с использованием логических правил вывести все нужные частные утверждения. Все утверждения, объясняющие единичные факты и намечающие цели индивидуального или коллективного действия, должны являться логическими следствиями из этих аксиом.

Дедуктивно-аксиоматической модели соответствует метод, который иногда называют аксиоматико-дедуктивным, а иногда гипотетико-дедуктивным. «Аксиоматико-дедуктивный метод — это один из способов конструирования теоретических систем, который предполагает предварительное принятие определенных постулатов (рассматриваемых в качестве аксиом), из которых по правилам дедуктивного рассуждения выводится множество высказываний, составляющих содержание конкретной теории»². Само название этого метода и соответствующей модели построения знания обязано своим рождением тому этапу в развитии логики, математики и отчасти лингвистики, который дал в XX в. надежду на исполнение формальных логически строгих правил. Но в жизни эта модель и этот метод скорее являются идеалом, нежели набором требований, которые необходимо неукоснительно соблюдать.

Древнегреческие философы в своем подражании геометрам и правоприменителям положили начало той логике, согласно которой всё основано на предельно общих и очевидных вещах, из которых дедуктивно можно вывести всё относительно частного случая. Сама по себе мысль о том, что любые утверждения необходимо обосновывать, подтверждать или, если нужно, доказывать, конечно же, являлась революционной. То, что позднее назовут законом достаточного основания, заставило упорядочить и систематизировать рассуждения, создать системы знания и выделить в них особую часть — теорию или концепцию. Фалес и Пифагор сочли необходимым доказывать геометрические утверждения так, как будто они находились в суде и доказывали свою или чужую невиновность. Пифагор даже разделил

знание на нуждающееся в доказательствах и не нуждающееся в них, что в итоге привело к принятому в математике различению аксиом и теорем, а в эмпирических науках о природе и обществе побудило противопоставлять единичные факты и универсальные принципы³.

В платоновских диалогах в уста главного героя вкладывались рассуждения, свидетельствующие о немалой эволюции этого способа организации знания, который позднее назовут теоретическим. Здесь уже всю проглядывают подробно описанные позднее Аристотелем и еще позднее Лейбницем законы логики, соединяющие геометрию с правоприменительными практиками, логические и риторические приемы — с формализацией и систематизацией. Аристотель строил свои учебники в соответствии с дедуктивно-аксиоматической моделью организации знания независимо от того, касались ли они индивидуального или коллективного целеполагания, объясняли ли они природные явления, правила мышления или языка. Позднее Евклид воспроизвел ту же самую модель в «Началах», Иоанн Дамаскин — в «Точном изложении православной веры», а И. Ньютон — в «Математических началах натуральной философии».

Не стало исключением и право. С самых первых шагов в античном судопроизводстве просматривались всё те же схемы: апелляция к закону, подведение факта под норму права и т.д. Само римское законодательство искало общие формулы, которые с равным основанием могут быть названы как аксиомами, так и принципами. Все эти *Nemo iudex in causa sua*, *Audiat et altera pars*, *Dura lex, sed lex* и другие подобные изречения образуют то, что позднее будет названо аксиоматикой римского права.

Как известно, римское право не только стало частью европейской истории, оно легло в основу романо-германской правовой семьи, которая и сегодня присутствует в законодательстве многих стран, определяя их сущность и специфику. «Формулируя новые правила поведения, — писал А. А. Ференс-Сороцкий, — любой законодатель всегда так или иначе исходит из общих, давно всем известных норм, выработанных его предшественниками. Но, будучи введенными в принципиально иное право,

² Гусев С. С. Метод аксиоматико-дедуктивный // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7334>.

³ Berger A., Polezharova L. V. Tax for digital services: Assessment of the advantage of the introduction in Russia // Финансы: теория и практика. 2023. № 27 (1). С. 54–62.

правовые аксиомы, порою мало изменяясь внешне, в своем словесном выражении приобретали другое качество. Например, основы римского права, воспроизведенные в Кодексе Наполеона, стали основой буржуазного права Франции»⁴.

Проблемы применения дедуктивно-аксиоматической модели в сфере уголовного судопроизводства

Если оценивать возможность построения уголовно-правовой аксиоматики применительно к теме цифровизации, то целесообразно прислушаться к мнению коллег, занимавшихся этим вопросом в доцифровую эпоху. Так, А. В. Масленников указывает, что правовые аксиомы не выстраиваются в непротиворечивую формализованную систему, сами аксиомы не являются независимыми друг от друга, их число не оценивается с точки зрения необходимости и достаточности⁵. Стоит согласиться с выводом Е. И. Грузинской и А. М. Воробьева о том, что стандарты аксиоматизации, принятые в математике и логике, не могут быть примером для построения правовых теорий. Возникшие у логических позитивистов надежды на тотальную перестройку всего корпуса научного знания на основе реформированной логики не оправдались. «К правовым аксиомам, — отмечают Е. И. Грузинская и А. М. Воробьев, — продолжают применяться математические конструкции исходя из ложного мнения о движении аксиом из математики в философию, при условии зарождения аксиом именно в философии. Однако тенденция к аксиоматизации права во многом связана с желанием устранения явления субъективности исследований, отсюда и явление более частого использования математических методов в праве»⁶.

Если под математическими методами, применяемыми в праве, авторы подразумевают методы математической статистики и теории вероятности, количественные методы социологического анализа, методы математического

моделирования и прогнозирования, используемые в процессе разработки новых нормативных правовых актов, то к аксиоматизации права это не имеет никакого отношения. Математические формулы, при помощи которых рассчитываются рост и снижение уровня преступности или выявляются корреляции между суждениями людей и их криминальным поведением, строятся на основе иной, не имеющей отношения к праву аксиоматики. Не математический, а логический анализ правовых норм, проводимый средствами как традиционной формальной, так и современной символической логики, свидетельствует о необходимости правовых аксиом, позволяющих выстраивать нормы в единую и непротиворечивую систему. В этом нет ничего нового, всё отечественное законодательство представляет собой иерархическую систему, где роль аксиоматики выполняют принципы и нормы, провозглашенные в тексте российской Конституции⁷.

Принципы развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации

Таким образом, аксиоматика концепции развития уголовного судопроизводства — это провозглашение некоторых базовых принципов, которым должны соответствовать цели и средства ее реализации и из которых могли бы быть выведены все частные решения в этой сфере. Гипотеза, сформулированная в данном исследовании, в качестве аксиоматики концепции цифровизации уголовного судопроизводства опирается на два принципа: принцип эффективности и принцип справедливости. Почему именно эти два? И является ли принцип эффективности релевантным сфере права и судопроизводства? И почему из всех принципов правосудия выбран лишь один — принцип справедливости, а принципы законности, состязательности, объективности, независимости остались за кадром?

Единственный аргумент в обоснование первого принципа — соображение, согласно которому внедрение технических новшеств имеет

⁴ Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы в праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 5. С. 31.

⁵ Масленников А. В. Правовые аксиомы : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 16.

⁶ Грузинская Е. И., Воробьев А. М. Уголовно-правовые аксиомы как средство законодательной техники в истории юридической науки // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 38–40.

⁷ Мухачёва А. В. Цифровизация в зарубежных странах: общие закономерности и особенности влияния на экономическое развитие и социальную сферу // Экономика. Налоги. Право. 2025. Т 18. № 6. С. 82–90.

не только юридическое, но и техническое, и организационное, и экономическое измерения⁸. И учесть каждое из них по отдельности, а также их сочетаемость, непротиворечивость и возможный кумулятивный эффект не только нужно, но и необходимо. С точки зрения экономической нет никакого смысла в цифровизации, если ее осуществление не даст ощутимого организационно-экономического эффекта. Но возможности цифровизации существенно шире, ибо ее проведение способно снизить влияние субъективного фактора, повысить состоятельность, независимость, доказательность и т.п.⁹

Принцип эффективности в нашем случае сформулировать весьма просто: в результате цифровой трансформации система уголовного судопроизводства должна стать более эффективной. Но что такое эффективность в правоприменении? Сам термин рождается в сфере технологии и экономики и используется для оценки функционирования технических или социально-экономических систем. Инновации в области техники могут давать положительный эффект, который в рамках оценки деятельности технического устройства превращается из технической в экономическую категорию: технологически более продуктивное устройство может оказаться более дорогим, и тогда его внедрение станет нецелесообразным. Если обнаружится, что вся система машин и оборудования поглощает слишком много энергии, что она дорогая и затратная, ее демонтируют, утилизируют, а затем приступят к поиску других способов реализации исходной идеи для удешевления лежащей в ее основе технологической конструкции. Распространение принципов экономики и управления на все сферы жизни человека и общества привело к новому взгляду на организацию правосудия. Так, к сентенциям, касающимся долженствования, таким как неотвратимость наказания, торжество правосудия, справедливость решения суда, добавились соображения из области экономической и управленческой рациональности.

Тема эффективности судопроизводства как одного из видов организации труда и управления предприятием была поднята задолго до цифровизации первого. Ее обсуждение вне контекста инфокоммуникативных технологий продолжается и сегодня, потому что ресурсы для повышения эффективности деятельности работников суда традиционными способами, несомненно, есть. И. П. Можяева и А. С. Бахта рекомендуют повышать эффективность уголовного судопроизводства путем научного обоснования организации деятельности судьи, а также посредством организационного обеспечения деятельности всей организации суда. Они рассматривают судебное разбирательство под призмой организационного начала, которое определяют в качестве неотъемлемого и объективного свойства человеческой деятельности. Авторы утверждают, что организационное начало не только отражает любую деятельность, но и выступает катализатором эффективности уголовного судопроизводства. «Судебное разбирательство как деятельность имеет двойственную природу: во-первых — это порядок действий всех участников судопроизводства, заключающийся в достижении реализации прав и обязанностей, предусмотренных законодательством; во-вторых — это интеллектуальная познавательная деятельность судьи, направленная на обеспечение целенаправленности и согласованности всей совокупности действий при рассмотрении уголовного дела по существу»¹⁰. Предлагаемый ими комплекс мер в этой сфере сводится к созданию и совершенствованию форм коллективности судебной деятельности, организации рабочего места судьи, улучшению санитарно-гигиенических, физиологических, эстетических и психологических условий его труда, рациональной организации рабочего времени и отдыха и т.п.

К числу категорий, при помощи которых оценивается эффективность судопроизводства, некоторые исследователи относят даже «квалифицированное молчание законодателя»¹¹.

⁸ Капранова Л. Д. Цифровая трансформация общества и уровень жизни населения // Экономика. Налоги. Право. 2025. Т. 18. № 3. С. 81–91.

⁹ Шахов Д. В. Введение экспериментальных правовых режимов в условиях цифровой трансформации // Экономика. Налоги. Право. 2025. Т. 18. № 5. С. 178–186.

¹⁰ Можяева И. П., Бахта А. С. Повышение эффективности уголовного судопроизводства путем организационного обеспечения судебной деятельности // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 171.

¹¹ Лугинец Э. Ф. «Квалифицированное молчание законодателя» как одна из культурных предпосылок эффективности правоприменения в процессе судопроизводства // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 705–709.

Другие подчеркивают, что применительно к уголовному судопроизводству категория эффективности является оценочной, но критериев ее оценки так и не выработано. Для оценки эффективности следственной работы по конкретному уголовному делу использовать исключительно безоценочные (категоричные) критерии, без учета оставляющих свободу усмотрения, практически невозможно ввиду многообразия ситуаций и индивидуальности каждого расследуемого уголовного дела. Вместе с тем целесообразно выработать безоценочные (категоричные) критерии неэффективности деятельности и именно их отразить в показателях ведомственной статистики¹². Разумеется, это относится не только к оценке эффективности работы предварительного следствия. Сегодня эффективность уголовного судопроизводства оценивается по таким критериям, как быстрота, качество и законность процесса, соблюдение прав и свобод граждан. Другими словами, речь идет не об экономической, технической или управленческой эффективности, а о достижении нужного эффекта при оптимальном подборе средств относительно целей. А целями уголовного судопроизводства по-прежнему остаются защита прав потерпевших и невиновных, а также эффективность в борьбе с преступностью. Это как раз и есть юридическая эффективность, которая в идеале не вступает в противоречие с технической, организационной или экономической эффективностью, а если и вступает, то приоритет — за первой. Между тем концепция цифровизации подразумевает весь набор или же всю систему эффективностей, ибо при осуществлении организационных или конструкторских мероприятий нельзя игнорировать ни один из названных аспектов¹³.

Принцип справедливости не формулируется как простая калька с одноименного принципа уголовного судопроизводства, который фактически сводится к принципу справедливого приговора. При этом противопоставлять их тоже неверно, потому что само понятие справедливости универсально, тогда как его применение к различным сферам социального действия

может иметь свои особенности. Более того, в сложных и многоуровневых системах рационального действия нельзя сводить совокупную справедливость действия всей системы к сумме справедливостей действия каждого из ее элементов. Юридическая доктрина провозглашает разделение полномочий между инстанциями, в чью обязанность входит установление фактов или их правовая оценка. «Однако, — пишут Е. Н. Жуков и Е. Г. Облогина, — на практике, если строго придерживаться указанного подхода, это может выглядеть как вопиющая несправедливость. Получается, что судья кассационной инстанции, даже увидев, что суд первой и апелляционной инстанций серьезно ошибся в установлении определенного фактического обстоятельства, и понимая, что человек осужден несправедливо, сделать ничего не сможет, поскольку его вопросы фактов не касаются, а вопросы права здесь не выявлены. Такая позиция похожа на насмешку над принципом справедливости»¹⁴.

Таким образом, деятельность системы уголовного судопроизводства на каждом конкретном этапе может показаться несправедливой как потерпевшим, так и подозреваемым и даже свидетелям. Это даст основание считать несправедливо устроенной и саму систему независимо от того, каким окажется приговор и насколько справедливым он покажется представителям вышеназванных категорий участников уголовного процесса или же сторонним наблюдателям. Обращаясь в суд за защитой, граждане имеют право рассчитывать на справедливое к ним отношение в процессе разбирательства, а не только на справедливый приговор. «Справедливость в народном понимании, — замечает А. В. Победкин, — которая выступает основой оценки уголовного судопроизводства на справедливость, не поддается строгому определению, она воспринимается на уровне ощущений и обеспечивается должной процедурой (право должно обеспечивать справедливость, а значит служить добру), правоприменительной деятельностью, основанной на совести и отношении к участникам уголовного процесса

¹² Мониц М. В. Критерии эффективности предварительного следствия в уголовном судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4 (49). С. 31.

¹³ Савинов А. А. Поворот к реляционности: постановка и истоки проблемы // Вопросы философии. 2025. № 2. С. 128–137.

¹⁴ Жуков Е. Н., Облогина Е. Г. К вопросу о справедливости в уголовном судопроизводстве // Право и практика. 2020. № 2. С. 87.

не только как к субъектам правоотношений, но и как к людям»¹⁵.

Не все согласны с таким широким пониманием справедливости, когда она фиксируется внутренними эмоциональными переживаниями и воспринимается на уровне ощущений. Некоторые авторы высказываются в пользу рационально-формального ее истолкования, требуют дать строгую и даже операционализируемую дефиницию, не ограничиваясь сведением содержания к общепринятому значению слова. «Справедливость как идея, — констатируют В. А. Семенцов и О. В. Гладышева, — должна определять наличие в системе уголовного судопроизводства процессуальных институтов, обеспечивающих неотвратимость уголовной ответственности, а также применение к виновному соразмерного наказания. Справедливости следует придать рациональный характер, определить формальный подход к определению ее правового содержания. Отсутствие нормативного закрепления данной категории в уголовном судопроизводстве создает опасность ее игнорирования в процессе практической деятельности»¹⁶.

Не до конца ясно, что означает требование придать справедливости рациональный характер и как можно формализовать определение правового содержания. Как известно, любое определение отвечает требованиям логической формы, но не каждое понятие может быть определено через фундаментальные категории. И если для определения справедливости мы не находим иных, более фундаментальных юридических категорий, то, значит, и определить его через род и видовые признаки не представляется возможным. Что отнюдь не снижает регулятивной роли одноименного принципа, который мог бы быть сформулирован как требование к цифровой трансформации государства и общества, проведение которой не должно делать систему уголовного судопроизводства менее справедливой.

Цели развития уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации государства и общества

Перейдем к рассмотрению целей, которые с начала процесса цифровой трансформации могли подвергнуться некоторой коррекции. Например, первоначально использование электронно-вычислительных машин в работе суда и прокуратуры преследовало одну-единственную цель — облегчение труда работников правоохранительных органов. Автоматизация поиска информации и ее обработки, накопление больших баз данных о преступниках, использование иных возможностей компьютеров действительно способствовали более эффективной работе органов правосудия, а совершенствование компьютерной техники и инфокоммуникационных технологий позволило избежать множества ошибок и ускорило рассмотрение дел. Между тем по мере развития инфокоммуникативных технологий становилось ясно, что компьютер может быть использован не только правоприменителями, но и правонарушителями. И тогда жертвами киберпреступлений станут законопослушные граждане, а не те, от которых, согласно первоначальному замыслу, их собирались защитить. Более того, цифровая трансформация системы уголовного судопроизводства может и без всяких злоумышленников препятствовать, а не способствовать доступу граждан к правосудию.

Защита человека, его прав и достоинства с помощью компьютера — самая первая цель всех тех нововведений, которые были привнесены в деятельность судов на первоначальном этапе цифровизации, когда электронные вычислительные машины значительно облегчили труд работников суда и следствия, прежде всего рутинную его составляющую. Точно так же, как ограничения на фото- и видеосъемку в суде не всегда имеют рациональное объяснение, традиционные способы записи документов при помощи пера и чернил не без труда были заменены машинописью, а затем и печатанием на принтере набранных на компьютере текстов.

Важность традиции, включающей в себя причудливые средневековые наряды и чуть ли не античные изречения, прекрасно осознавалась всем сообществом правоведов, что

¹⁵ Победкин А. В. Справедливость уголовного судопроизводства как условие его легитимности // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 21.

¹⁶ Семенцов В. А., Гладышева О. В. О взаимосвязи публичности, законности и справедливости в системе уголовного судопроизводства // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 157.

и заставляло противиться любым, даже чисто техническим инновациям. Между тем суды и следственные органы довольно быстро осознали все преимущества современной оргтехники, что запустило стихийный процесс цифровизации, которая всё еще не касалась сути правоприменения, но уже существенно расширила возможности правоприменителей в расследовании и профилактике правонарушений, сборе доказательств или поиске значимой информации¹⁷. Более серьезные перемены начались в процессе цифровой трансформации общества и государства, когда новые средства коммуникации привели к появлению сетевых форм социальной организации и самоорганизации.

Цифровая трансформация напрямую касается такой важной сферы социальной жизни, как право. Результатами внедрения инфокоммуникационных технологий в связанных с правом социальных практиках стали автоматизация некоторых процедур, которые прежде требовали участия квалифицированных правоведов, а также новые специализации в профессии юриста, такие как сетевой юрист, виртуальный адвокат, консультант по безопасности личного профиля. Как указывают Л. С. Киселева и А. А. Семёнова, «в атласе новых профессий выделяют: “сетевой юриста”, который будет обеспечивать нормативно-правовое взаимодействие в Сети (в том числе в виртуальных мирах), разрабатывать системы правовой защиты человека и собственности в Интернете (включая виртуальную собственность); “модератора платформы общения с госорганами”, который ведет онлайн- и офлайн-диалог между общественными активистами и государственными служащими, отвечающими за конкретные сферы (например, образование, ЖКХ, строительство, пенсионное обеспечение и др.), для выработки совместных решений»¹⁸.

В то же время возникла потребность в удаленном юридическом сопровождении через сеть — иногда это единственная возможность оперативно проконсультироваться по вопросам, связанным с нормативно-правовыми системами зарубежных стран, поездка в которые или даже телефонные разговоры оказываются значительно дороже, дольше по времени или

попросту невозможны. В этом случае виртуальный адвокат проконсультирует клиента на любом расстоянии и по любым вопросам в рамках своей компетенции. Расширение применения ИТ-сферы породило профессию консультанта по безопасности личного профиля, который способен анализировать, контролировать и изменять представленность своего клиента в сети Интернет, в его обязанности входит работа с появлением новой и сохранностью прежней информации о клиенте.

Сформировалось даже понятие сетевого социального благополучия как проекции всего благополучия общества. Жизнь в виртуальном мире стала частью жизни вообще, и роль этой части в общем жизненном пространстве неизменно возрастает: философы заговорили о рождении цифровой реальности, реальности+, или виртуальной реальности, в которой могут осуществляться коммуникация между индивидами и коллективами, их труд и досуг, творческая самореализация и, конечно же, большинство известных видов девиации, в том числе преступной.

Еще один новый термин — «киберпреступность» — определяет явление, ставшее поводом для провозглашения второй цели развития правосудия в условиях цифровой трансформации. Как уже отмечалось, она состоит в том, чтобы защитить человека от другого человека, использующего компьютер и инфокоммуникационные технологии. Статистика свидетельствует об увеличении объема денежных средств, незаконно выведенных из банков преступниками как в России, так и за рубежом. «Одним из наиболее распространенных сегодня способов кибермошенничества, — пишут А. П. Алексеева и О. И. Белокобыльская, — является хищение денег с виртуальных карт через сайты-двойники. Новым видом преступлений стало заражение компьютеров криптомайнером, которое приводило к снижению мощности устройства, его перегреву, перерасходу электроэнергии. Наряду с новыми способами для совершения кибермошенничества используются и ранее известные, например когда преступники пытаются убедить граждан в мнимом содействии правоохранительным органам, заставляя их

¹⁷ Михайлов В. И. Особенности конструкции объективной стороны государственной измены и ее значение для квалификации // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 5. С. 105–121.

¹⁸ Киселева Л. С., Семёнова А. А. Цифровая трансформация общества: тенденции и перспективы // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4 (34). С. 164.

передавать злоумышленникам наличные деньги»¹⁹. Между тем множатся факты вовлечения обманутых банковских вкладчиков спецслужбами иностранных государств в преступную деятельность экстремистской и даже террористической направленности. Повторный обман так и не поумневших жертв киберпреступлений удается преступникам благодаря применению социальных и психологических технологий, обеспечить защиту от которых трудно, но необходимо.

Защитить человека от обычных злоумышленников и киберпреступников, несомненно, важно. Но не менее важно оградить его от непродуманных действий тех, кто с благими намерениями внедряет в систему уголовного судопроизводства компьютеры и инфокоммуникационные технологии, не будучи в состоянии предусмотреть все последствия создаваемых инноваций, в том числе и негативные²⁰. Очевидно, что для их использования необходимо владение соответствующими навыками и компетенциями. К этому могут быть готовы не все сотрудники правоприменительных и правоохранительных органов, но их специальную подготовку можно и нужно совершенствовать. А вот потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые и свидетели могут не обладать достаточным количеством знаний и умений. И тогда перед теми, кто проводит цифровизацию, встает третья задача — защитить человека от компьютера, то есть сделать его взаимодействие с машиной максимально легким и беспроblemным.

Заключение

Представляется целесообразным сформулировать два принципа концепции развития системы уголовного судопроизводства Российской Федерации в условиях цифровой трансформации общества и государства:

- принцип эффективности,
- принцип справедливости.

Приведенные в статье аргументы позволяют назвать три основные цели цифровизации национальной уголовно-процессуальной системы России:

- защитить человека с помощью компьютера;
- защитить человека от другого человека, использующего компьютер;
- защитить человека от самого компьютера.

По-видимому, может быть названо множество других целей, в том числе и немаловажных, но все они в той или иной степени сводятся к этим трем. Например, целью может быть провозглашено облегчение деятельности работников суда и следствия, сотрудников других органов правоохраны. Но решение этой задачи продиктовано заботой о тех, чьи права нарушаются и нуждаются в защите, ибо забота о судье и следователе неразрывно связана с заботой не только о потерпевших, свидетелях, экспертах, но и, в соответствии с принципом гуманизации правосудия, о правах подозреваемых и даже преступников. Таким образом, триединой задачей цифровизации национальной уголовно-процессуальной системы России выступает правовая защита человека в процессе его взаимодействия как с другими людьми, так и с компьютерной техникой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева А. П., Белокобыльская О. И. Современные способы совершения кибермошенничеств и основные пути противодействия им // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 78–84.

Бакланов И. С., Бакланова О. А., Лукьянов Г. И. Внедрение искусственного интеллекта в социокультурные практики цифрового общества: последствия и риски развития индустрии 4.0 // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 519–520.

¹⁹ Алексеева А. П., Белокобыльская О. И. Современные способы совершения кибермошенничеств и основные пути противодействия им // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (79). С. 78.

²⁰ Бакланов И. С., Бакланова О. А., Лукьянов Г. И. Внедрение искусственного интеллекта в социокультурные практики цифрового общества: последствия и риски развития индустрии 4.0 // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 519–520.

- Бакланов И. С., Бакланова О. А., Осадчий А. А. Особенности социокультурных рисков в условиях цифровизации социокультурных практик // Евразийский юридический журнал. 2023. № 12 (187). С. 535–536.
- Грузинская Е. И., Воробьев А. М. Уголовно-правовые аксиомы как средство законодательной техники в истории юридической науки // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 38–40.
- Гусев С. С. Метод аксиоматико-дедуктивный // Гуманитарный портал. 2025, 2 июля. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7334>.
- Жуков Е. Н., Облогина Е. Г. К вопросу о справедливости в уголовном судопроизводстве // Право и практика. 2020. № 2. С. 86–91.
- Киселева Л. С., Семёнова А. А. Цифровая трансформация общества: тенденции и перспективы // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4 (34). С. 157–169.
- Лугинец Э. Ф. «Квалифицированное молчание законодателя» как одна из культурных предпосылок эффективности правоприменения в процессе судопроизводства // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 705–709.
- Масленников А. В. Правовые аксиомы : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
- Можаяева И. П., Бахта А. С. Повышение эффективности уголовного судопроизводства путем организационного обеспечения судебной деятельности // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 169–174.
- Монид М. В. Критерии эффективности предварительного следствия в уголовном судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4 (49). С. 26–32.
- Победкин А. В. Справедливость уголовного судопроизводства как условие его легитимности // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 1 (69). С. 17–27.
- Семенцов В. А., Гладышева О. В. О взаимосвязи публичности, законности и справедливости в системе уголовного судопроизводства // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 156–159.
- Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы в праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 5. С. 27–31.

REFERENCES

- Alekseeva AP, Belokobylskaya OI. Modern methods of committing cyberbullying and the main ways to counter them. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2025;1(79). (In Russ.).
- Baklanov IS, Baklanova OA, Lukyanov GI. The introduction of artificial intelligence into the socio-cultural practices of the digital society: Consequences and risks of the development of industry 4.0. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2024;1(188):519-520. (In Russ.).
- Baklanov IS, Baklanova OA, Osadchy AA. Features of sociocultural risks in the context of digitalization of sociocultural practices. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2023;12(187):535-536. (In Russ.).
- Ferens-Sorotskiy AA. Axioms in law. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 1988;5:27-31. (In Russ.).
- Gruzinskaya EI, Vorobyev AM. Criminal law axioms as a means of legislative technique in the history of legal science. *Aktualnye voprosy borby s prestupleniyami*. 2016;2:38-40. (In Russ.).
- Gusev SS. The axiomatic-deductive method. Humanitarian portal: Concepts [Electronic resource]. Center for Humanitarian Technologies, 2002–2025 (Edition as of 07.02.2025). Available at: <https://gtmarket.ru/concepts/7334>. (In Russ.).
- Kiseleva LS, Semenova AA. Digital transformation of society: Trends and prospects. 2018;4(34):157-169. (In Russ.).
- Luginets EF. «Qualified silence of the legislator» as one of the cultural prerequisites for the effectiveness of law enforcement in the judicial process. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2016;10:705-709. (In Russ.).
- Maslennikov AV. Legal Axioms. Cand. Diss. (Law). Vladimir; 2016. (In Russ.).
- Monid MV. Criteria for the effectiveness of the preliminary investigation in criminal proceedings. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia]*. 2022;4(49):26-32. (In Russ.).
- Mozhaeva IP, Bakhta AS. Improving the effectiveness of criminal proceedings through organizational support of judicial activity. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 2017;4(40):169-174. (In Russ.).

Pobedkin AV. The fairness of criminal proceedings as a condition of its legitimacy. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. 2024;1(69):17-27. (In Russ.).

Sementsov VA, Gladysheva OV. On the relationship between publicity, legality and justice in the criminal justice system. *Obshchestvo i pravo*. 2011;1(33):156-159. (In Russ.).

Zhukov EN, Oblogina EG. On the issue of justice in criminal proceedings. *Pravo i praktika*. 2020;2:86-91. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
vladprnow@mail.ru

Пржиленский Игорь Владимирович, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

д. 49/2, Ленинградский пр-т, г. Москва 125167, Российская Федерация
yesdreamer@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir I. Przhilenskiy, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vladprnow@mail.ru

Igor V. Przhilenskiy, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of the Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

yesdreamer@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 17 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 18 сентября 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2026 г.

Received 17.03.2025.

Revised 18.09.2025.

Accepted 15.04.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.092-108

Т. А. Избиенова

Марийский государственный университет
г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Коллективные трудовые права в условиях цифровизации экономики: опыт европейских государств и отдельных стран — участниц БРИКС

Резюме. В статье исследуется проблема трансформации коллективно-договорных отношений в условиях распространения информационных технологий (алгоритмов интернет-платформы, прочих цифровых технологий для управления производством, мониторингом трудовой дисциплины, производительности труда и пр.). Уделено внимание научным концепциям европейских, а также латиноамериканских и азиатских ученых, представляющих страны БРИКС, разрабатывающих вопросы влияния цифровизации на развитие трудового права. Отмечено, что цифровизация в трудовом праве вызвала значительные последствия, среди которых появление лиц, занятых посредством интернет-платформ, широкое использование контроля труда, управления процессом труда при помощи алгоритмов искусственного интеллекта. Приведены примеры регулирования коллективно-трудовых отношений в Европейском Союзе и отдельных странах БРИКС. Выявлены дефекты правового регулирования права на объединение в профсоюзы, ведение коллективных переговоров, заключение коллективного договора и проведение забастовок с участием занятых через интернет-платформы и прочих работников, чей труд подвергся цифровизации. Автор выдвигает несколько предложений по развитию коллективных трудовых отношений в контексте цифровизации: гарантирование самозанятым, к которым в разных правовых порядках обычно относят цифровых работников, права на создание профессиональных союзов, членство в них и ведение коллективных переговоров; включение в тарифные (коллективные) договоры условий о поддержке занятости при оцифровке организационных или технологических процессов и др.

Ключевые слова: коллективное трудовое право; социальное партнерство; профессиональный союз; интернет-платформа; коллективный договор; забастовка; цифровизация; сервисное государство; переговоры и консультации; искусственный интеллект

Для цитирования: Избиенова Т. А. Коллективные трудовые права в условиях цифровизации экономики: опыт европейских государств и отдельных стран — участниц БРИКС. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 92–108. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.092-108

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 25-28-01387, <https://rscf.ru/project/25-28-01387/> «Коллективные трудовые права работников в условиях формирования концепции «сервисного государства 2.0».

Collective Labor Rights in the Context of the Digitalization of the Economy: The Experience of European States and Selected BRICS Member Countries

Tatyana A. Izbienova
Mari State University
Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. This paper examines the transformation of collective bargaining relations in the context of the spread of information technologies (Internet platform algorithms, other digital technologies for production management, monitoring labor discipline, labor productivity, and others). Attention is given to the scholarly concepts of European, Latin American, and Asian scholars from BRICS countries who are exploring the impact of digitalization on the

© Избиенова Т. А., 2026

development of labor law. It is noted that digitalization in labor law has led to significant consequences, including the emergence of internet-platform workers and the widespread use of artificial intelligence algorithms to monitor and manage the labor process. The paper presents the regulatory experience of collective labor relations in the European Union and selected BRICS countries. Deficiencies in the legal regulation of the right to form and join trade unions, engage in collective bargaining, conclude collective agreements, and conduct strikes involving platform workers and other employees whose labor has been digitalized are identified. The author outlines several proposals for the development of collective labor relations in the context of digitalization. These involve guaranteeing self-employed individuals, who in various legal systems typically include digital workers, the right to form and join professional unions and to conduct collective bargaining; incorporating into tariff (collective) agreements provisions on employment support during the digitization of organizational or technological processes, and others.

Keywords: collective labor law; social partnership; professional union; Internet platform; collective agreement; strike; digitalization; service state; negotiations and advice; artificial intelligence

Cite as: Izbienova TA. Collective Labor Rights in the Context of Economic Digitalization: The Experience of European States and Selected BRICS Countries. *Lex russica*. 2026;79(5):92-108. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.092-108

Acknowledgments. The research was funded by grant from the Russian Science Foundation (RSF), No. 25-28-01387, <https://rscf.ru/project/25-28-01387/>, «Collective Labor Rights of Employees in the Context of the Formation of the “Service State 2.0” Concept».

Введение

Двадцать первый век принес миру значительные технологические изменения, которые не оставили возможности для сохранения прежней системы правового регулирования трудовых отношений, в связи с чем всё более важным становится изучение «труда будущего, то есть труда в эпоху четвертой промышленной революции»¹, проявление которой в сфере государственных услуг России характеризуют как формирование «сервисного государства» — технологической модели, позволяющей комплексно разрешать жизненные ситуации граждан на основании автоматизированных бизнес-процессов.

Действительно, распространение информационных технологий вызвало значительные изменения в системе организации труда наемных работников, таких как курьеры, таксисты, иные субъекты, оказывающие различные услуги на постоянной основе в онлайн-режиме, если их труд организуется и управляется при помощи алгоритмов интернет-платформы и подобных технических решений. В зарубежной практике они, как всякие формально признаваемые независимыми подрядчиками, получили собира-

тельное наименование — «гиг-работники»², от слова gig в значении «любая временная оплачиваемая работа»; этот термин будет использоваться в исследовании для унификации категорий занятых в условиях цифровизации.

Одновременно цифровизация коснулась работников так называемого аналогового труда (то есть ранее выполнявших свои функции с минимальной или незначительной степенью автоматизации), поскольку работодатели, используя ресурс в виде человека, который носит с собой смартфон и доступен в режиме 24/7, смещают пространственные и временные границы в организации труда.

Бизнес стал применять цифровые технологии для управления производством, контроля за трудовой дисциплиной, оценки и мониторинга персонала на основе собранных и преобразованных при помощи алгоритмов искусственного интеллекта персональных данных в постоянное электронное резюме, которое может определять и прогнозировать производительность труда человека, его трудовую этику, личность, склонность к общественной деятельности, например членству в профсоюзах, лояльность к работодателю и будущие расходы

¹ Boto J. M. M., Brameshuber E. Collective Bargaining and the Gig Economy: A Traditional Tool for New Business Models. London : Hart, 2022 ; Däubler W. Challenges to Labour Law // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2016. № 1. P. 189–203.

² Goodbye Jobs, Hello «Gigs»: How One Word Sums Up. A New Economic Reality. National Public Radio // URL: <https://www.npr.org/2016/01/11/460698077/goodbye-jobs-hello-gigs-nunbergs-word-of-the-year-sums-up-a-new-economic-reality> (дата обращения: 05.03.2025).

на здравоохранение. Ввиду этого исследователи признают, что электронный мониторинг на рабочем месте угрожает вторжением в личную жизнь работников, сдерживанием профсоюзного объединения, допускает скрытые формы контроля со стороны работодателей, усугубляет дискриминацию при трудоустройстве, делает профсоюзы неэффективными и сводит на нет защитную функцию трудового законодательства³. Последствиями таких изменений, по различным данным, станет значительное сокращение занятости для больших групп работников, что повлечет за собой необходимость работать на новых местах, в гораздо худших условиях, чем раньше.

Несмотря на наличие некоторых прогнозов о воздействии цифровизации, дальнейшее направление регулирования наемного труда не может быть предсказано с достаточной уверенностью. И если механизмы ее воздействия на отбор и оценку компетентности и производительности труда (аттестацию в российской трактовке) персонала, рабочее время и время отдыха наемного работника, занятость и дисциплину труда, то есть на сферу индивидуальных трудовых отношений, относительно спрогнозированы исследователями (Ф. Хендрикс, М. Де Во, К. Стоун, М. Куллман, И. Филипова и др.), то перспективы развития коллективных трудовых отношений во многом остаются терра инкогнита для зарубежных и отечественных юристов и ученых.

Исследуют почву для регулирования коллективно-договорных отношений касательно

гиг-работников, самозанятых и участия работников в управлении предприятием в цифровой экономике профессор В. де Стефано⁴ и научный сотрудник Х. Стилоцианнис⁵, представляющие Институт трудового права Левенского католического университета, а также профессор Университета IE в Мадриде А. Алоизи⁶, исследователь Университетского колледжа Лондона Н. Каунтурис⁷. Обозначил проблематику развития партнерских отношений в условиях гиг-экономики в восточноевропейских странах профессор Тартуского университета Г. Тавитс⁸. Проанализированы практики создания «умных» или адаптированных для онлайн-взаимодействия с интернет-платформами профсоюзов в работах ученого из Венского университета Э. Брамшубер, итальянского профессора Л. Рацци⁹ и иных исследователей.

В то же время задачи реализации таких форм социального диалога, как участие работников в управлении, переговоры и консультации, по большей части остаются за пределами углубленных исследований, что объясняется рамочным регулированием данного вопроса нормами международного, в том числе европейского, права и различиями в подходах, используемых государствами в национальном законодательстве. Однако основное препятствие для ведения консультаций в условиях цифровизации труда видится в самом характере деятельности работников интернет-платформы, поскольку при выполнении онлайн-задания отмечается разобщенность персонала, не способствующая социальному диалогу, и сами

³ Bales R. A., Van Wezel Stone K. The Invisible Web at Work: Artificial Intelligence and Electronic Surveillance in the Workplace // Journal of Employment and Labour Law. 2020. № 41 (1). P. 1–62.

⁴ Stefano V., Taes S. Algorithmic Management and Collective Bargaining // Osgoode Legal Studies. 2022. Research Paper № 4441619. URL: <https://ssrn.com/abstract=4441619> (дата обращения: 05.03.2025); Stefano V. Master and Servers: Collective Labour Rights and Private Government in the Contemporary World of Work // International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations. 2020. № 36 (4). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3675082 (дата обращения: 05.03.2025).

⁵ Stylogiannis C. Freedom of Association and Collective Bargaining in the Platform Economy: A Human Rights-Based Approach and An Over Increasing Mobilization of Workers // International Labour Review Journal. 2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=3959155> (дата обращения: 05.03.2025).

⁶ Aloisi A., Stefano V. Introduction — Your Boss Is an Algorithm. Artificial Intelligence, Platform Work and Labor // URL: <https://ssrn.com/abstract=4139319> (дата обращения: 02.01.2024).

⁷ Countouris N., Stefano V. The Labour Law Framework: Self-Employed and Their Right to Bargain Collectively // Bulletin of comparative labour relations. 2021. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3763214 (дата обращения: 02.03.2025).

⁸ Tavits G. Collective Labour Relations and Digital Economy — Do They Co-exist? // Trends in the Development of Private Law, Challenges and Further Improvements. 2024. P. 412–424. URL: <https://doi.org/10.22364/iscful.7.2.33> (дата обращения: 02.03.2025).

⁹ Boto J. M. M., Brameshuber E. Op. cit.

механизмы взаимодействия и информирования исчезают.

Эта разобщенность значительно увеличивает риск злоупотреблений посредством алгоритмического управления, поскольку гиг-работники могут быть лишены некоторых мер защиты, например права и фактической возможности объединяться в профсоюзы и вести коллективные переговоры. И это лишь симптом более глубокой проблемы: коллективное трудовое право, разработанное для традиционных форм занятости, зачастую продолжает функционировать на основе старых правил, которые уже не решают задач цифровой экономики, что, по мнению германского профессора М. Вайса, вынуждает говорить о том, «насколько традиционная концепция трудового права всё еще подходит для того, чтобы справиться с этой новой реальностью организации труда, достаточно ли будет меньших или больших его адаптаций или нужно полное изменение парадигмы трудового права, чтобы приспособиться к этим новым форматам»¹⁰. Таким образом, существующие вызовы, порожденные цифровизацией, актуализируют фундаментальные вопросы о роли трудового права. Здесь целесообразно вспомнить, что исторически трудовое право было создано с целью устранить дисбаланс сил в отношениях между работниками и работодателями и защитить уязвимого работника от незаконного поведения бизнеса двумя способами: либо напрямую, например путем установления индивидуальных трудовых прав (минимальной заработной платы, защиты от незаконного увольнения), либо косвенно, предоставлением работникам коллективных прав, включая право на объединение, коллективное регулирование условий труда и забастовку¹¹.

В современной доктрине трудового права всё большее признание получает тезис о взаимоусиливающем характере индивидуальных и

коллективных трудовых прав, что подчеркивает их неразрывную связь и взаимозависимость¹². Индивидуальные трудовые права, например защита от дискриминационного увольнения, способствуют членству в профсоюзах и, как следствие, поддержанию коллективных прав, а коллективные права оцениваются как существенная гарантия индивидуальных прав, поскольку свобода объединения — основа для ведения коллективных переговоров, в результате которых достигаются соглашения, касающиеся индивидуальных интересов работников.

Далее остановимся на основных тенденциях трансформации коллективных трудовых прав в мире и отдельных государствах, чтобы выявить общие закономерности и специфические черты.

Коллективные трудовые права в условиях цифровизации в европейских странах

В Европе распространение нетипичных, или гибких, форм занятости с начала 1990-х гг. было неотъемлемой частью политики *flexicurity* (от *flexibilit*, гибкость, и *security*, то есть безопасность, стабильность)¹³. Нетипичные занятые в странах Европейского Союза — это преимущественно самозанятые, временно занятые, работающие на условиях неполного рабочего времени (включая работу по запросу, договоры с «нулевым» рабочим временем)¹⁴, в Германии — «лица, похожие на работников» (*Arbeitnehmerähnliche Personen*), экономически, но не лично зависящие от работодателя, и др.

Статистические исследования в ЕС показывают, что в некоторых государствах (Германия, Италия и Испания) имеется значительное число гиг-работников, а в других (Румыния, Венгрия) такие лица практически отсутствуют, поскольку

¹⁰ Weiss M. A Legal Scholar without Borders. Selected Writings and Some Reflections on the Future of Labour Law. ADAPT University Press, 2022. P. 83, 85.

¹¹ Dukes R. Critical Labour Law: Then and Now, April 18, 2018 // Research Handbook on Critical Legal Theory / E. Christodoulidis, R. Dukes, M. Goldoni (eds). Edward Elgar, 2019. URL: <https://ssrn.com/abstract=3676355> (дата обращения: 02.02.2025).

¹² Stefano V., Kountouris N. Lifting the Private-Law Veil: Employer Authority and the “Contractual-Coating” of Worker Subordination // Comparative Labor Law & Policy Journal. 2024. № 3 (44). P. 274–305 ; Aloisi A., Stefano V. Op. cit.

¹³ Лютов Н. Л. Влияние нетипичных форм занятости на социально-экономическое развитие // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 1. С. 44.

¹⁴ Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия / Международное бюро труда. Женева : МБТ, 2017. С. 2–4, 31.

на национальном уровне подход государств ЕС к признанию отношений платформенной занятости трудовыми достаточно разнообразен¹⁵ и свидетельствует о выборе гибких моделей регулирования.

Одна из существенных проблем, связанных с платформенной занятостью, — квалификация правового статуса гиг-работников. Важность ее очевидна, поскольку наличие трудового договора или отдельных элементов статуса работника является входным билетом в систему социально-трудовых гарантий. Поэтому в государствах ЕС проводится политика постепенной трансформации статуса гиг-работников из независимых подрядчиков в наемных работников¹⁶. Однако к началу 2022 г. в большинстве государств — членов ЕС (Австрия, Болгария, Кипр, Чешская Республика, Дания, Финляндия, Германия, Венгрия, Ирландия, Италия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Швеция) правовая презумпция наличия трудовых отношений еще не была предусмотрена. В остальных такая презумпция установлена, но дифференцируется на общую, которая применима ко всем видам трудовых отношений (Хорватия, Эстония, Греция, Мальта, Нидерланды, Португалия, Словения, Испания), и частную — к определенным группам работников или секторам экономики (Бельгия, Франция)¹⁷.

На сегодняшний момент итогом регулирования платформенных отношений в ЕС стало принятие Директивы о работе платформы 2024/2831¹⁸, которая установила правовую презумпцию трудовых отношений при наличии алгоритмического контроля над работником с делегированием странам — участницам Союза обязанности определения собственных критериев квалификации отношений при соблюде-

нии прецедентной практики Суда ЕС. Конкретные правила для обеспечения защиты прав и свобод в отношении обработки персональных данных лиц, выполняющих работу на платформе в соответствии со ст. 28 Директивы, могут содержаться в заключаемых партнерами коллективных договорах.

В новом мире платформенной работы остается актуальной задача представлять интересы работников и вести переговоры от их имени и для их защиты. По этой причине в некоторых европейских странах профсоюзы быстро адаптировались к этому и стали использовать различные стратегии для вовлечения занятых посредством цифровых платформ в ряды своих членов.

Учеными выделены направления в организации профсоюзной защиты:

— привязка групп работников к базовым или институциональным профсоюзам, что характерно для Норвегии, Нидерландов, Швейцарии и Германии. В последней крупнейший профсоюз IG Metall сделал доступным членство для работников интернет-платформ и других форм самозанятости посредством портала Fair Crowd Work¹⁹;

— создание так называемых альтернативных ассоциаций, или протопрофсоюзов²⁰, общей чертой которых называют использование для коммуникаций и коллективных защитных акций социальных сетей и мессенджеров. Они зачастую отличаются популистской политикой, особенно привлекательной для объединения молодежи и трудовых мигрантов, что характерно для таких стран, как Италия, Испания.

В Восточной Европе профсоюзы менее активны и придерживаются традиционного подхода, представляя штатных сотрудников с

¹⁵ Лютов Н. Л. Платформенная занятость: проект новой директивы ЕС и нормы России и Казахстана // Закон. 2022. № 10. С. 76.

¹⁶ Aranguiz A. Spain's platform workers win algorithm transparency, 18th March 2021 // URL: <https://www.socialeurope.eu/spains-platform-workers-win-algorithm-transparency> (дата обращения: 14.02.2025).

¹⁷ Kullmann M. Discriminating Job Applicants Through Algorithmic Decision-making, 2019 // URL: <https://ssrn.com/abstract=3373533> (дата обращения: 14.02.2025) ; Лютов Н. Л. Платформенная занятость: проект новой директивы ЕС и нормы России и Казахстана. С. 76.

¹⁸ Directive (EU) 2024/2831 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2024 on improving working conditions in platform work (Text with EEA relevance) // URL: <http://https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/2831/oj/eng> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁹ Fair Crowd Work. Shedding light on the real work of crowd-, platform-, and app-based work // URL: <http://faircrowd.work/> (дата обращения: 02.02.2025).

²⁰ Кляшторин А. Вскочить на «платформу». Профсоюзы ищут рецепты работы с гиг-экономикой // Центральная профсоюзная газета «Солидарность». 2021, 10 февраля. URL: <https://www.solidarnost.org/articles/vskochit-na-platformu.html> (дата обращения: 02.02.2025).

бессрочными контрактами, несмотря на всё более широкое распространение платформенной занятости.

Некоторые профессиональные союзы пробуют те же способы охвата занятых, что и интернет-платформы, а именно: социальные сети, веб-сайты, как ранее упомянутый Fair Crowd Work, мобильные приложения профсоюзов, рейтинги. Однако перед правительствами и исследователями стоит вопрос: могут ли гиг-работники быть привлечены к коллективным переговорам, а также пользоваться правом на забастовку? Ответ на него неоднозначен, поскольку одни ученые высказывают сомнение в разрешимости таких задач, отмечая, что коллективизация этой группы (занятых) особенно трудна и нереалистична (М. Вайс), другие, напротив, оценивают потенциал гиг-работников в части реализации социально-партнерских прав довольно высоко (В. де Стефано). Определенным препятствием к коллективному представительству платформенных занятых является ограничение на создание профсоюзов и ведение коллективных переговоров занятыми посредством онлайн-платформ, установленное законодательством некоторых европейских стран.

Только в 12 европейских государствах (Австрия, Бельгия, Дания, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Сербия, Испания, Швеция, Великобритания и недавно Ирландия) могут использоваться / эффективно использовались коллективные переговоры или «какая-либо другая форма участия профсоюзов»²¹ для согласования условий труда самозанятых, к числу которых обычно относятся гиг-работники. При

этом наличие коллективных трудовых прав у самозанятых работников фактически признано в ряде международных правовых актов, включая конвенции МОТ от 09.07.1948 № 87 «Относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию»²², от 01.07.1949 № 98 «Относительно применения принципов права на организацию и заключение коллективных договоров»²³, а также от 27.06.1978 № 151 «О защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе»²⁴ и от 19.06.1981 № 154 «О содействии коллективным переговорам»²⁵, что было подчеркнуто в докладах Комитета по свободе объединения МОТ, указавшего, что в силу принципов свободы объединения все работники, за исключением военнослужащих и сотрудников полиции, должны иметь право на создание организаций по своему выбору и вступление в них. Критерий определения лиц, на которых распространяется это право, не основан на существовании трудовых отношений, которые часто отсутствуют, например в случаях, когда мы имеем дело с работниками сельского хозяйства, самозанятыми, которые тем не менее должны пользоваться правом на организацию. Это следует из обязательства обеспечить самозанятых работников в полной мере профсоюзными правами для продвижения и защиты своих интересов, в том числе путем коллективных переговоров.

Комитет призывал правительства отдельных государств, работники которых являются самозанятыми, принимать меры для предоставления им права на объединение в профсоюзы в целях продвижения и защиты своих интересов,

²¹ Boto J. M. M., Brameshuber E. Op. cit. P. 139.

²² Относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию: Конвенция № 87 Международной организации труда (принята в г. Сан-Франциско 9 июля 1948 г. на 31-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1919–1956. Т. 1. Женева : Международное бюро труда, 1991. С. 859–864.

²³ Относительно применения принципов права на организацию и заключение коллективных договоров: Конвенция Международной организации труда № 98 (принята в г. Женеве 1 июля 1949 г. на 32-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIX. М., 1960. С. 292–297.

²⁴ О защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе: Конвенция № 151 Международной организации труда (принята в г. Женеве 24 июня 1978 г. на 64-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Бюллетень международных договоров. 2016. № 3. С. 44–53.

²⁵ О содействии коллективным переговорам: Конвенция Международной организации труда № 154 (принята в г. Женеве 19 июня 1981 г. на 67-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Т. 2. Женева : Международное бюро труда, 1991. С. 1935–1938.

в том числе путем коллективных переговоров, если это уместно²⁶.

Аналогичная позиция, гарантирующая самозанятым право на объединение, была высказана Европейским Судом по правам человека в деле *Vörður Ólafsson v. Iceland*, 27 July 2010, Application № 20161/06²⁷, а Комитет Совета Европы по социальным правам подтвердил, что статья 6(2) Европейской социальной хартии²⁸ предоставляет самозанятым работникам право на коллективные переговоры, заключив, что чрезмерно инклюзивный подход к понятию «предприятие», фактически приводящий к запрету коллективных переговоров для самозанятых работников, противоречит объекту и цели этого права. Коллективные переговоры для этой категории занятых оправданы их сравнительно слабой позицией при согласовании условий контракта. При установлении типа коллективных переговоров, защищаемого Хартией, недостаточно полагаться на различия между работниками и самозанятыми. Решающим критерием выступает скорее наличие дисбаланса власти между поставщиками и нанимателями рабочей силы.

Несмотря на законодательные ограничения, в отдельных европейских странах системы коллективных переговоров открыты для групп людей, которые выходят за рамки традиционного понимания термина «работник». Германия, Испания, Франция, Португалия и Польша, а также некоторые другие страны предоставили право на участие в коллективных переговорах не только субъектам трудовых правоотношений, но и иным лицам²⁹.

Например, в Германии в § 12A Закона о тарифном договоре³⁰ содержится положение, распространяющее действие этого социально-партнерского акта на особую категорию занятых, имеющих пограничный статус между

работниками и независимыми подрядчиками, именуемых лицами, похожими на работников, спецификой которых является экономическая зависимость и потребность в социальной защите, сопоставимой с защитой, предоставляемой работникам, если они сотрудничают преимущественно с одним работодателем или оказывают услуги лично, без привлечения иных лиц и при этом получают от него в среднем более половины вознаграждения, на которое имеют право, за всю свою трудовую деятельность. Помимо права на защиту посредством договорного регулирования труда, ориентированного на адекватное сглаживание дисбаланса сил сторон трудового договора, германская научная доктрина признает за лицами, похожими на работников, право на забастовку и обращение в суды с исками, вытекающими из условий тарифных договоров³¹.

К такого рода лицам чаще всего относятся музыканты, писатели, журналисты в телерадиовещании и иные субъекты, соответствующие указанным выше критериям. Как правило, интересующие нас гиг-работники не подпадают под статус лиц, похожих на работников, и поэтому формально лишаются защиты. Данное обстоятельство побудило германские профсоюзы выработать определенные подходы к решению проблемы ограничения права на коллективную защиту в условиях цифровизации рынка труда, сосредоточенные на двух ключевых аспектах:

— во-первых, это адаптация существующих форм участия гиг-работников в профсоюзной деятельности, а также сохранение традиционной для германской правовой системы производственной демократии, реализуемой через производственные советы. Примером достаточно эффективной адаптации может служить практика крупнейшего германского

²⁶ Also available in French: *La liberté syndicale. Compilation des décisions du Comité de la liberté syndicale*. Geneva, 2018. P. 70–71, 240.

²⁷ URL: <https://www.legal-tools.org/doc/927e98/pdf/> (дата обращения: 19.03.2025).

²⁸ Европейская социальная хартия прекратила действие в отношении России с 16 марта 2022 г. согласно Федеральному закону от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

²⁹ Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия. С. 31.

³⁰ *Tarifvertragsgesetz (TVG)* // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/tvg/___12a.html (дата обращения: 19.03.2025).

³¹ См.: *Tarifvertragsgesetz. Basiskommentar zum TVG* / P. Berg, M. Diersen, M. Heilmann [et al.]. Frankfurt am Mein : Bund-Verlag GmbH, 2017. S. 420.

профсоюза IG Metall по внедрению партнерского проекта Work 2020³², который охватывал более 50 компаний производственного сектора, почти 100 тыс. рабочих металлообрабатывающей промышленности и имел в качестве цели повышение информативности производственных советов о происходящих технологических изменениях. Мероприятия начались с комплексной оценки состояния цифровизации на рабочих местах, отраженной в специальных картах, после чего были определены вопросы, которые должны быть урегулированы совместными решениями работодателей и производственных советов путем заключения особых соглашений;

— во-вторых, это модернизация отраслевых тарифных договоров для защиты работников от сокращений в условиях массового использования промышленных роботов и генеративного искусственного интеллекта. В Германии такая практика выразилась в заключении так называемых тарифных договоров о цифровизации (*Digitalisierungstarifvertrag*), которые содержат комплексную систему экономических и правовых механизмов, направленных на сдерживание последствий цифровизации путем адаптации и поддержки работников, чья профессиональная деятельность подвергается существенной трансформации в результате внедрения цифровых технологий. Активно формирующаяся правоприменительная практика позволяет считать легитимными основаниями для заключения подобных тарифных договоров ситуации, когда из-за внедрения цифровых технологий существенно меняются требования к рабочим местам или условия на рабочем месте.

Модернизация аппаратного оборудования или обновление программного обеспечения, не сопровождающиеся качественными изменениями в организации труда, не воспринимаются как достаточные основания для заключения такого рода соглашений. Подоб-

ные практики в большей степени развиты в государственном секторе экономики, что объясняется тенденцией к активной замене работников на цифровые продукты для оказания публичных услуг. Примеры: договор между Федеральным министерством внутренних дел, строительства и коммунального хозяйства ФРГ и крупнейшим профессиональным союзом Ver.di, действующим в интересах полицейских, строителей, работников сельского хозяйства и охраны окружающей среды, образования и науки³³, а также договор между Ver.di, федеральным правительством земли Гессен и рядом компаний³⁴.

Служащим, чьи рабочие места были ликвидированы в результате цифровизации, тарифным договором о цифровизации обычно предлагается равноценная работа в том же или ином органе, а в случае снижения заработной платы гарантируются персональные надбавки. Основной мерой по обеспечению занятости служащих, чьи рабочие места затрагиваются внедрением алгоритмов и роботизацией (например, роботами-юристами, генерирующими договоры или судебные акты), безусловно, является повышение их квалификации либо профессиональная переподготовка.

Обучение по решению социальных партнеров реализуется с учетом потенциальной совместимости с выполняемой работой и семейными обязанностями (наличие детей, иных членов семьи, нуждающихся в уходе), которые зачастую служат препятствиями для учебы вне рабочего времени. Обучение в контексте договоров обычно определяется как обязанность обоих партнеров: бизнеса, за свой счет организующего учебу, и работников, претендующих на сохранение занятости, если их рабочие места были затронуты цифровыми процессами.

Тарифные договоры о цифровизации, помимо государственного сектора экономики, заключаются и в других сферах, например в торговле (*Adler, Esprit, H&M и Ikea*³⁵), где элек-

³² *Haipeter T.* Trade Unions and Digitalization in Germany // *Cuadernos de Relaciones Laborals*. 2022. № 40 (2). P. 301–323.

³³ *Digitalisierungstarifvertrag (DigiTV)* // URL: https://www.bmi.bund.de/RundschreibenDB/DE/2021/RdSchr_20210831.pdf?__blob=publicationFile&v=5 ; <https://www.verdi.de/++file++6253f5f21bf7a582b0324b2c/download/Digitalisierungs-Tarifvertrag.pdf> (дата обращения: 02.03.2025).

³⁴ См.: *Schulten T., Bispinck R., Lübker M.* Tarifverträge und Tariffucht in Hessen // URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/299260/1/1858237785.pdf> (дата обращения: 02.03.2025).

³⁵ *Dittmar N., Böhnke L., Truc N.* Digitalisierung und Tarifpolitik: Die Digitalisierung der Arbeitswelt und ihre tarifpolitische Gestaltung, 2023 // URL: https://www.boeckler.de/fpdf/HBS-008683/p_study_hbs_485.pdf (дата обращения: 02.03.2025).

тронные терминалы всё чаще заменяют продавцов-консультантов при обслуживании покупателей, активно развивается онлайн-доставка и роботизированная комплектация заказов в магазинах.

Конечно же, такие договоры не ликвидируют всей неопределенности последствий цифровизации труда, более того, замена аналоговых процессов цифровыми компетенциями может привести к дилемме для работников: либо повышение квалификации с последующей интенсификацией труда или расширением функциональных обязанностей до уровня, превышающего текущие квалификационные требования, либо увольнение в связи с экономической нецелесообразностью сохранения невостребованного рабочего места. Тем не менее существующие правовые механизмы, направленные на поддержание занятости, могут служить для работников стимулом к обучению.

На первый взгляд сходно с германской системой законодательство Польши, гарантирующее право на объединение в профсоюзы платформенным занятым. Однако в стране отсутствуют особые гарантии против использования гражданско-правовых договоров для привлечения рабочей силы или услуг, а Верховный суд придерживается позиции права сторон выбирать форму трудоустройства³⁶. Типичные формы контрактов в Польше: на выполнение конкретной задачи (*umowa o dzieło*), на выполнение неуказанных задач (на обслуживание, *umowa zlecenia*). В результате такой либеральной интерпретации польский рынок труда стал отличаться высокой распространенностью нестандартных форм работы. По оценкам экспертов, не менее 1 млн занятых наняты исключительно по гражданским договорам, а около 3 млн работников трудятся как индивидуальные предприниматели, но фактически эти цифры могут быть намного выше³⁷.

После замечаний надзорных органов МОТ и постановления Конституционного трибунала Польши правительство в 2019 г. охватило Законом о профсоюзах лиц, не являющихся работниками, вне зависимости от их стажа, дохода и наличия договорных отношений с другими компаниями, и их работодателей.

Занятые на основе гражданских договоров лица могут быть защищены профсоюзом: им предоставляется возможность формировать смешанную (совместно с обычными работниками) или даже собственную профсоюзную организацию на уровне предприятия. Во многих вопросах такая организация обладает теми же коллективными правами, что и профсоюз работников, например инициирование и участие в коллективных переговорах по коллективному спору или забастовке³⁸.

В то же время исследователи отмечают неясность применения упомянутого Закона к самозанятым, среди которых имеется значительное количество гиг-работников, поскольку каждому такому лицу придется доказывать свою экономическую зависимость от провайдера интернет-платформы, и только после этого на него, вероятно, распространятся условия коллективного договора, а это процедура, требующая времени и усилий³⁹.

В силу сложившейся в стране правовой неопределенности ученые из Варшавского университета, отзываясь о польском законодательстве в части регулирования статуса профессиональных союзов гиг-работников и их права на коллективные переговоры, предлагают рассматривать его как иллюстрацию тезиса крупнейшего деятеля науки трудового права XX в. О. Кан-Фройнда о том, что «эффективность закона зависит скорее от реальной власти субъектов трудового права, чем от юридических решений»⁴⁰.

Эта ограниченность прав профсоюзов в отношении гиг-работников особенно заметна в контексте подхода, применявшегося антимоно-

³⁶ *Muskat-Gorska Z.* Polish Legislative Reform Tests a More Principled Approach to Collective Rights of Self-Employed Workers // *Comparative Labor Law & Policy Journal*. 2020. № 22. URL: <https://cllpj.law.illinois.edu/dispatches> (дата обращения: 02.03.2025).

³⁷ *Muskat-Gorska Z.* Op. cit.

³⁸ Art. 6, 26 and 33, Act of 23 May 1991 on the Settlement of Collective Labor Disputes (1991 r. DZ. U. Nr. 55 poz. 732) ; Art. 11 (1), Trade Unions Act of 23 May 1991, as amended by the Law of July 5, 2018 (1991 r. DZ. U. Nr. 55 poz. 725) // URL: https://natlex.ilo.org/dyn/natlex2/r/natlex/fe/details?p3_isn=22401 (дата обращения: 02.02.2025).

³⁹ *Novitz T. A.* Changes in Employment Status Under Austerity and Beyond — Implications for Freedom of Association // *Dublin University Law Journal*. 2016. № 39 (1). URL: <https://ssrn.com/abstract=2830472> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁰ *Boto J. M. M., Brameshuber E.* Op. cit. P. 211–225.

польными органами в ЕС и до недавнего времени существенно сужавшего возможности коллективных договоров с участием самозанятых, поскольку в результате широкого толкования статьи 101 Договора о функционировании ЕС⁴¹, запрещающей сделки, ограничивающие конкуренцию, заключение коллективных договоров данными субъектами толковалось как незаконные картельные соглашения.

Хотя коллективные договоры между работодателем (или работодателями) и работниками формально не подпадали под действие правил ЕС о конкуренции, суды зачастую относили самозанятых к числу предприятий, когда последние договаривались по вопросам вознаграждения за услуги. Это позволило признать, что «нестабильные условия труда многих самозанятых и других нестандартных работников явились результатом отсутствия у них доступа к коллективным переговорам»⁴².

В 2022 г. Еврокомиссия приняла Руководство по применению законодательства о конкуренции в отношении коллективных договоров⁴³, касающихся условий труда индивидуальных самозанятых. Руководство разъяснило, в каких случаях отдельные самозанятые вправе проводить коллективные переговоры об улучшении условий труда, не нарушая при этом правил конкуренции.

Это относится к самозанятым, находящимся в ситуации, «сопоставимой с работниками», то есть когда граждане:

— предоставляют услуги исключительно или преимущественно одному контрагенту (предприятию), то есть находятся в ситуации экономической зависимости, зарабатывая в среднем не менее 50 % от общего дохода, связанного с работой, от одного контрагента в течение периода в один или два года;

— выполняют одну и ту же или подобную работу бок о бок с работниками одного и того же предприятия;

— предоставляют свои услуги через цифровую платформу труда, например веб-сайт или приложение, организующее работу, выполняемую отдельными лицами.

Еще два случая, которые влекут неприменение правил ЕС о конкуренции в отношении коллективных договоров, заключенных самозанятыми, — это их слабая переговорная позиция, например когда существует дисбаланс в переговорных силах с экономически более сильными компаниями, а также ведение коллективных переговоров в соответствии с трудовым законодательством государства — члена ЕС, предоставляющим самозанятым определенных профессий такое право.

Снятие ненужных юридических препятствий для ведения переговоров с несамостоятельными самозанятыми позволило смягчить дисбаланс сил на рынке труда и положительно сказалось на условиях труда гиг-работников.

Коллективные трудовые права в условиях цифровизации на примере отдельных стран БРИКС

Рынок труда Индии претерпел множество изменений, связанных с перестройкой индустрии труда, появлением гиг-экономики, на которую приходится 1,5 % всех работников в стране. Несмотря на стремительный рост количества занятых в этой сфере, трудовое законодательство страны практически не защищает таких лиц. Статьей 19 Конституции⁴⁴ и Законом о профессиональных союзах⁴⁵ формально закреплено право на создание ассоциаций, включая профсоюзы, ведение коллективных переговоров. В отличие от некоторых европейских стран, где отдельные занятые посредством цифровых платформ признаются наемными работниками, в Индии ситуация иная.

⁴¹ Treaty on the Functioning of the European Union // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legisum:4301854> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴² *Schömann I.* Collective bargaining and the limits of competition law // URL: <https://www.etui.org/publications/collective-bargaining-and-limits-competition-law> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴³ Guidelines on applying EU competition law to collective agreements regarding the working conditions of solo self-employed persons, 2022 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/guidelines-on-applying-eu-competition-law-to-collective-agreements-regarding-the-working-conditions-of-solo-self-employed-persons.html?fromSummary=08> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁴ Конституция Индии. М., 1956. The Constitution of India. New Delhi, 1991.

⁴⁵ The Trade Unions Act, 1926 // URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/13322/1/trade_unions_act_1926.pdf (дата обращения: 02.03.2025).

В 2020 г. здесь принят Кодекс социального обеспечения⁴⁶, в котором определены следующие категории занятых:

— гиг-работники — занятые вне формата традиционных отношений «работодатель — наемный работник»;

— платформенные работники — работники, находящиеся вне формата традиционных отношений «работодатель — наемный работник», обращающиеся к организациям или частным лицам через онлайн-платформу и выполняющие работу или предоставляющие услуги за плату⁴⁷. Кодекс устанавливает сферы экономической деятельности, в которых могут функционировать платформы (перевозки, доставка еды и продуктов, услуги по созданию контента и мультимедиа, а также электронные торговые площадки). Предполагается, что платформа будет осуществлять некое социальное страхование занятых по ставке, установленной правительством в пределах 1–2 % от годового оборота платформы. Однако реализация системы гарантий занятым маловероятна ввиду рекомендательного характера норм Кодекса и отсутствия конкретных норм, устанавливающих порядок страхования. Таким образом, мы видим значительный дисбаланс в регулировании рынка гиг-услуг, поскольку, с одной стороны, экономика Индии может предложить до 350 млн рабочих мест с использованием онлайн-платформ до конца 2025 г., с другой — в этой стране отсутствуют правовые механизмы для отнесения гиг-работников хотя бы частично к числу субъектов трудового права и признания за ними права на создание профессиональных союзов⁴⁸.

Исследователи рынка труда Индии утверждают, что такая политика отражает понимание

правительством экономической ситуации государства, поскольку предоставление гиг-работникам трудовых гарантий вызовет сложности при последующем трудоустройстве на платформах⁴⁹ и может повлечь за собой снижение платформенной занятости, рост безработицы. Законодатель фактически подчинил право на объединение гиг-работников в профессиональные ассоциации (не профсоюзы) и ведение ими коллективных переговоров правилам Закона о конкуренции 2002 г.⁵⁰, позволил характеризовать таких субъектов как самостоятельные предприятия. Статья 3 Закона о конкуренции запрещает заключать антиконкурентные соглашения, подпадающие под следующие требования: субъекты соглашений — лица, занимающиеся экономической деятельностью; соглашение касается распределения товаров или предоставления услуг; соглашение оказывает или потенциально способно оказать ощутимое неблагоприятное воздействие на конкуренцию. Судебная практика в основном следует единообразному толкованию Закона. Например, рассматривая ряд дел⁵¹, Верховный суд Индии, руководствуясь соображениями защиты свободы рынка и несмотря на фактический вид деятельности ассоциации — ведение коллективных переговоров, отнес гиг-работников к субъектам предпринимательской деятельности, а их объединение квалифицировал как участников, объединившихся с целью воспрепятствования свободной конкуренции⁵², что в конечном итоге приводит к признанию любого коллективно-трудоугодного соглашения нарушающим конкуренцию.

В контексте признания права на объединение и ведение коллективных переговоров лишь за наемными работниками Верховный суд Ин-

⁴⁶ The Code on Social Security, 2020 // URL: <https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/16823/1/a2020-36.pdf> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁷ Платформенная занятость: определение и регулирование / авт. кол.: О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, А. П. Аптекарь [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2021. С. 25.

⁴⁸ Chirag H. B., Chandrappa U., Bhargav A. R. An Analysis of the Labour Rights of Gig Workers in India // URL: <https://ssrn.com/abstract=4558703> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴⁹ Chirag H. B., Chandrappa U., Bhargav A. R. Op. cit.

⁵⁰ The Competition Act, 2002 // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21552> (дата обращения: 02.03.2025).

⁵¹ Current Good Manufacturing Practice and Hazard Analysis and Risk-Based Preventive Controls for Food for Animals // URL: https://main.sci.gov.in/supremecourt/2014/22445/22445_2014_Order_24-Jan-2018.pdf ; <https://www.cci.gov.in/legal-framework/judgements/6/0> (дата обращения: 02.03.2025).

⁵² Kushwaha P., Bohra J. Reimagining Fairness: A Case for Collective Bargaining Rights of Gig Workers // The Contemporary Law Forum. URL: <https://tclf.in/2024/06/01/reimagining-fairness-a-case-for-collective-bargaining-rights-of-gig-workers/> (дата обращения: 02.03.2025).

дии запрещает забастовки гиг-занятых⁵³. Например, постановлением по делу *CCI v. Artistes & Technicians of W. B. Film & Television as Trade Unions* забастовка, организованная ассоциацией самозанятых посредством интернет-платформы артистов и художников, была признана незаконной как нарушающая права потребителей⁵⁴. В качестве ответных действий на подобные ограничения и в отсутствие организованных структур представительства работников онлайн-платформ индийские работники службы доставки и транспорта сформировали медиaprостранство в мессенджерах для обсуждения вопросов оплаты труда, коллективных переговоров и забастовок⁵⁵. После того как их работодатели совершили фактический локаут, деактивировав аккаунты объединившихся, гиг-работники обратились к помощи крупных индийских профсоюзов. Однако перспективы защиты коллективных трудовых прав в цифровой системе, особенно с учетом наличия различных социальных групп (например, касты), при существующих правовых подходах вызывают вопросы, что свидетельствует о необходимости создания новых форм организации представительства.

Индийские исследователи, отмечая дефект излишне либеральной трактовки норм о защите конкуренции, указывают на наличие проблемы правовой неопределенности в отношении гиг-занятых, порожденной размытыми границами между работником и независимым подрядчиком. Существующая ситуация может иметь далеко идущие негативные последствия как для благосостояния работников, так и для эффективности и инновационности индийского рынка, что требует пересмотра и реформирования антимонопольного режима для облегчения ведения коллективных переговоров с гиг-работниками в условиях развивающейся цифровой экономики.

Одновременно с обсуждением антимонопольного регулирования в других странах БРИКС вносятся значительные изменения в трудовое законодательство, что показательно прослеживается на опыте Бразилии, где реформа 2017 г., официально позиционирующаяся как мера борьбы с безработицей, привела к появлению в стране нового субъекта — самозанятого без трудовых отношений. Свод законов о труде пополнился такими видами трудовых договоров, как периодический (прерывистый) труд и временный трудовой контракт⁵⁶. В результате реформы занятые посредством цифровых платформ — водители, курьеры — могут быть наняты в качестве самозанятых. В то же время позиция Верховного суда по трудовым спорам однозначно свидетельствует об отсутствии между водителями такси и компаниями трудовых отношений ввиду предусмотренной гибкости, несовместимой с подчинением и трудовыми отношениями⁵⁷; анализ прочей практики судов по трудовым спорам Бразилии свидетельствует об отсутствии единого понимания квалификации отношений между работниками и платформами. В подавляющем большинстве случаев фактически трудовые отношения признаются автономными, поскольку суды в значительной степени акцентируют внимание на таких аспектах, как свобода, автономия, гибкость работы с помощью цифровых платформ, но при этом подчеркивают трансформацию труда под влиянием технологических инноваций, которая позволяет формально избегать признания этих отношений трудовыми⁵⁸.

Реформа 2017 г. коснулась также коллективных трудовых прав и установила приоритет норм коллективного договора над законом. В частности, при оценке положений договора суд должен исследовать только элементы юридической сделки (дееспособность субъектов,

⁵³ Gig Workers and Trade Unions: An Anti-trust Conundrum // URL: <http://gile.in/2024/07/24/gig-workers-and-trade-unions-an-anti-trust-conundrum/> (дата обращения: 02.03.2025).

⁵⁴ Supreme Court of India Competition Commission of India vs Co-Ordination Committee of Artists, 7 March, 2017 // URL: <https://indiankanoon.org/doc/118036852/> (дата обращения: 02.03.2025).

⁵⁵ Selvi S. K., Maheswari K. U., Kuriakose F. From granular to collective resistance: Rethinking workers' protests in digital cultures, 2021 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3963547 (дата обращения: 02.03.2025).

⁵⁶ Consolidação das Leis do Trabalho // URL: https://planalto.gov.br/ccivil_03/Decreto-Lei/Del5452.htm (дата обращения: 02.03.2025).

⁵⁷ Платформенная занятость: определение и регулирование. С. 25.

⁵⁸ Lobo M., César P. Impact of gig economy on employment status, 2021 // URL: <https://www.internationallawoffice.com/Newsletters/Employment Immigration/Brazil/CGM-Advogados/Impact-of-gig-economy-on-employment-status> (дата обращения: 02.03.2025).

его заключивших, соблюдение формы), а не непосредственное содержание акта, что заставляет задуматься о сохранении судебного контроля за стандартами труда. Реформа трудового законодательства положила конец обязательным профсоюзным взносам, ранее взимавшимся со всех работников вне зависимости от членства в общественном объединении, что вызывало вопросы об их законности и соответствии стандартам МОТ.

Вследствие политики либерализации регулирования труда число работников, связанных с профсоюзами, в последние годы сокращается, оно уже достигло самого низкого уровня за десятилетие. Впервые в стране численность членов профсоюзов снизилась до менее чем 10 % от всех занятых. Это соответствует контингенту в 9,1 млн сотрудников в 2022 г. Десятью годами ранее, в 2012 г., их было 14,4 млн — 16,1 % от общего числа занятых лиц⁵⁹. Таким образом, реформа законодательства спровоцировала расширение самозанятости в цифровой среде, что в дальнейшем послужило предпосылкой для ослабления профсоюзов в обстановке, когда право на объединение и ведение коллективных договоров принадлежит лишь занятым на условиях трудовых договоров.

В 2024 г. была предпринята попытка исправить ситуацию — разработан проект закона о регулировании деятельности таксистов, занятых посредством платформенных приложений. Законопроект устанавливал новую категорию «самозанятый работник на платформе» и характеризовал отношения между таксистом и платформой как посреднические, не вписывающиеся в существующее трудовое законодательство, а также регламентировал максимальное рабочее время, обязательства по социальному страхованию и минимальное вознаграждение за отработанный час, но получил критику со стороны исследователей, юристов и общественных активистов, которые усмотрели в его идеях сужение сферы применения трудового законодательства к платформенной занятости. В период, когда законодательное регулирование остается несовершенным, важную роль играют саморегулиро-

вание и коллективные действия гиг-работников. В Бразилии существуют ассоциации гиг-занятых, например Fembrapp (Федерация водителей онлайн-приложений), AMASP (Ассоциация водителей приложений Сан-Паулу), которые по своей форме тяготеют скорее к протопрофсоюзам, взявшим на себя функции по вовлечению занятых в общественную деятельность. Ассоциации заявляют о себе, проводя остановки работы платформ, отчасти похожие на забастовки, с выдвиганием требований об улучшении условий труда в части коррекции минимальных тарифов, комиссий⁶⁰. Эти действия, хотя и демонстрируют определенную активность гиг-работников, не могут полностью компенсировать общую тенденцию к ослаблению трудовых прав.

Завершить анализ правового регулирования коллективных трудовых отношений Бразилии можно цитатой из работы бразильского юриста профессора М. Г. Дельгадо, заметившего, что, несмотря на эвфемистические разговоры об упрощении, деbüroкратизации, рационализации и модернизации труда, факт остается фактом: инновации в подавляющем большинстве прямо или косвенно ослабляют трудовые права и гарантии⁶¹.

Заключение

На примерах отдельных европейских стран и государств — членов БРИКС мы рассмотрели существующий дисбаланс между глобальным ростом гиг-сектора и неудовлетворительной правовой защитой гиг- и платформенных работников, выраженной в неопределенности их трудового статуса, ограниченном признании права на объединение в профессиональные союзы и ведение коллективных переговоров, права на забастовки. Проблемы отдельных стран, особенно со средними доходами граждан (например, в ЕС — Польши, а также Бразилии, Индии), усиливаются двумя обстоятельствами: зачастую неконтролируемым развитием гиг-занятости и отсутствием или кризисом инструментов социального диалога. Указанные обстоятельства

⁵⁹ Número de trabalhadores sindicalizados no país cai ao menor nível em uma década // URL: <https://oglobo.globo.com/economia/noticia/2023/09/15/numero-de-trabalhadores-sindicalizados-no-pais-cai-ao-menor-nivel-em-uma-decada.ghtml> (дата обращения: 02.03.2025).

⁶⁰ Motoristas de aplicativos prometem parar no próximo dia 15 por falta de reajuste nos repasses // URL: <https://exame.com/brasil/motoristas-de-aplicativos-prometem-parar-no-proximo-dia-15-por-falta-de-reajuste-nos-repasses/> (дата обращения: 02.03.2025).

⁶¹ *Delgado M. J.* Curso de Direito do Trabalho. São Paulo : Direito, 2015. P. 105.

усугубляются видимым приоритетом экономической целесообразности над социальной защитой, поскольку предоставление коллективных трудовых прав зачастую оценивается как фактор, сдерживающий развитие рынка платформенных услуг, угроза для роста тарифов и надуманное нарушение прав потребителей услуг онлайн-платформ.

Проведенный автором статьи анализ доктрины, законодательства и некоторых статистических данных показывает, что развитость коллективно-договорных механизмов защиты трудовых прав в условиях цифровизации в различных юрисдикциях зависит от комплекса взаимосвязанных факторов: специфики проводимой социальной политики, состояния рынка труда (включая численность трудоспособного населения), зрелости институтов гражданского общества (профессиональных союзов, ассоциаций) и уровня экономического развития.

Подводя итог сказанному, сформулируем несколько предложений по развитию коллективных трудовых отношений в контексте цифровизации:

1. Дальнейшее предоставление самозанятым, к которым в различных правовых порядках обычно относят гиг-работников, права на создание профессиональных союзов, членство в них и ведение коллективных переговоров, что

следует из положений конвенций МОТ «Относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию», «Относительно применения принципов права на организацию и заключение коллективных договоров», «О защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе» и «О содействии коллективным переговорам», а также позиции Комитета по свободе объединения МОТ.

2. Поощрение коллективно-договорного регулирования условий труда, порожденных его цифровизацией, включением в тарифные (коллективные) договоры положений о поддержке занятости при оцифровке организационных или технологических процессов (переобучение, повышение квалификации), что особенно актуально в сфере государственных услуг, наиболее подверженных тенденции алгоритмизации принятия решений, приводящей к постепенному исключению человеческого фактора и сокращению персонала.

3. Разработка новых методов вовлечения гиг-занятых в коллективные переговоры, например использование цифровых инструментов для организации голосований, опросов и консультаций с работниками, а также создание профсоюзных интернет-платформ для обмена информацией и координации действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лютов Н. Л. Влияние нетипичных форм занятости на социально-экономическое развитие // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 1. С. 43–50.

Лютов Н. Л. Платформенная занятость: проект новой директивы ЕС и нормы России и Казахстана // Закон. 2022. № 10. С. 72–81.

Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия / Международное бюро труда. Женева : МБТ, 2017. 39 с.

Платформенная занятость: определение и регулирование / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, А. П. Аптекарь [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 78 с.

Aloisi A., Stefano V. Introduction — Your Boss Is an Algorithm. Artificial Intelligence, Platform Work and Labor // URL: <https://ssrn.com/abstract=4139319> (дата обращения: 02.01.2024).

Aranguiz A. Spain's platform workers win algorithm transparency, 18th March 2021 // URL: <https://www.socialeurope.eu/spains-platform-workers-win-algorithm-transparency> (дата обращения: 14.02.2025).

Bales R. A., Van Wezel Stone K. The Invisible Web at Work: Artificial Intelligence and Electronic Surveillance in the Workplace // Journal of Employment and Labour Law. 2020. № 41 (1). P. 1–62.

Boto J. M. M., Brameshuber E. Collective Bargaining and the Gig Economy: A Traditional Tool for New Business Models. London : Hart, 2022. 294 p.

Chirag H. B., Chandrappa U., Bhargav A. R. An Analysis of the Labour Rights of Gig Workers in India // URL: <https://ssrn.com/abstract=4558703> (дата обращения: 02.03.2025).

Countouris N., Stefano V. The Labour Law Framework: Self-Employed and Their Right to Bargain Collectively // Bulletin of comparative labour relations. 2021. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3763214 (дата обращения: 02.03.2025).

- Däubler W.* Challenges to Labour Law // *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2016. № 1. P. 189–203.
- Delgado M. G.* *Curso de Direito do Trabalho*. São Paulo : Direito, 2015. 1555 p.
- Dittmar N., Böhnke L., Truc N.* Digitalisierung und Tarifpolitik: Die Digitalisierung der Arbeitswelt und ihre tarifpolitische Gestaltung, 2023 // URL: https://www.boeckler.de/fpdf/HBS-008683/p_study_hbs_485.pdf (дата обращения: 02.03.2025).
- Dukes R.* Critical Labour Law: Then and Now, April 18, 2018 // *Research Handbook on Critical Legal Theory / E. Christodoulidis, R. Dukes, M. Goldoni (eds). Edward Elgar, 2019*. URL: <https://ssrn.com/abstract=3676355> (дата обращения: 02.02.2025).
- Haipeter T.* Trade Unions and Digitalization in Germany // *Cuadernos de Relaciones Laborals*. 2022. № 40 (2). P. 301–323.
- Kullmann M.* Discriminating Job Applicants Through Algorithmic Decision-Making, 2019 // URL: <https://ssrn.com/abstract=3373533> (дата обращения: 14.02.2025).
- Kushwaha P., Bohra J.* Reimagining Fairness: A Case for Collective Bargaining Rights of Gig Workers // *The Contemporary Law Forum*. URL: <https://tclf.in/2020/06/01/reimagining-fairness-a-case-for-collective-bargaining-rights-of-gig-workers/> (дата обращения: 02.03.2025).
- Lobo M., César P.* Impact of gig economy on employment status, 2021 // URL: <https://www.internationallawoffice.com/Newsletters/Employment-Immigration/Brazil/CGM-Advogados/Impact-of-gig-economy-on-employment-status> (дата обращения: 02.03.2025).
- Muskat-Gorska Z.* Polish Legislative Reform Tests a More Principled Approach to Collective Rights of Self-Employed Workers // *Comparative Labor Law & Policy Journal*. 2020. № 22. URL: <https://cllpj.law.illinois.edu/dispatches> (дата обращения: 02.03.2025).
- Novitz T. A.* Changes in Employment Status Under Austerity and Beyond — Implications for Freedom of Association // *Dublin University Law Journal*. 2016. № 39 (1). URL: <https://ssrn.com/abstract=2830472> (дата обращения: 02.03.2025).
- Schömann I.* Collective bargaining and the limits of competition law // URL: <https://www.etui.org/publications/collective-bargaining-and-limits-competition-law> (дата обращения: 02.03.2025).
- Schulten T., Bispinck R., Lübker M.* Tarifverträge und Tarifflicht in Hessen // URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/299260/1/1858237785.pdf> (дата обращения: 02.03.2025).
- Selvi S. K., Maheswari K. U., Kuriakose F.* From granular to collective resistance: Rethinking workers' protests in digital cultures, 2021 // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3963547 (дата обращения: 02.03.2025).
- Stefano V.* Master and Servers: Collective Labour Rights and Private Government in the Contemporary World of Work // *International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations*. 2020. № 36 (4). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3675082 (дата обращения: 05.03.2025).
- Stefano V., Kountouris N.* Lifting the Private-Law Veil: Employer Authority and the «Contractual-Coating» of Worker Subordination // *Comparative Labor Law & Policy Journal*. 2024. № 3 (44). P. 274–305.
- Stefano V., Taes S.* Algorithmic Management and Collective Bargaining // *Osgoode Legal Studies*. 2022. Research Paper № 4441619. URL: <https://ssrn.com/abstract=4441619> (дата обращения: 05.03.2025).
- Stylogiannis C.* Freedom of Association and Collective Bargaining in the Platform Economy: A Human Rights-Based Approach and An Over Increasing Mobilization of Workers // *International Labour Review Journal*. 2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=3959155> (дата обращения: 05.03.2025).
- Tarifvertragsgesetz. Basiskommentar zum TVG / P. Berg, M. Diersen, M. Heilmann [et al.]. Frankfurt am Main : Bund-Verlag GmbH, 2017. 420 S.*
- Tavits G.* Collective Labour Relations and Digital Economy — Do They Co-exist? // *Trends in the Development of Private Law, Challenges and Further Improvements*. 2024. P. 412–424. URL: <https://doi.org/10.22364/iscful.7.2.33> (дата обращения: 02.03.2025).
- Weiss M.* *A Legal Scholar without Borders. Selected Writings and Some Reflections on the Future of Labour Law*. ADAPT University Press, 2022. 309 p.

REFERENCES

- Aloisi A, Stefano DeV. Introduction — Your Boss Is an Algorithm. Artificial Intelligence, Platform Work and Labor. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4139319> [Accessed 02.01.2025].
- Aranguiz A. Spain's platform workers win algorithm transparency, 18th March 2021. Available at: <https://www.socialeurope.eu/spains-platform-workers-win-algorithm-transparency> [Accessed 14.02.2025].
- Bales RA, Stone K Van Wezel. The Invisible Web at Work: Artificial Intelligence and Electronic Surveillance in the Workplace. *Journal of Employment and Labour Law*. 2020;41(1):1-62.
- Berg P, Diersen M, Heilmann M, Kocher E, Schumann D, Wankel S. Tarifvertragsgesetz. Basiskommentar zum TVG. Frankfurt am Mein: Bund-Verlag GmbH; 2017.
- Boto JMM, Brameshuber E. Collective Bargaining and the Gig Economy: A Traditional Tool for New Business Models. London: Hart; 2022.
- Chirag HB, Chandrappa U, Bhargav AR. An Analysis of the Labour Rights of Gig Workers in India. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4558703> [Accessed 02.03.2025].
- Countouris N, Stefano DeV. The Labor Law Framework: Self-Employed and Their Right to Bargain Collectively. Bulletin of comparative labor relations. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3763214 [Accessed 02.03.2025].
- Däubler W. Challenges to Labour Law. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*. 2016;1:189-203.
- Delgado MJ. Curso de Direito do Trabalho. 2015.
- Dittmar N, Böhnke L, Truc N. Digitalisierung und Tarifpolitik: Die Digitalisierung der Arbeitswelt und ihre tarifpolitische Gestaltung, 2023. Available at: https://www.boeckler.de/fpdf/HBS-008683/p_study_hbs_485.pdf [Accessed 02.03.2025].
- Dukes R. Critical Labour Law: Then and Now (April 18, 2018). Emiliios Christodoulidis, Ruth Dukes, Marco Goldoni (eds.). Research Handbook on Critical Legal Theory (Edward Elgar 2019). Available at: <https://ssrn.com/abstract=3676355> [Accessed 02.02.2025].
- Haipeter T. Trade Unions and Digitalization in Germany. *Cuadernos de Relaciones Laborals*. 2022;40(2):301-323.
- Selvi SK, Maheswari KU, Kuriakose F. From granular to collective resistance: Rethinking workers' protests in digital cultures. 2021. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3963547 [Accessed 02.03.2025].
- Kullmann M. Discriminating Job Applicants Through Algorithmic Decision-aking. 2019. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3373533> [Accessed 14.02.2025].
- Kushwaha P, Bohra J. Reimagining Fairness: A Case for Collective Bargaining Rights of Gig Workers. The Contemporary Law Forum. Available at: <https://tclf.in/20Durri4/06/01/reimagining-fairness-a-case-for-collective-bargaining-rights-of-gig-workers/> [Accessed 02.03.2025].
- La liberté syndicale. Compilation des décisions du Comité de la liberté syndicale. Geneva; 2018.
- Lobo M, César P. Impact of gig economy on employment status. 2021. Available at: <https://www.internationalallawoffice.com/Newsletters/EmploymentImmigration/Brazil/CGM-Advogados/Impact-of-gig-economy-on-employment-status> [Accessed 02.03.2025].
- Lyutov NL. Platform employment: The draft of a New EU Directive and the norms of Russia and Kazakhstan. *Zakon [Law]*. 2022;10:72-81. (In Russ.).
- Lyutov NL. The impact of atypical forms of employment on socio-economic development. *The standard of living of the population of the Russian regions*. 2020;16(1.126):43-50. (In Russ.).
- Muskat-Gorska Z. Polish Legislative Reform Tests a More Principled Approach to Collective Rights of Self-Employed Workers. 2020;22. Available at: <https://cllpj.law.illinois.edu/dispatches> [Accessed 02.03.2025].
- Non-Standard Forms of Employment. Analysis of Problems and Prospects for Solutions in Different Countries. The Review. International Labour Office. Geneva: ILO. 2017. (In Russ.).
- Novitz TA. Changes in Employment Status Under Austerity and Beyond — Implications for Freedom of Association (May 7, 2016). *Dublin University Law Journal*. 2016;39(1). Available at: <https://ssrn.com/abstract=2830472> [Accessed 02.03.2025].
- Schömann I. Collective bargaining and the limits of competition law. Available at: <https://www.etui.org/publications/collective-bargaining-and-limits-competition-law> [Accessed 02.03.2025].
- Schulten T, Bispinck R, Lübker M. Tarifverträge und Tariffucht in Hessen. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/299260/1/1858237785.pdf> [Accessed 02.03.2025].

Sinyavskaya OV, Biryukova SS, Aptekar AP, Gorvat ES, Grishchenko NB, (team of contributors). Platform Employment: Definition and Regulation. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2021. (In Russ.).

Stefano DeV, Kountouris N. Lifting the Private-Law Veil: Employer Authority and the «Contractual-Coating» of Worker Subordination. *Comparative Labor Law & Policy Journal*. 2024;3(44):274-305.

Stefano DeV, Taes S. Algorithmic Management and Collective Bargaining. Osgoode Legal Studies Research Paper No. 4441619. 2022. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4441619> [Accessed 02.03.2025].

Stefano DeV. Master and Servers: Collective Labour Rights and Private Government in the Contemporary World of Work. *International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations*. 2020;36(4). Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3675082 [Accessed 05.03.2025].

Stylogiannis C. Freedom of Association and Collective Bargaining in the Platform Economy: A Human Rights-Based Approach and An Over Increasing Mobilization of Workers. *International Labor Review Journal*. 2021. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3959155> [Accessed 05.03.2025].

Tavits G. Collective Labour Relations and Digital Economy — Do They Co-exist? Trends in the Development of Private Law, Challenges and Further Improvements. P. 412–424.

Weiss M. A Legal Scholar without Borders. Selected Writings and Some Reflections on the Future of Labour Law. ADAPT University Press; 2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Избиенова Татьяна Александровна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета по научной и проектной работе, доцент кафедры частного права России и зарубежных стран Марийского государственного университета д. 1, пл. Ленина, г. Йошкар-Ола 424000, Российская Федерация
nfnf1978@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana A. Izbienova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Law for Research and Project Work, Associate Professor, Department of Private Law of Russia and Foreign Countries, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation
nfnf1978@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 10 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 27 марта 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2026 г.

Received 10.03.2025.

Revised 27.03.2025.

Accepted 15.04.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.109-119

Т. В. Дерюгина
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
г. Москва, Российская Федерация

Правовая природа ограничения права на судебную защиту обладателя цифровой валюты

Резюме. Введение в законодательство положения о возможности лишения обладателя цифровой валюты права на судебную защиту породило множество проблем теоретического и практического характера. Определение законодателем сущности этого явления как ограничения права не соответствует правовой природе ограничений. Анализ доктринальных подходов к пониманию ограничения субъективного гражданского права, позволивший выделить признаки ограничений, показал, что цель контроля государства за уплатой налогов не может рассматриваться как основание установления ограничения. Сравнительная анализируемая санкция с отказом в защите права, автор указывает на их различие. Сходное умозаключение делается и при сравнении с натуральными обязательствами. Подчеркивается, что введенный запрет нарушает баланс интересов субъектов гражданского права, признавая за ними при равных условиях разные правовые возможности на судебную защиту субъективного права. Эта конструкция противоречит принципам гражданского права. Анализируемая норма регулирует входящие в предмет гражданского права отношения, возникающие между субъектами для удовлетворения их частных интересов. Вследствие этого встраивание в их частноправовые отношения публичного интереса выглядит нелогичным. Поскольку такая дефиниция лишает субъекта гражданских правоотношений права на судебную защиту, допускает дисбаланс публичного и частного интересов, а также частных интересов обладателей цифровой валюты, принадлежащих к разным группам субъектов, наделяя их разными правовыми возможностями, делается вывод о необходимости исключения данного правила из законодательства.

Ключевые слова: право на защиту; отказ в защите права; ограничение права; цифровая валюта; судебная защита права; натуральное обязательство; публичный интерес; частный интерес; баланс интересов; способы защиты

Для цитирования: Дерюгина Т. В. Правовая природа ограничения права на судебную защиту обладателя цифровой валюты. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 109–119. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.109-119

The Legal Nature of Restricting the Right to Judicial Protection for Digital Currency Holders

Tatyana V. Deryugina
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot
Moscow, Russian Federation

Abstract. The introduction into legislation of a provision allowing for the deprivation of a digital currency holder's right to judicial protection has given rise to numerous theoretical and practical issues. The legislator's definition of this phenomenon as a restriction of law does not align with the legal nature of the restrictions. An analysis of doctrinal approaches to understanding the restriction of subjective civil rights, which made it possible to identify the characteristics of restrictions, has shown that the goal of state control over tax payment cannot be regarded as a basis for imposing a restriction. Comparing the sanction in question with the denial of legal protection reveals a distinction between the two. A similar conclusion is drawn when comparing it with natural obligations. It is argued that the introduced prohibition upsets the balance of interests among civil law subjects, recognizing, under equal conditions, different legal possibilities for judicial protection of subjective rights. The introduction of

© Дерюгина Т. В., 2026

this construction violates the principles of civil law. The analyzed norm regulates relationships falling within the subject matter of civil law, arising between parties in pursuit of their private interests. Consequently, embedding a public interest into their private-law relationships appears inconsistent. Given that this definition deprives a party to civil legal relations of the right to judicial protection, permits an imbalance between public and private interests, as well as between the private interests of digital currency holders belonging to different groups of parties, granting them different legal possibilities, the conclusion is drawn that this rule should be excluded from current legislation.

Keywords: right to protection; denial of legal protection; restriction of the right; digital currency; judicial protection of the right; natural obligation; public interest; private interest; balance of interests; methods of protection

Cite as: Deryugina TA. The Legal Nature of Restricting the Right to Judicial Protection for Digital Currency Holders. *Lex russica*. 2026;79(5):109-119. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.109-119

Введение

Конституция РФ гарантирует право на судебную защиту. Традиционно для отрасли конституционного права норма сформулирована императивно и не допускает изменения данного правила ни законом, ни иными правовыми актами. В то же время часть 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает возможность ограничения прав в строго обозначенных случаях, связанных с защитой государства (основ конституционного строя, обороны и безопасности), общества (нравственности, здоровья), прав и законных интересов других лиц. Установление ограничений допустимо только в федеральном законе (здесь и далее важно различать ограничения в силу ст. 55 Конституции РФ и ограничения право-, дееспособности — это категории разнорядковые, хотя законодатель и использует один термин).

Как следует из приведенной нормы, установление ограничений возможно в целях защиты публичных и частных интересов. При этом если понятие частного интереса, исходя из избранных Основным Законом формулировок, можно толковать достаточно широко, то публичный интерес ограничен защитой основ конституционного строя, обороной и безопасностью.

В статье 1 Гражданского кодекса РФ указанная дефиниция повторяется применительно к гражданским правам. Очевидно руководствуясь этими положениями, авторы Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых

финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее — Закон о цифровых финансовых активах) в ч. 6 ст. 14 ограничивают право на судебную защиту для обладателя цифровой валюты, не поставившего в известность о таком обладании или совершении сделки с цифровой валютой уполномоченный орган.

Такой подход законодателя нашел отражение и в судебной практике, где данное положение квалифицируется как ограничение права².

Однако толкование указанной нормы вызывает ряд проблем как теоретического, так и практического характера. В частности, важно определить правовую природу отказа в судебной защите прав обладателя цифровой валюты при невыполнении им обязанности уведомления уполномоченного органа. Относится ли такой отказ к ограничениям субъективного гражданского права на защиту или в целом можно говорить о лишении права на защиту? Следует ли отнести такое правоотношение к натуральным обязательствам? Не противоречит ли установленное правило принципам гражданского права? Не ставит ли законодатель публичный интерес, связанный с контролем за уплатой налогов, выше частного интереса обладателей цифровой валюты?

На эти и другие вопросы необходимо ответить в первую очередь на доктринальном уровне, чтобы создать фундамент для дальнейшего совершенствования правового регулирования

¹ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

² См.: решение Волоколамского городского суда Московской области от 16.12.2024 по делу № 2-19310/2024 (УИД 50RS0004-01-2024-003140-15) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025); кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.07.2024 по делу № 77-2735/2024 (УИД 55RS0004-01-2022-003176-41) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025); решение Ленинского районного суда города Барнаула от 13.02.2025 по делу № 2-224/2025 (УИД 74RS0002-01-2024-005716-38) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025).

отношений, возникающих в процессе гражданского оборота цифровой валюты.

Об отказе в судебной защите права обладателя цифровой валюты и ограничениях гражданских прав

В научной литературе под ограничением права понимают сужение объема права³, либо объема возможностей, являющихся содержанием права⁴, либо дозволений в праве⁵. Некоторые авторы полагают, что сущность ограничений заключается не в сужении правомочий, а в невозможности осуществить право⁶ либо сужении возможностей осуществления права⁷.

Безусловно, цель установления ограничений — соблюдение баланса интересов, при этом не только публичного и частного, но и различных частных интересов, что прямо вытекает из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Конституционный Суд РФ верно отмечает, что цель установления ограничений обусловлена «необходимостью защиты конституционно значимых ценностей»⁸: жизни, здоровья, права на труд, свободу передвижения, судебную защиту и пр.

Цель ограничений является определяющей для их установления, в силу чего указанные цели предусмотрены в Основном Законе страны и получили развитие в других федеральных законах. Независимо от того, какую позицию мы займем в дискуссии о сущности ограничений, сужение ли это объема права, возможностей или установление границ осуществления права, установление таких запретов должно быть нацелено на охрану особо важных для государства, общества либо частных лиц прав и свобод.

Впрочем, мы согласны с последним утверждением: ограничение права не сужает объем правомочий, входящих в право, не лишает лицо какого-то из правомочий, но уменьшает возможности осуществления права, что выражается в форме запретов на совершение какого-либо действия либо совокупности действий. Ограничение не несет в себе никакого права, оно сдерживает его обладателя от определенного поведения. Например, ограничение вещного права владельца или собственника, направленное на неизменение целевого назначения земельного участка. Очевидно, что собственник или иной владелец сохраняет все свои правомочия, входящие в содержание права (владение, пользование, распоряжение или владение и пользование), однако он, осуществляя указанные правомочия, должен воздержаться от действий, связанных с изменением целевого назначения земельного участка.

Ограничение права в контексте способа правового регулирования всегда выражается в форме запрета.

Впрочем, у такого подхода есть оппоненты, полагающие, что ограничение может быть установлено в форме обязанности⁹. Подобная позиция нашла место и в ГК РФ, в ст. 1007 и 1033. Анализ показывает, что во всех случаях авторы и закон ведут речь о воздержании от совершения какого-либо действия. С точки зрения способа правового регулирования воздержание от действий достигается при помощи установления запрета. Впрочем, здесь авторы могут руководствоваться теорией активной (необходимости совершения действия) и пассивной (необходимости воздержания от действия) обязанности. Имеется в виду установление ограничения в форме пассивной обязанности.

³ См.: Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву : круглый стол журнала «Государство и право» / подготовлен Л. А. Морозовой // Государство и право. 1998. № 7. С. 20–42.

⁴ См.: Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2003.

⁵ См.: Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1989. С. 46.

⁶ См.: Курдиновский В. И. Об ограничениях права собственности на недвижимое имущество по закону (по русскому праву). Одесса, 1904. С. 21.

⁷ См.: Камышанский В. П. Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 9–10.

⁸ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скояновой и В. М. Ширяева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3. С. 56.

⁹ См.: Микрюков В. А. Ограничения и обременения гражданских прав. М. : Статут, 2007. С. 41.

Ограничения могут быть установлены только федеральным законом, то есть они изначально заложены в нормах объективного права и распространяются на неопределенный или определенный, но не конкретизированный круг субъектов (как в случае с цифровой валютой — на обладателей цифровой валюты). Исходя из того, что ограничения — это категория объективного права и что они определяются законом, их установление не зависит от воли и волеизъявления обладателей субъективных прав, последние лишь подчиняются запрету на совершение определенных действий. По сути, ограничение формирует границы объективного права на стадии его создания (правотворчества).

Посмотрим с приведенной выше позиции на ограничение права на судебную защиту обладателя цифровой валюты.

Толкование ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах позволяет говорить о том, что цель введения такой нормы связана с необходимостью осуществления налогового контроля. Сходное мнение отражено и в судебных актах, которые соотносят установление ограничения на судебную защиту с потребностью в охране публичного интереса, направленного на контроль за уплатой налогов¹⁰.

В научной литературе установление данного правила иногда обосновывают необходимостью обеспечения выполнения обязанности по уплате налогов¹¹. В разъяснениях Министерства финансов РФ¹² и Федеральной налоговой службы¹³ содержится аналогичная мысль.

Но если мы посмотрим на указанную норму системно, в сопоставлении с частью 5 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах, то отметим, что, во-первых, ограничение права на судебную защиту распространяется не на всех субъектов, а во-вторых, необходимость уведомления возникает только в момент, когда право нарушено и его обладатель обращается за судебной защитой. Вряд ли такой подход можно

расценивать как контроль государства за уплатой налогов.

В любом случае цель установления этого правила связана с охраной и реализацией публичного интереса, что, на первый взгляд, диссонанса с целями установления ограничений, закрепленными в ст. 55 Конституции РФ, не вызывает.

Однако это не так. Выше мы уже упомянули, что в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ публичные интересы, для охраны которых могут устанавливаться ограничения, касаются только защиты основ конституционного строя (которые определяются главой 1), обороны и безопасности государства. Как представляется, контроль за уплатой налогов вряд ли может рассматриваться в рамках необходимости защиты перечисленных выше конституционных ценностей, а значит, не может и выступать целью установления ограничений гражданских прав. Таким образом, данная норма Конституции РФ не создает правовой основы для введения ограничения на судебную защиту прав обладателя цифровой валюты.

Очевидно, что если бы цель установления ограничения на судебную защиту обладателя цифровой валюты была связана с потребностью государства осуществлять контроль за ее оборотом, то стоило бы говорить о защите конституционных ценностей. Отсутствие такого контроля может привести к использованию цифровой валюты в коррупционных схемах, отмыванию доходов, террористической и иной подобной деятельности, что вынуждает любое государство повысить контроль за ее оборотом. Но, как мы уже сказали выше, норма действует в отношении определенного круга лиц и не во всех случаях обладания цифровой валютой, что создает дисбаланс интересов участников гражданских правоотношений.

Понуждая субъекта права к легализации обладания цифровой валютой, государство вводит условие, невыполнение которого влечет

¹⁰ См.: решение Волоколамского городского суда Московской области от 16.12.2024 по делу № 2-19310/2024 (УИД 50RS0004-01-2024-003140-15) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025).

¹¹ См.: *Холод Г. В.* Проблемы правового регулирования цифровой валюты в Российской Федерации // *Право и бизнес.* 2024. № 3. С. 33–38.

¹² См.: письмо Минфина России от 28.12.2021 № 03-04-05/107093 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025).

¹³ Письмо ФНС России от 04.06.2018 № БС-4-11/10685@ «О порядке налогообложения доходов физических лиц» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025); письмо ФНС России от 27.11.2019 № СД-4-3/241672 «О разъяснениях налогового законодательства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025).

умаление права на судебную защиту: обладатель цифровой валюты должен совершить активные действия (уведомить уполномоченные органы), чтобы преодолеть положение, закрепленное в ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах. Но совершение активных действий не составляет существо ограничений. Впрочем, и по способу правового регулирования норма сформулирована не в форме запрета.

В анализируемом случае субъективное право на защиту ограничено выполнением определенного условия (уведомление уполномоченного органа). Но такой подход не согласуется с теорией субъективного права, включающей право на защиту в его содержание¹⁴.

Ограничение права сужает возможности его осуществления, не лишая при этом обладателя самого права. Здесь же, по сути, мы видим лишение права на судебную защиту, а не его ограничение.

Аналогичная позиция отражена и в научной литературе. В частности, Е. Н. Абрамова верно отмечает, что законодатель в качестве общего устанавливает правило о лишении судебной защиты. Возможность же ее получения в результате уведомления уполномоченного органа — исключение из общего правила¹⁵.

Совершенно очевидно, что лишение права не подпадает под действие ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Лишение обладателя цифровой валюты права на судебную защиту и отказ в защите права в порядке статьи 10 ГК РФ

Не можем мы говорить здесь и об отказе в защите права в порядке ст. 10 ГК РФ. Хотя в некоторых актах суды, комментируя ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах, подчеркивают именно отказ в судебной защите права¹⁶.

Отказ в защите права — это специальная санкция, предусмотренная за нарушение пре-

делов осуществления гражданских прав (злоупотребление правом, обход закона с противоправной целью и пр.). По своей сути отказ в защите права — это лишение права, ибо право без защиты — фикция. Основания для применения этой санкции перечислены в ст. 10 ГК РФ и касаются осуществления субъективного права в противоправных целях (например, причинение вреда другим субъектам гражданского оборота, обход закона, ограничение конкуренции). Однако отсутствие уведомления уполномоченных органов и основания для отказа в защите права, предусмотренные в ст. 10 ГК РФ, — разные правовые явления.

Во-первых, уведомление уполномоченных органов по своей правовой природе относится к публично-правовым обязанностям, тогда как статья 10 ГК РФ ведет речь сугубо о гражданско-правовых явлениях, связанных со злоупотреблением субъективным гражданским правом. Соответственно, неверно применять гражданско-правовую санкцию за невыполнение публичной обязанности.

Во-вторых, отказ в защите права в рамках ст. 10 ГК РФ — это, пожалуй, самая серьезная санкция, лишаящая субъективное право правовой защиты. В этом смысле норма ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах говорит только о лишении судебной защиты, при этом сторона может воспользоваться способами защиты субъективных гражданских прав, закрепленными в ст. 12 ГК РФ.

В-третьих, отказ в защите права как гражданско-правовая санкция направлен против управомоченного лица — обладателя субъективного гражданского права, тогда как в случае отказа в защите права обладателя цифровой валюты эта санкция традиционно направлена против обязанного лица (лица, не выполнившего обязанность по информированию компетентных органов).

В-четвертых, отсутствие уведомления может и не иметь противоправной цели, но та-

¹⁴ См.: Дерюгина Т. В., Чеговадзе Л. А. Догматика содержания субъективного права и проблемы его судебной защиты // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2021. № 2. С. 22–40.

¹⁵ См.: Абрамова Е. Н. К вопросу о понятии криптовалюты: проблемы терминологии и формирования дефиниции // Банковское право. 2021. № 2. С. 19–27.

¹⁶ См.: решение Савеловского районного суда города Москвы от 13.11.2023 по делу № 2-9249/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2025); апелляционное определение Московского городского суда от 06.06.2024 по делу № 33-19434/2024 (УИД 77RS0023-02-2023-014575-46) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2025); определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2024 по делу № 88-23350/2024 (УИД 77RS0023-02-2023-014575-46) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025).

кое бездействие приведет к отказу в судебной защите.

Другими словами, даже если лицо не намеревалось избежать уплаты налогов, связанных с обладанием цифровой валютой, его право всё равно будет лишено судебной защиты при невыполнении обязанности информирования уполномоченного органа. Это очень опасная ситуация.

Анализ судебной практики свидетельствует, что обычно отсутствие уведомления продиктовано непониманием обладателем цифровой валюты порядка его направления¹⁷, что обусловлено проблемами в правовом регулировании этих общественных отношений.

До настоящего времени специальный порядок направления уведомления об обладании цифровой валютой или сделках с ней не определен.

Только в 2024 г. принято постановление Правительства РФ от 01.11.2024 № 1466 об информировании о получении цифровой валюты в результате майнинга¹⁸. Но это лишь один из случаев оборота цифровой валюты.

В отсутствие четкого специального регулирования при одинаковых исходных данных суды принимают разные решения.

Так, в одном из судебных дел уведомление в форме заявления было направлено в ФНС России, однако суд указал, что оно не может быть расценено как информирование уполномоченного органа о сделках с цифровой валютой в порядке ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах¹⁹. Суд аргументировал свою позицию

отсутствием в Налоговом кодексе РФ специальных норм о налогообложении доходов от оборота цифровой валюты, что предполагает обращение к общим нормам о налогообложении физических лиц, а значит, надлежащим уведомлением следует считать декларацию о налоге на доходы физических лиц.

Такая ситуация порождена в первую очередь отсутствием должного правового регулирования оборота цифровой валюты. Вводя требование в ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах, законодатель связал информирование об обладании или сделках с цифровой валютой с порядком, установленным законодательством о налогах и сборах. При этом в норме говорится именно об информировании, а не об уплате налогов и сборов с полученного дохода. Более того, все разъяснения Минфина²⁰ и ФНС России²¹ относительно оборота цифровой валюты посвящены ее налогообложению, а не порядку и форме уведомления об обладании ею или сделках с ней. Таким образом, в законодательстве до настоящего времени существует пробел, бремя несения последствий которого ложится на плечи правоприменителя.

Лишение судебной защиты обладателя цифровой валюты и натуральные обязательства

Иногда в доктрине лишение судебной защиты обладателя цифровой валюты связывают с категорией натурального обязательства²². Вместе с тем авторы подчеркивают, что речь идет ско-

¹⁷ Решение Волоколамского городского суда Московской области от 16.12.2024 по делу № 2-19310/2024 (УИД 50RS0004-01-2024-003140-15) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025); решение Савеловского районного суда города Москвы от 13.11.2023 по делу № 2-9249/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2025); решение Ленинского районного суда города Барнаула от 13.02.2025 по делу № 2-224/2025 (УИД 74RS0002-01-2024-005716-38) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025).

¹⁸ См.: постановление Правительства РФ от 01.11.2024 № 1466 «Об обязанности лица, осуществляющего майнинг цифровой валюты (в том числе участника майнинг-пула), по предоставлению информации о получении цифровой валюты в случае выпуска (получения) цифровой валюты в результате майнинга цифровой валюты, а также об адресе-идентификаторе, включая адрес-идентификатор майнинг-пула» // СЗ РФ. 2024. № 45. Ст. 6815.

¹⁹ См.: решение Волоколамского городского суда Московской области от 16.12.2024 по делу № 2-19310/2024 (УИД 50RS0004-01-2024-003140-15) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2025).

²⁰ См.: письмо Минфина России от 28.12.2021 № 03-04-05/107093.

²¹ Письмо ФНС России от 04.06.2018 № БС-4-11/10685@; письмо ФНС России от 27.11.2019 № СД-4-3/241672.

²² См.: Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: Норма, 2023.

рее об условных натуральных обязательствах, где защита предоставляется в зависимости от выполнения или невыполнения условия²³.

Действительно, сложно квалифицировать данные правоотношения как натуральное обязательство. По сути, здесь нет никакого гражданско-правового обязательства. В исследуемой норме говорится о публично-правовой обязанности уведомить компетентные органы об обладании цифровой валютой или сделке с ней. И именно с невыполнением публично-правовой обязанности закон связывает частно-правовое последствие — отказ в защите права посредством обращения в суд.

Впрочем, стоит указать на определенное сходство рассматриваемой конструкции с положениями гл. 58 ГК РФ, которые традиционно относят к натуральным обязательствам²⁴. В соответствии с п. 1 ст. 1062 ГК РФ требования к организации и участию в играх и пари не подлежат судебной защите.

В качестве обоснования лишения права на судебную защиту организаторов и участников игр и пари приводился такой аргумент: они не порождают правоотношение²⁵, заключаемые сделки изначально недействительны²⁶, а возникающие обязательства принадлежат к группе натуральных²⁷.

Сравнивая конструкцию лишения права на судебную защиту в играх и пари с аналогичной конструкцией в отношении права обладателя цифровой валюты, можно отметить ряд различий.

Во-первых, если применительно к играм и пари законодатель последовательно проводит идею о лишении судебной защиты для всех участников (за некоторым исключением, которое четко прописано в законе), то к обладателям цифровой валюты подход избирательный (на кого-то распространяется, а на кого-то нет).

Во-вторых, в играх и пари закон регулирует частные отношения между частными субъектами с частным интересом. Между обладателями цифровой валюты также возникают частные отношения между частными субъектами с частным интересом, но защита субъективного гражданского права ставится в зависимость от публичного интереса.

В-третьих, применительно к играм и пари закон говорит о гражданско-правовых обязательствах (мы придерживаемся именно этой точки зрения, так как нормальный ход развития данного правоотношения в процессе его надлежащего исполнения обеими сторонами порождает гражданско-правовые последствия), пусть и натуральных. Что касается обладателей цифровой валюты, то здесь вмешивается публичный элемент, связанный с выполнением публичной обязанности, непосредственно влияющей на возможность судебной защиты частного права, что, как нами указывалось выше, создает некий дисбаланс в пользу публичного интереса.

О балансе частных и публичных интересов, связанных с ограничением права на защиту обладателя цифровой валюты

Анализ судебной практики свидетельствует, что отказ в судебной защите права влечет нарушение баланса интересов, а в некоторых случаях способствует выгоде недобросовестной стороны.

Например, решением Савеловского районного суда города Москвы от 13.11.2023 по делу № 2-9249/2023²⁸ (оставлено без изменений судами апелляционной²⁹ и кассационной инстанций³⁰) истице, заключившей договор управления цифровой валютой с ответчиком и не уведомившей уполномоченный орган о

²³ См.: Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Указ. соч. С. 125.

²⁴ См.: Людвиг С. Д. Категория «натуральное обязательство» в гражданском праве // Экономика. Право. Общество. 2016. № 4 (8). С. 40–44.

²⁵ См.: Кутовой М. С. Соотношение обязательств, вытекающих из игр и пари, и натуральных обязательств // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 307–311.

²⁶ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. Кн. 1. М.: Статут, 2006. С. 244.

²⁷ См.: Людвиг С. Д. Указ. соч.

²⁸ Решение Савеловского районного суда города Москвы от 13.11.2023 по делу № 2-9249/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2025).

²⁹ Апелляционное определение Московского городского суда от 06.06.2024 по делу № 33-19434/2024 (УИД 77RS0023-02-2023-014575-46) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2025).

³⁰ См.: определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2024 по делу № 88-23350/2024 (УИД 77RS0023-02-2023-014575-46) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025).

такой сделке, отказано в судебной защите. При этом цифровая валюта на момент вынесения решения суда оставалась у ответчика, который, как следует из текста решения, к тому времени утратил правовое основание для обладания ею (срок договора, заключенного между истицей и ответчиком, истек). Таким образом, цифровая валюта осталась у недобросовестного владельца несмотря на то, что факт законного обладания ею истцом подтвержден судом.

Сходные позиции отражены и в решениях других судов³¹.

Конечно, здесь нужно отметить, что законодатель не лишил в полном объеме права на защиту, ограничив лишь право на судебную защиту, и истец может воспользоваться одним из способов защиты гражданских прав, закрепленных в ст. 12 ГК РФ. Однако дело не в том, что субъект вправе обратиться к таким способам защиты, а в том, что нарушен баланс интересов, причем в пользу неуправомоченного лица.

Верно по этому поводу пишет Г. В. Холод, акцентируя внимание на том, что речь в анализируемой правовой норме идет о частных интересах частных субъектов, заключивших между собой сделку в отношении цифровой валюты, поэтому встраивание сюда публичного интереса по сбору налогов неуместно³².

Есть и несколько иная проблема, связанная с толкованием ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах в сопоставлении с частью 5 этой статьи (ее мы уже упомянули ранее). Так, согласно ч. 6 ст. 14 лишаются права на судебную защиту только лица, перечисленные в ч. 5 ст. 14 Закона. Соответственно, например, физические лица, находящиеся на территории РФ менее 183 дней или более 183 дней, но в течение 12 месяцев, следующих не подряд, имеют право на судебную защиту независимо от того, уведомили они уполномоченный орган о сделке с цифровой валютой или нет.

Понятно, что здесь закон отсылает нас к понятию налогового резидента (ст. 207 НК РФ). Однако с учетом того, что речь идет о гражданах РФ, предоставление им разных по объему прав на судебную защиту выглядит достаточно странно и нарушает, на наш взгляд, баланс интересов, причем в пользу лиц, хотя и являю-

щихся гражданами РФ, но проживающих за пределами РФ.

По справедливому утверждению Е. Н. Абрамовой, такой подход приводит к смещению отраслевого регулирования в пользу налогового, хотя оборот иных объектов гражданских прав никак не зависит от постановки на налоговый учет и уплаты налогов. Это, по мнению автора, нарушает баланс интересов в пользу публично-го³³, что нужно расценивать как отрицательный феномен правового регулирования.

Кроме того, к проблемам формулировки ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах авторы причисляют возможность распространения указанного правила на любые требования, вытекающие из обязательств, возникающих в отношении цифровой валюты³⁴. И с этим также сто́ит согласиться. Использование категории «требование» значительно расширяет рамки возможного применения данной нормы, причем не только в контексте обязательственных отношений, в силу того что право требования — это составной элемент содержания любого субъективного права.

Безусловно, такое законодательное установление следует оценить негативно. Так, определяя основы регулирования гражданских отношений, Гражданский кодекс РФ исходит из принципов свободы заключения договоров, недопустимости вмешательства в частные дела, беспрепятственного осуществления гражданских прав, их судебной защиты и пр. Однако закрепленное в ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах правило об отказе в судебной защите, по сути, попирает все эти принципы, закладывая в основу правового регулирования только публичный интерес, связанный с контролем за собираемостью налогов.

Анализируемая норма (ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах) регулирует отношения, входящие в предмет гражданского права (право обладания как абсолютное право на цифровую валюту и совершение сделок с ней); в эти отношения вступают субъекты гражданского права, имеющие свой частный интерес, направленный на приобретение или отчуждение цифровой валюты, а также защиту своих прав, в том числе судебную. Ввиду этого

³¹ См.: определение Московского городского суда от 20.10.2022 по делу № 33-41465/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2025).

³² См.: *Холод Г. В.* Указ. соч.

³³ См.: *Абрамова Е. Н.* Указ. соч. С. 20–21.

³⁴ См.: *Холод Г. В.* Указ. соч.

встраивание в их частноправовые отношения, базирующиеся на частном интересе, публично-го интереса выглядит нелогичным. Отношения, связанные с налоговым контролем, не могут и не должны влиять ни на гражданский оборот тех или иных объектов гражданских прав, ни на возникновение, изменение или прекращение субъективных гражданских прав на них.

Заключение

Подводя итоги исследованию, отметим, что лишение обладателя цифровой валюты права на судебную защиту не относится к категории ограничений права.

Цель установления ограничений — соблюдение баланса интересов (публичного и частного, различных частных интересов). Ограничение права не сужает объем правомочий, входящих в право, не лишает лицо какого-то из правомочий, но уменьшает возможности осуществления права. Само ограничение не несет в себе никакого права, оно сдерживает его обладателя от определенного поведения. В контексте способа правового регулирования оно всегда выражается в форме запрета. Ограничения могут быть установлены только федеральным законом, они распространяются на неопределенный или определенный, но не конкретизированный круг субъектов. Их установление не зависит от воли и волеизъявления обладателей субъективных прав, последние лишь подчиняются запрету на совершение определенных действий. По сути, ограничение формирует границы объективного права на стадии его создания (стадии правотворчества).

Публичные интересы, для охраны которых устанавливаются ограничения, могут быть связаны только с обороной и безопасностью государства, защитой основ конституционного строя и прочих конституционно значимых ценностей, перечень которых закреплен в Конституции РФ. С этих позиций контроль за уплатой налогов вряд ли можно рассматривать как охрану перечисленных выше ценностей, а значит, он не может выступать целью установления ограничений гражданских прав. Таким образом, Конституция РФ не создает правовой основы для введения ограничения на судебную защиту прав обладателя цифровой валюты.

Для преодоления законодательного запрета на судебную защиту обладатель цифровой валюты должен совершить активные действия

(уведомить уполномоченные органы), но эти действия не составляют существо ограничений.

По своей правовой природе лишение обладателя цифровой валюты права на судебную защиту есть именно лишение права, а не его ограничение.

Проведенный сравнительный анализ лишения права обладателя цифровой валюты на судебную защиту с отказом в защите права, предусмотренным статьей 10 ГК РФ, позволил выявить серьезные различия: уведомление уполномоченных органов по своей правовой природе — публично-правовая обязанность, тогда как статья 10 ГК РФ ведет речь сугубо о гражданско-правовых отношениях; отказ в защите права лишает субъективное право всякой правовой защиты. В этом смысле норма части 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах говорит лишь о судебной защите; отказ в защите права как гражданско-правовая санкция направлен против управомоченного лица — обладателя субъективного гражданского права, а в случае отказа в защите права обладателя цифровой валюты она традиционно направлена против обязанного лица (лица, не выполнившего обязанность по информированию компетентных органов); отсутствие уведомления может и не иметь противоправной цели, но при этом такое бездействие приведет к отказу в судебной защите.

Сравнивая лишение обладателя цифровой валюты права на судебную защиту с натуральными обязательствами, приходим к выводу, что это разные правовые категории. В лишении права на судебную защиту нет никакого гражданско-правового обязательства: речь идет о публично-правовой обязанности уведомить компетентные органы об обладании цифровой валютой или сделке с ней. И именно с невыполнением публично-правовой обязанности закон связывает частноправовое последствие — отказ в судебной защите права.

Анализ показал, что законодатель дифференцировал возможность лишения обладателей цифровой валюты права на судебную защиту в зависимости от категории субъекта. В результате разным субъектам из числа граждан РФ предоставлен разный объем права на судебную защиту, что нарушает баланс частных интересов.

Есть проблемы и в аспекте средств механизма правового регулирования. Он не учитывает основные принципы гражданского права (недопустимость вмешательства в частные

дела, беспрепятственное осуществление гражданских прав, их судебной защиты и др.), что заслуживает негативной оценки.

Анализируемые отношения входят в предмет гражданского права; в них вступают субъекты гражданского права, имеющие свой частный интерес, направленный на приобретение или отчуждение цифровой валюты, а также защиту своих прав, в том числе судебную. В силу этого встраивание в их частноправовые отношения публичного интереса выглядит нелогичным. Отношения, связанные с налоговым контролем, не могут и не должны влиять ни на граждан-

ский оборот объектов гражданских прав, ни на возникновение, изменение или прекращение субъективных гражданских прав на них.

Ввиду приведенных аргументов и того факта, что представленная дефиниция лишает субъекта гражданских правоотношений права на судебную защиту, допускает дисбаланс публичного и частного интересов, а также частных интересов обладателей цифровой валюты, принадлежащих к различным группам субъектов, наделяя их разными правовыми возможностями, следует исключить данную норму из действующего законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова Е. Н. К вопросу о понятии криптовалюты: проблемы терминологии и формирования дефиниции // *Банковское право*. 2021. № 2. С. 19–27.

Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1989. 346 с.

Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2023. 280 с.

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. Кн. 1. М. : Статут, 2006. 1244 с.

Дерюгина Т. В., Чеговадзе Л. А. Догматика содержания субъективного права и проблемы его судебной защиты // *Вестник Московского университета. Серия 11, Право*. 2021. № 2. С. 22–40.

Камышанский В. П. Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 357 с.

Курдиновский В. И. Об ограничениях права собственности на недвижимое имущество по закону (по русскому праву). Одесса, 1904. 389 с.

Кутовой М. С. Соотношение обязательств, вытекающих из игр и пари, и натуральных обязательств // *Актуальные проблемы российского права*. 2009. № 3. С. 307–311.

Людвиг С. Д. Категория «натуральное обязательство» в гражданском праве // *Экономика. Право. Общество*. 2016. № 4 (8). С. 40–44.

Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2003. 250 с.

Микрюков В. А. Ограничения и обременения гражданских прав. М. : Статут, 2007. 255 с.

Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву : круглый стол журнала «Государство и право» // *Государство и право*. 1998. № 7. С. 20–42.

Холод Г. В. Проблемы правового регулирования цифровой валюты в Российской Федерации // *Право и бизнес*. 2024. № 3. С. 33–38.

REFERENCES

Abramova EN. On the issue of the concept of cryptocurrency: Problems of terminology and definition formation. *Bankovskoe pravo [Banking Law]*. 2021;2:19-27. (In Russ.).

Alekseev SS. General Permission and General Prohibitions in the Soviet Law. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1989. (In Russ.).

Amelin RV, Channov SE. The evolution of law under the influence of digital technologies. Moscow: Norma Publ.; 2023. (In Russ.).

Braginskiy MI, Vitryanskiy VV. Contract Law. General provisions. Book 1. Moscow: Statut Publ.; 2006. (In Russ.).

Deryugina TV, Chegovadze LA. The dogmatics of the content of subjective law and the problems of its judicial protection. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 2021;2:22-40. (In Russ.).

Kamyshansky VP. Restrictions on property rights (civil law analysis). Dr. Diss. (Law). St. Petersburg; 2000. (In Russ.).

Kholod GV. Problems of legal regulation of digital currency in the Russian Federation. *Pravo i biznes*. 2024;3:33-38. (In Russ.).

Kurdivovskiy I. On the restrictions of ownership of immovable property by law (Russian law). Odessa; 1904. (In Russ.).

Kutovoy MS. The ratio of obligations arising from games and betting and natural obligations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2009;3:307-311. (In Russ.).

Ludwig SD. The category of «natural obligation» in civil law. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo*. 2016;4(8):40-44. (In Russ.).

Malko AV. Stimuly i ogranicheniya v prave. Malko AV (ed.). 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurist Publ.; 2003. (In Russ.).

Mikryukov VA. Restrictions and encumbrances of civil rights. Mikryukov VA (ed.). Moscow: Statut Publ.; 2007. (In Russ.).

Principles, limits, grounds for the restriction of human rights and freedoms under Russian legislation and international law. In: Morozova LA (ed.). Round table of the journal «State and Law». *Gosudarstvo i Pravo [State and Law]*. 1998;7:20-42. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дерюгина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя д. 12, ул. Академика Волгина, г. Москва 117437, Российская Федерация
sofija96@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Deryugina, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation
sofija96@mail.ru

Материал поступил в редакцию 21 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 21 апреля 2025 г.

Принята к печати 15 апреля 2026 г.

Received 21.03.2025.

Revised 21.04.2025.

Accepted 15.04.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.120-138

В. Д. НикишинМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Правовая и нейроправовая экспертиза информационных материалов: потенциал нейротехнологий для противодействия когнитивным угрозам и разработки моделей правового регулирования медиасреды

Резюме. Современные нейротехнологии — перспективное направление, способное оказать обширную поддержку при защите прав и законных интересов граждан в самых разных областях общественной жизни. Грамотное использование нейротехнологий для принятия сбалансированных нормативных моделей в сфере оборота информации, а также внедрение в практику правовой экспертизы информационных материалов (медиапродуктов) может усовершенствовать политику в области сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, процессы обеспечения информационной безопасности и когнитивного суверенитета. В исследовании представлена авторская классификация видов экспертизы информационных материалов в зависимости от характера регламентации и вида юрисдикционной деятельности; раскрыты правовая природа и правовой статус, предмет, объект, методология и основы методики правовой экспертизы информационных материалов (деструктивно-противоправного контента). Предложена наукоемкая модель нейроправовой экспертизы, объединяющая результаты нейрофизиологической регистрации с правовой квалификацией деструктивного воздействия и категорией нейроправ. Критически переосмыслены теории правового регулирования медиасреды, исходящие из презумпции нейтральности каналов распространения контента и недооценивающие алгоритмически усиливаемые эффекты когнитивного давления. Сформулированы критерии отнесения информационных материалов к зонам повышенного риска, приведены теоретические предпосылки формирования нейроправовой экспертизы. Подчеркивается практическая значимость интеграции нейротехнологий в процедуры оценки медиаконтента для разработки наукоемких правовых моделей регулирования медиасреды, настройки регуляторных требований к платформам и конструирования режимов защиты от когнитивных угроз деструктивного воздействия.

Ключевые слова: нейротехнологии; правовая экспертиза; нейроправовая экспертиза; когнитивный суверенитет; медиаправо; информационные угрозы; когнитивные угрозы; деструктивное медиавоздействие; информационная безопасность; медиабезопасность; правовое регулирование медиасреды; медиаконтент; деструктивный контент; когнитивное давление; духовно-нравственные ценности

Для цитирования: Никишин В. Д. Правовая и нейроправовая экспертиза информационных материалов: потенциал нейротехнологий для противодействия когнитивным угрозам и разработки моделей правового регулирования медиасреды. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 120–138. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.120-138

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Legal and Neuro-Legal Examination of Information Materials: The Potential of Neurotechnologies for Countering Cognitive Threats and Developing Legal Regulation Models for the Media Environment

Vladimir D. Nikishin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

Abstract. Modern neurotechnologies represent a promising area that can provide extensive support in protecting the rights and legitimate interests of citizens in various areas of public life. The competent use of neurotechnologies to adopt balanced regulatory models in the field of information application, as well as the introduction into practice of legal expertise of information materials (media products) can significantly improve the policy of preserving traditional spiritual and moral values and, in general, the sphere of ensuring information security and cognitive sovereignty. This study presents an original classification of types of examination of information materials depending on the nature of regulation and type of jurisdictional activity; reveals the legal nature and legal status, subject, object, methodology and fundamentals of the methodology of legal expertise of information materials (destructive illegal content). The paper proposes a high-tech model of neuro-legal examination that combines the results of neurophysiological registration with the legal qualification of destructive effects and with the category of neuro-rights. Existing theories of legal regulation of the media environment are critically reassessed, particularly those that assume the neutrality of content distribution channels and underestimate the algorithmically amplified effects of cognitive pressure. Criteria for classifying information materials as high-risk zones are formulated, and theoretical prerequisites for the development of neuro-legal examination are proposed. The practical importance of integrating neurotechnologies into media content assessment procedures is emphasized for the development of high-tech legal models for regulating the media environment, adjusting regulatory requirements for platforms, and designing protection regimes against cognitive threats of destructive influence.

Keywords: neurotechnology; legal examination; neuro-legal examination; cognitive sovereignty; media direction; information threats; cognitive threats; destructive media action; information security; media security; legal regulation of media environment; media content; destructive content; cognitive pressure; spiritual and moral values

Cite as: Nikishin VD. Legal and Neuro-Legal Examination of Information Materials: The Potential of Neurotechnologies for Countering Cognitive Threats and Developing Legal Regulation Models for the Media Environment. *Lex russica*. 2026;79(5):120-138. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.120-138

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Современное общество постоянно потребляет большие объемы информации из самых разнообразных источников. Информационное пространство характеризуется стремительным развитием цифровых и иных информационных технологий, а также нейротехнологий и манипулятивных социальных технологий, что приводит к появлению новых форм контента, оказывающих сложное и многогранное воздействие на сознание человека. В условиях увеличения количества медиапродукции, которая включает в себя креолизованные тексты, сгенерированный искусственным интеллектом контент, аудиовизуальные материалы, содержащие скрытые невербальные компоненты, способные влиять на подсознание, традиционные способы экспертизы и правовой оценки информационных

продуктов с точки зрения их влияния на потребителей информации зачастую могут оказаться недостаточно эффективными.

Одним из перспективных направлений решения указанной проблемы представляется применение нейротехнологий, дающих дополнительные эмпирические данные о степени воздействия контента на психику человека, что поможет не только делать выводы о противоправности или правомерности оборота тех или иных информационных материалов, но и совершенствовать информационное законодательство, в том числе в части установления запретов и ограничений на распространение информации, основанных на объективных сведениях о реальной общественной опасности материалов.

Именно правовой природе и статусу, теоретическим основам правовой экспертизы ин-

формационных материалов и возможностям ее развития через использование нейротехнологий и посвящена настоящая работа.

**Виды экспертизы информационных материалов.
Юридические знания как специальные**

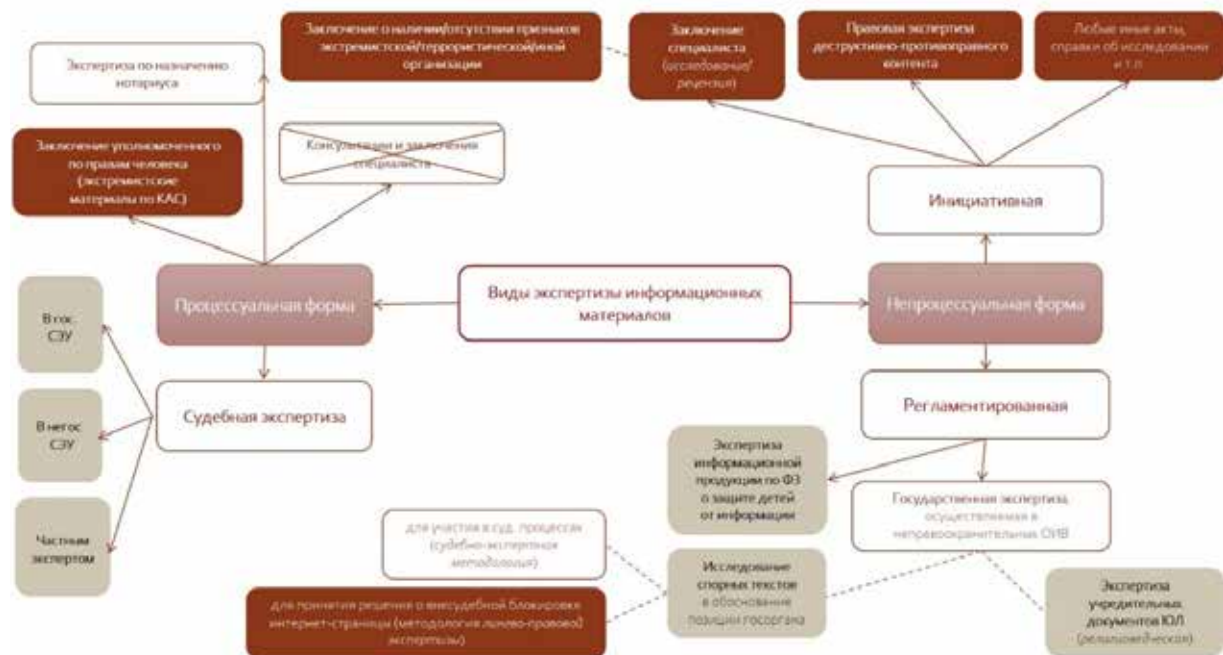
Любая экспертиза представляет собой исследование конкретного объекта с использованием специальных знаний. Прежде чем перейти к понятию, сущности и возможностям нейроправовой экспертизы информационных материалов, следует осветить имеющуюся палитру исследований информационных материалов, проводимых для выявления признаков потенциальной противоправности, рассмотреть природу и статус правовой экспертизы (см. схему).

Остановимся на некоторых тезисах-комментариях к нижеприведенной схеме, важных для определения места правовой и нейроправовой экспертизы информационных материалов в данной классификации.

Ключевое деление на процессуальные и непроцессуальные формы использования специальных знаний в качестве критерия предполагает установленный процессуальным законодательством порядок привлечения (участия) сведущих лиц к судопроизводству для оказания содействия в разрешении дела по существу.

Эксперт и специалист — процессуальные фигуры сведущих лиц в судопроизводстве, т.е. лиц, обладающих специальными знаниями. При этом лицо, выступающее в качестве эксперта в процессе (ст. 57 УПК РФ, ст. 86 ГПК РФ, ст. 55 АПК РФ¹, ст. 49 КАС РФ, ст. 25.9 КоАП РФ), всегда проводит исследование объекта (информационных материалов), а специалист в процессуальном смысле не исследует объект, а лишь разъясняет сторонам и суду вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию, консультирует, дает пояснения (ст. 58 УПК РФ, ст. 55.1 АПК РФ, ст. 188 ГПК РФ, ст. 50 КАС РФ)².

В силу укоренившейся (и одновременно небесспорной) презумпции «судьи знают право»

Виды экспертизы информационных материалов

¹ Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 6.

² Кроме того, специалист может привлекаться для постановки вопросов эксперту, допроса свидетелей, содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических

в уголовном процессе не допускается постановка перед экспертом «правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда»³, а для арбитражного процесса Пленум ВАС РФ указал, что «вопросы права и правовых последствий оценки доказательств не могут быть поставлены перед экспертом»⁴.

Стоит отметить, что приведенные постановления пленумов не содержат никаких ограничений на постановку правовых вопросов перед специалистом.

Научная дискуссия о соотношении специальных и юридических знаний, возможности постановки судебному эксперту правовых вопросов ведется далеко не первый год.

В работах таких ученых-юристов и криминалистов, как Т. В. Аверьянова, А. А. Эксархопуло, П. М. Филиппов, А. А. Мохов, В. С. Коваль⁵, не оспаривается возможность частичного отнесения юридических знаний к специальным, а в трудах Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной, А. М. Зинина, Л. В. Лазаревой, Е. В. Ивановой, Д. В. Зотова, Ю. С. Жарикова⁶ прямо говорится о возможности использования узкопрофильных правовых знаний как специальных.

Е. Р. Россинской предложена концепция судебно-нормативных экспертиз⁷, предметом которых «являются фактические данные (обстоятельства дела), устанавливаемые в уголовном, гражданском, административном и конституционном судопроизводстве путем исследования объектов с использованием специальных

средств в исследовании материалов дела и т.п. (ст. 25.8 КоАП РФ, ст. 58 УПК РФ, ст. 55.1 АПК РФ, ст. 188 ГПК РФ, ст. 50 КАС РФ).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23.

⁵ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. М. : Норма, 2006. С. 186 ; Эксархопуло А. А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы // Вестник криминалистики. 2001. Вып. 2. С. 22–28 ; Он же. Специальные познания и их применение в исследовании материалов дела. СПб. : Изд. дом Санкт-Петербургского гос. университета, 2005. С. 68 ; Филиппов П. М., Мохов А. А. Использование специальных знаний в судопроизводстве России. Волгоград : ВА МВД России, 2003. С. 27–35 ; Коваль В. С. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под общ. ред. В. М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2014.

⁶ Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2026 ; Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011 ; Зотов Д. В. Юридическая экспертиза как новая форма применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Воронежские криминалистические чтения. Федеральный научно-практический журнал. 2016. № 1 (18). С. 48–61 ; Он же. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. Воронеж, 2015 ; Жариков Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации : монография. М. : Юриспруденция, 2009 ; Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Информационно-мировоззренческая безопасность в интернет-медиа : монография. М. : Блок-Принт, 2023 ; Галяшина Е. И. Проблемы использования юридических знаний как специальных в уголовном судопроизводстве // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации : материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 13–14 октября 2022 г. Уфа : Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2022. С. 53–58 ; Иванова Е. В. Понятие и содержание специальных знаний, используемых при расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2014. № 2 (173). С. 164–179.

⁷ Россинская Е. Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы // Argumentum ad iudicium. ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА. Труды. 2006. Т. 2. С. 234–241 ; Она же. Концепция судебно-нормативных экспертиз как основа использования специальных юридических знаний в судебно-экспертной деятельности // Вестник ННГУ. 2015. № 2. С. 149–152.

юридических знаний, в том числе нормативных и нормативно-технических актов»⁸.

Еще одним нормативным обоснованием возможности отнесения юридических знаний к специальным выступает регламентация в законодательстве порядка установления содержания нормативных правовых актов, в том числе иностранных. Так, в ст. 1191 ГК РФ и ст. 14 АПК РФ упоминается о привлечении экспертов, а в ст. 50 КАС РФ утверждается, что перед специалистом могут быть поставлены вопросы, связанные с установлением содержания положений нормативного правового акта, норм иностранного права, технических норм. Кроме того, в п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»⁹ для номинации знаний в области иностранного права употребляется именно термин «специальные знания».

Довольно специфической процессуальной формой использования специальных знаний, не получившей в действующем законодательстве должной регламентации, является заключение уполномоченного по правам человека по административным делам о признании материалов экстремистскими (ч. 3 ст. 265.8 КАС РФ). Как показывает практика, такие заключения носят преимущественно правовой характер, что неудивительно: должны быть отражены правовой анализ с точки зрения теории прав человека и их правовых гарантий, оценка применимости действующего антиэкстремистского законодательства через правовой анализ соответствия спорных информационных продуктов признакам экстремистских материалов¹⁰.

Безусловно, специальные знания (в том числе для исследования потенциально противоправных информационных материалов) ис-

пользуются не только в судопроизводстве, но и в иных, непроцессуальных формах, при этом часть из них носит регламентированный характер.

Регламентированные экспертизы в непроцессуальной форме проводятся в рамках юрисдикционной деятельности различных государственных органов:

— так, глава 4 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹¹ регламентирует порядок проведения экспертизы информационной продукции для установления наличия или отсутствия признаков информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, и отнесения ее к видам запрещенной или ограниченной для распространения среди несовершеннолетних (и каких именно возрастных категорий);

— в ряде случаев возникает необходимость в экспертизе при государственной регистрации и (или) осуществлении контроля за соблюдением религиозной организацией устава и законодательства, вступлении в законную силу решения суда о признании материалов экстремистскими и т.д. Экспертным советом по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ (или его территориальном управлении) осуществляется государственная религиоведческая экспертиза. Объекты такой экспертизы — разнообразные документы религиозной организации и информационные материалы, содержащие сведения о ней¹²;

— экспертными подразделениями органа исполнительной власти (подведомственного ему учреждения) может проводиться исследование спорных информационных материалов для обоснования позиции органа по привлечению к административной ответственности (например, за злоупотребление свободой массовой информации — ст. 13.15 КоАП РФ) или

⁸ *Россинская Е. Р.* Судебная юридическая (правовая) экспертиза: за и против с позиций современной судебной экспертологии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 8 (24). С. 63.

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

¹⁰ *Галяшина Е. И., Никишин В. Д.* Методические рекомендации по правовой оценке уполномоченным по правам человека информационных материалов по делам о признании их экстремистскими в административном судопроизводстве : отчет о выполнении работ по государственному заданию на тему «Научно-методическое обеспечение совершенствования государственной системы защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации». М., 2022.

¹¹ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

¹² Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12.11.2024 № 334 «О внесении изменений в приказ Минюста России от 18.02.2009 № 53 “О государственной религиоведческой экспертизе”» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). № 0001202411180065.

принятия решения о внесудебной блокировке интернет-страницы, в частности в соответствии со ст. 15.1, 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹³ (далее — Закон об информации).

Инициативные экспертизы объединяет отсутствие процессуальной формы (т.е. в судопроизводстве как доказательства такие заключения могут приобщаться только в качестве иных документов) и регламентации порядка их назначения (поручения/запроса), производства и оценки их результатов.

Одним из наиболее распространенных документов, оформляющих результаты исследования, инициированного адвокатом или другим субъектом, в компетенцию которого не входит назначение судебной экспертизы, выступает заключение специалиста. Результат такого рода исследования, проводимого в инициативном, непроцессуальном порядке (как правило, на возмездной основе — по договору оказания услуг), может называться и актом исследования, и справкой об исследовании, и альтернативной экспертизой и т.д., однако на практике чаще всего именуется заключением специалиста, что, безусловно, вносит некоторую путаницу при ошибочном отождествлении с получаемым в уголовно-процессуальном порядке заключением специалиста. Как было сказано выше, процессуальная фигура специалиста не вправе проводить исследования объекта, т.е. в заключении специалиста, получаемом в процессуальном порядке, могут содержаться лишь его суждения по вопросам, не требующим непосредственного исследования информационных материалов, а заключение специалиста, получаемое в непроцессуальной форме, не имеет никакого нормирования, может отражать и результаты исследования, причем по любым вопросам, в том числе правовым. Нередко заключения специалистов, проводимые по запросам правоохранительных органов, ложатся в основу доказательственной базы для признания информационных материалов экстремистскими в порядке административного судопроизводства по иску прокурора (гл. 27.2 КАС РФ).

Кроме того, как непроцессуальное заключение специалиста в большинстве случаев оформляется и рецензирование заключений судебных

экспертов (рецензия на заключение эксперта, заключения в виде научно-методических рецензий и т.п.).

Перейдем к характеристике правовой экспертизы как непроцессуальной формы использования специальных знаний.

По мнению Е. И. Галяшиной, «правовая экспертиза направлена на выработку правовых механизмов, направленных на выявление признаков противоправного девиантного поведения в медиапространстве и пресечение распространения деструктивной идеологии в первую очередь в молодежной среде как наиболее восприимчивой к воздействию различных вредоносных техник манипулирования индивидуальным и групповым сознанием»¹⁴. Позволим себе не согласиться с такой характеристикой, отсылающей, с одной стороны, к криминологическому знанию (при этом понятие девиантного поведения шире противоправного), а с другой — к нормотворчеству, так как целью экспертизы заявлена выработка неких новых правовых механизмов, обнаруживающих признаки девиантного поведения, однако дальнейший текст цитируемой статьи рассматривает правовую экспертизу сугубо как прикладное исследование интернет-контента на предмет «наличия информации, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации (которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды), а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность»¹⁵. Неясно, почему предмет экспертизы, с одной стороны, заужен тематически (описаны проявления «языка вражды»), а с другой — крайне расширен до установления любой информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность; при этом остаются за скобками виды информации, которая запрещена к распространению информационным законодательством и в отношении которой и так действует механизм внесудебной блокировки (в том числе ст. 15.1, 15.3 Закона об информации).

В другой работе Е. И. Галяшина и К. М. Богатырев рассматривают правовую экспертизу исключительно как научно-консультативное экспертное заключение «для оценки соответствия

¹³ СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

¹⁴ Галяшина Е. И. Поговорим о правовой экспертизе // Правовой альманах. 2023. № 3 (25). С. 23.

¹⁵ Галяшина Е. И. Поговорим о правовой экспертизе. С. 23.

процессуальному законодательству, полноты и всесторонности судебной лингвистической экспертизы, проверяемости ее результатов на основе общепринятых научных и практических данных»¹⁶. В таком случае непонятно, в чем принципиальная новизна подобной экспертизы, особенности ее предмета, объекта и используемых методов, если фактически идет речь о рецензировании заключений судебных экспертов — лингвистов. С методологической точки зрения (в том числе ввиду нерелевантности областей знания наименованию экспертизы) вызывает сомнение и следующий тезис указанных авторов: «Мы считаем, что пересмотр лингвистических доказательств с целью поиска и выявления исследовательских ошибок относится к компетенции правовой экспертизы, проводимой сведущими лицами в области криминалистики, судебной экспертизы и речеведения»¹⁷.

Потенциал прикладных правовых исследований информационных материалов в непроцессуальных формах еще более высок и разнообразен, применим не только в судопроизводстве, но и в иных видах юрисдикционной деятельности. На схеме (см. с. 122) красным цветом выделены виды экспертизы информационных материалов, которые полностью или частично подразумевают правовой анализ потенциально противоправных информационных материалов, т.е. варианты правовой экспертизы. На наш взгляд, контрпродуктивно говорить о правовой экспертизе как таковой без конкретизации объекта в ее названии, уточнения ее предмета и особенностей используемых методов исследования.

Правовая природа и статус правовой экспертизы информационных материалов в различных видах юрисдикционной деятельности

Правовая экспертиза информационных материалов (деструктивно-противоправного контента) востребована в рамках следующих направлений правоприменения.

1. Правовой механизм внесудебной блокировки противоправного контента:

1.1) юрисдикционная деятельность органов государственной власти, уполномоченных принимать решения о внесудебной блокировке деструктивно-противоправного контента (например, Роскомнадзор, Росмолодежь, МВД России, ФСБ России, Росгвардия, Роспотребнадзор и другие органы — по видам информации, предусмотренным частью 5 ст. 15.1 Закона об информации, в соответствии с разграничением компетенции согласно постановлению Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101¹⁸; Генеральный прокурор РФ или его заместители — по видам информации, установленным статьями 15.1-1, 15.3 Закона об информации);

1.2) деятельность специализированных организаций и подразделений, осуществляющих обеспечительно-вспомогательную для юрисдикционной деятельности по ограничению доступа к деструктивно-противоправному контенту функцию: мониторинг интернет-ресурсов, подготовку обращений и (или) заключений и отправление на потенциальную блокировку в уполномоченные органы, названные в п. 1.1; подготовку справок, актов и заключений по результатам анализа интернет-ресурсов по запросу указанных органов, а также взаимодействие с иными органами для привлечения к ответственности лиц, распространяющих противоправные материалы. В той или иной степени к таким специализированным организациям можно отнести, например, АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды», к специализированным подразделе-

¹⁶ Galyashina E. I., Bogatyrev K. M. Legal Expertise as a Tool of Countering Violent Extremism in the Web 2.0 // Kutafin Law Review. 2024. Vol. 11. № 1. P. 142–158.

¹⁷ Galyashina E. I., Bogatyrev K. M. Op. cit.

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе “Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено”» (вместе с Правилами создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы...) // СЗ РФ. 2012. № 44. Ст. 6044.

ниям иных организаций — Институт информационной и медиабезопасности МГЮА (ИИМБ МГЮА), региональные координационные центры по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, центры информационной безопасности субъектов РФ, НКО и иные организации, реализующие проекты в сфере медиаграмотности и информационной безопасности.

Так, методике правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента, разработанной ИИМБ МГЮА¹⁹, в 2024–2025 гг. обучено 223 представителя ГРЧЦ (Роскомнадзор), МВД, Роспатриотцентра (Росмолодежь), координационных центров; указанная методика применена экспертами ИИМБ в 2024–2025 гг. для исследования более чем 6,5 тыс. объектов.

2. Юрисдикционная деятельность Минкультуры России как федерального органа исполнительной власти, уполномоченного осуществлять государственную поддержку кинематографии:

2.1) предоставление (выдача) прокатных удостоверений на фильмы. Прокатное удостоверение не предоставляется (не выдается), если фильм содержит деструктивно-противоправную информацию, указанную в ст. 5.1 Федерального закона от 22.08.1996 № 126-ФЗ «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации»²⁰;

2.2) выдача заключений о наличии в фильмах, на которые отсутствуют прокатные удостоверения, материалов, дискредитирующих традиционные российские духовно-нравственные ценности и (или) пропагандирующих их отрицание.

3. Административное судопроизводство:

3.1) по делам о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в Интернете, запрещенной для распространения в Российской Федерации (по иску прокурора после соблюдения досудебного порядка согласно ст. 15.1 Закона об информации) — для обоснования

административного искового заявления (п. 3 ч. 2 ст. 265.2 КАС РФ) и (или) формирования позиции Роскомнадзора, привлекаемого к участию в рассмотрении данной категории дел (ч. 2 ст. 265.2 КАС РФ), или иных лиц, участвующих в деле (гл. 27.1 КАС РФ);

3.2) по делам о признании информационных материалов экстремистскими — для обоснования административного искового заявления (ст. 265.7, п. 3 ч. 2 ст. 265.2 КАС РФ) и (или) формирования позиции (заключения) Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченного по правам человека в субъекте РФ (ч. 3 ст. 265.8 КАС РФ) или иных лиц, участвующих в деле (гл. 27.2 КАС РФ);

3.3) по признанию организаций по исковому заявлению прокурора экстремистскими (ст. 9 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»²¹, гл. 27 КАС РФ), террористическими (ст. 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»²², гл. 27 КАС РФ).

В рамках данного вида юрисдикционной деятельности востребована правовая экспертиза на предмет наличия или отсутствия признаков экстремистской/террористической/нежелательной²³ или иной организации, на которую распространяется специальный правовой режим в связи с деструктивным потенциалом ее деятельности. Как свидетельствует опыт экспертов ИИМБ МГЮА по подготовке восьми заключений для обоснования признания организаций экстремистскими и террористическими (по результатам которых уже запрещена деятельность 174 организаций), правовая экспертиза деструктивно-противоправного контента выступает лишь частью исследования: наряду с экспертизой информационных материалов, распространяемых в онлайн-сообществах организации, проводится анализ материалов дел о привлечении к ответственности лиц — членов (участников) исследуемой организации.

4. Рассмотрение дел, связанных с привлечением к юридической ответственности конкретных лиц (в том числе владельцев новостных

¹⁹ Охватывает методику по 15 видам деструктивно-противоправной информации, в том числе включает 50 диагностических комплексов признаков.

²⁰ СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4136.

²¹ Российская газета. 2002, 30 июля. № 138–139.

²² Российская газета. 2006, 10 марта. № 48.

²³ Признание организации нежелательной осуществляется Генеральной прокуратурой во внесудебном порядке.

агрегаторов, аудиовизуальных сервисов, социальных сетей):

4.1) применение указанной методики потенциально может быть оформлено, во-первых, в процессуальной форме (судебной правовой экспертизы), что на практике не получило распространения;

4.2) во-вторых, в непроцессуальной форме (заключение специалиста или иной акт экспертного исследования); наряду с методиками лингвистической (психолого-лингвистической) экспертизы может использоваться при привлечении к ответственности органами публичной администрации в рамках исполнительного (внесудебного) административно-процессуального порядка разрешения административно-деликтных дел:

4.2.1) например, при рассмотрении Роскомнадзором дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 13.37, 13.50 КоАП РФ;

4.2.2) для обоснования позиции уполномоченного органа при возбуждении дела об административном правонарушении и его дальнейшем рассмотрении судом (например, позиции Роскомнадзора по делам, возбуждаемым по ст. 13.15, ч. 4 ст. 6.13 КоАП РФ и иным, или прокурора);

4.3) в-третьих, как альтернативное исследование (внесудебная экспертиза или заключение специалиста — непроцессуальная форма), проводимое по запросу лица, привлекаемого к ответственности, или его представителя (на договорной возмездной основе) для обоснования позиции защиты по категориям дел, связанных с ответственностью за пропаганду деструктивной идеологии и распространение деструктивно-противоправной информации.

5. Правовой комплаенс медиаактивности и аудит медиаматериалов. Ввиду расширения запретительно-ограничительных мер в сфере распространения информации для оценки и нивелирования рисков привлечения к ответственности СМИ, блогеров, представителей кино- и иных креативных индустрий всё чаще востребовано принятие решений на основе правовой экспертизы медиаконтента, так как «классические» работники юридических подразделений субъектов продакшена и распространения медиаконтента, не владеющие тонкостями информационного законодательства и навыками правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента, в большинстве случаев не способны дать обоснованную правовую

квалификацию информационных материалов и оценить правовые риски.

Кроме того, правовая экспертиза деструктивно-противоправного контента способствует не только повышению эффективности правоприменения, но и обеспечению наукоемкости, обоснованности и системности правотворчества.

Динамичная природа цифровой среды порождает более сложные и изощренные формы вредоносной информации, современные алгоритмы социальных сетей непреднамеренно усиливают ее распространение, возникает обширный пласт контента, который, формально не нарушая букву закона, обладает значительным деструктивным потенциалом, в связи с чем становится всё более актуальной проблема реактивного законодательного регулирования — запоздалой нормативной реакции на тренды медиапотребления (новые сетевые субкультуры, тематики и модели информационных кампаний и операций, мем-комплексы и т.п.) и направления технологической трансформации интернет-медиа (в том числе в связи с развитием рекомендательных технологий и дальнейшим семантическим капсулированием).

С учетом непроцессуального, как правило, характера правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента и того факта, что субъекты ее производства зачастую выполняют и мониторинг интернет-медиа в целях выявления такого контента, обобщение практики данной экспертизы позволяет осуществлять:

— во-первых, юридический трендотчинг (обнаружение правовых пробелов и коллизий) на предмет того, какие виды деструктивного контента формально не подпадают под правовые запреты, хотя не менее общественно опасны, чем виды информации, закрепленные в действующем законодательстве как виды противоправной информации; какие есть правовые пробелы в описании критериев отнесения информации к противоправной и т.п.;

— во-вторых, юридический форсайт: прогнозирование новых рисков и угроз медиабезопасности в интернет-медиа на основе трендотчинга; сценарное планирование административно-управленческих решений и юридическое прогнозирование на основе риск-ориентированного подхода (разработка опережающих нормативных моделей регулирования оборота информации в интернет-медиа).

Так, на основе обобщения практики правовых экспертиз деструктивно-противоправного

контента ИИМБ МГЮА в 2024–2025 гг. подготовлены экспертно-аналитические исследования проблем противодействия деструктивному контенту, положенные в основу разрабатываемого в Государственной Думе пакета законопроектов.

Объект правовой экспертизы информационных материалов (деструктивно-противоправного контента) — информационные материалы, размещенные на представленных для исследования интернет-ресурсах и потенциально содержащие деструктивно-противоправный контент.

На наш взгляд, под деструктивной информацией (деструктивным контентом) следует понимать информацию, направленную на формирование представлений о допустимости и (или) необходимости девиантного поведения, пренебрежительного или отрицательного отношения к правам и свободам человека и гражданина, традиционным российским духовно-нравственным ценностям²⁴.

Деструктивно-противоправный контент — деструктивная информация, распространение которой запрещено (или ограничено к распространению в определенной возрастной группе) в соответствии с информационным законодательством, а также за распространение которой предусмотрены меры уголовной или административной ответственности²⁵.

Предмет правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента — факты наличия или отсутствия в информационных материалах, размещенных на представленных для производства экспертизы интернет-ресурсах, деструктивной информации, запрещенной законом к распространению.

Методология правовой экспертизы информационных материалов и ее ограничения: к вопросу о необходимости внедрения нейротехнологий

Ввиду того что исследование информационных материалов, потенциально содержащих противоправный контент, предполагает установление их смысловой направленности и соответствия или несоответствия выявленных смыслов критериям противоправности контента, для методологии правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента большое значение приобретает имеющийся методический базис, разработанный в области судебной лингвистической экспертизы.

Учитывая, что распространение однородных информационных материалов может и образовывать объективную сторону преступления (правонарушения), и подпадать под внесудебную блокировку, логично утверждать, что методология исследования информационных материалов должна быть сопоставимой независимо от вида юрисдикционной деятельности, в рамках которой осуществляются их правовая оценка и запрет распространения.

Методологический инструментарий, основанный на применении диагностических комплексов в ходе производства судебной лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы криминогенных/конфликтногенных речевых продуктов, был разработан авторским коллективом РФЦСЭ имени А.Р. Шляхова Минюста России²⁶ более 10 лет назад и успешно внедрен в практику производства судебных лингвистических (психолого-лингвистических) экспертиз в различных видах судопроизводства (уголовном, гражданском, при расследовании дел об административных правонарушениях и др.).

Диспозиции норм права, запрещающих к распространению тот или иной вид деструктивной

²⁴ Никишин В. Д., Осипов С. А. Меры противодействия деструктивному контенту: опыт и перспективы // Обзор. НЦПТИ. 2024. № 4 (39). С. 17.

²⁵ Правовые механизмы противодействия деструктивному контенту и вовлечению в противоправную деятельность через онлайн-сообщества : монография / под ред. А. В. Минбалеева, В. Д. Никишина. М. : Проспект, 2025. С. 53–54.

²⁶ См., например: Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму : методическое издание. М. : ГУ РФЦСЭ при Минюсте России ; Эком, 2011 ; Они же. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму : методические рекомендации. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014 ; Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : методическое пособие / А. М. Плотников, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин [и др.] ; под ред. С. А. Смирновой. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.

информации, конкретизируются в ведомственных критериях федеральных органов исполнительной власти (см., например, приказ Роскомнадзора от 27.02.2023 № 25²⁷). Вместе с тем для конкретизации, обеспечивающей прозрачность, аргументированность и обоснованность решений, связанных с ограничением доступа к тому или иному ресурсу как содержащему противоправную информацию, важно применение методологии, подразумевающей использование диагностических комплексов как образцов-эталонов признаков. Такой подход, как было указано выше, позволяет на практике обеспечить гарантию баланса права на свободу слова и ограничения этого права, а также исключить необоснованное принятие решения об ограничении доступа к тому или иному интернет-ресурсу.

Таким образом, методология правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента предполагает выявление признаков компонентов информационных материалов (установление смысловой направленности) на основе критериев, содержащихся в диагностических комплексах, и правовую квалификацию информационных материалов как нарушающих или не нарушающих законодательно установленные запреты.

Методика проведения правовой экспертизы деструктивно-противоправного контента, согласно методологии, разработанной ИИМБ МГЮА, включает в себя пять этапов:

1) предварительное исследование информационных материалов (включая отбор объектов исследования и выдвижение гипотез о соответствии материалов конкретным диагностическим комплексам);

2) лингво-правовой анализ компонентов информационного материала:

2.1) определение признаков компонентов в исследуемом информационном материале;

2.2) построение модели исследуемого информационного материала (синтез компонентов);

3) сравнение компонентов исследуемого информационного материала с образцом-эталонem (диагностическим комплексом) и формулирование промежуточного вывода:

3.1) сравнение полученной модели с образцами-эталонами (диагностическими комплексами);

3.2) оценка результатов и формулирование промежуточного вывода;

4) правовая квалификация информационного материала как содержащего / не содержащего противоправный контент:

4.1) соотнесение вида диагностического комплекса с конкретными подпунктами и пунктами ведомственных критериев оценки информации, а также диспозициями ч. 5 ст. 15.1 и (или) ч. 1 ст. 15.3 Закона об информации;

4.2) оценка результатов и формулирование вывода о правовой квалификации информационного материала;

5) формулирование итогового вывода.

Формулировки законодательных запретов и установленных на подзаконном уровне критериев ориентированы на оценку информационных материалов, включающих в себя явные вербальные компоненты, установление содержания которых позволяет сделать безопасный вывод о наличии оснований для внесудебной блокировки. Однако в ходе исследования информационных материалов можно столкнуться с ситуацией, когда для проведения правового анализа либо отсутствует вербальная составляющая, либо присутствует только ее минимальное количество, недостаточное для вычленения лингвистических и (или) психологических признаков противоправности.

Соответственно, для реализации потенциала правовой экспертизы деструктивного контента в правоприменении (исследовании конкретных информационных материалов с целью ограничения доступа к ним в случае противоправности) и правотворчестве (устранении серых зон и пробелов законодательства, не охватывающего виды информации, имеющей значительный деструктивный потенциал, но не подпадающей под формальные законодательные формулировки) необходимы дополнительные инструменты оценки характера и степени воздействия информационных материалов на человека. Потенциал научно обоснованной объективной оценки воздействия контента на

²⁷ Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 27.02.2023 № 25 «Об утверждении критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»...» // СПС «КонсультантПлюс».

человека видится в интеграции нейротехнологий в процесс правовой экспертизы потенциально деструктивного контента.

Нейротехнологии: понятие и виды

Для наиболее продуктивной оценки перспектив использования нейротехнологий при изучении воздействия информационных материалов на человека следует прежде всего обозначить сущность функционирования самих нейротехнологий.

В действующих нормативных технических актах можно обнаружить закрепленное определение понятия «нейротехнологии». Так, согласно позиции Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии РФ (Росстандарт) нейротехнологии — это технологии, которые используют или помогают понять работу мозга, мыслительные процессы, высшую нервную деятельность, в том числе технологии по усилению, улучшению работы мозга и психической деятельности²⁸.

В рамках функционирования нейротехнологий наиболее часто применяются такие направления, как:

— нейровизуализация — использование технических устройств и методик для наблюдения за структурой или функционированием мозга, картирования активности мозга²⁹;

— нейромодуляция — изменение и модулирование деятельности мозга с использованием методов и устройств для торможения или стимуляции целевых участков мозга³⁰;

— интерфейсы «мозг — компьютер» — сбор данных о нейронной активности мозга с помощью записывающих устройств, их расшифровка для извлечения информации о человеке и использование этой информации для генерации команд, направленных на управление внешними устройствами³¹. Подгруппой этих интерфейсов можно считать аффективное вычисление, или искусственный эмоциональный интеллект. Его разработка объединяет различные области, включая инженерные науки, нейробиологию и психологию поведения с целью создания машин, способных не только интерпретировать, но и моделировать человеческие эмоции и таким образом адаптировать свою реакцию в зависимости от психологического состояния субъекта. В настоящее время многие системы на основе искусственного эмоционального интеллекта используют технологии отслеживания движения глаз (так называемый айтрекинг) и мимики, поскольку, согласно многочисленным исследованиям, лицо — это та часть человеческого тела, с помощью которой мы чаще всего выражаем свои мысли³². Некоторые ученые утверждают, что параметры глазодвигательной активности могут служить объективными индикаторами внимания и нагрузки³³.

²⁸ Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23.12.2020 № 1372-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации ГОСТ Р 59277–2020. “Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта”» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.06.2025).

²⁹ Доклад Консультативного комитета Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН «Воздействие, возможности и проблемы применения нейротехнологии в отношении поощрения и защиты всех прав человека» // URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g24/133/30/pdf/g2413330.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).

³⁰ Доклад Консультативного комитета Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН «Воздействие, возможности и проблемы применения нейротехнологии в отношении поощрения и защиты всех прав человека».

³¹ Wexler A., Peter B. Reiner Oversight of direct-to-consumer neurotechnologies // Science. 2019. Vol. 363. № 6424. P. 234–235.

³² Спозини Л. Влияние новых технологий на экономическое поведение и свободу выбора потребителя: от нейромаркетинга к нейроправам // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 74–100.

³³ Ребрейкина А. Б., Левкович К. М. Разработка методик на основе айтрекинга для диагностики когнитивных функций у детей // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 2. С. 33–43.

Востребованные направления использования нейротехнологий в исследовании информационных материалов

Стоит отметить наличие определенных тенденций в интернет-медиа, которые обуславливают потребность в применении нейротехнологий для обоснования юридически значимых решений в сфере оборота информации.

Во-первых, актуальность направления использования нейротехнологий для правовой оценки информационных материалов, как было отмечено ранее, объясняется появлением новых форм контента, которые в состоянии деструктивно воздействовать на сознание человека, побуждать его к совершению определенных действий, но в то же время не могут быть оценены на предмет такого воздействия с использованием уже выработанных, традиционных способов анализа информационной продукции, которые основываются преимущественно на вербальных признаках. Исследования в области нейромаркетинга демонстрируют, что подобная детекция уже возможна³⁴. В частности, речь идет о доказательстве того, что комбинированный анализ ЭЭГ и айтрекинга небольшой группы испытуемых позволяет предсказать эффект массовой рекламной кампании. Соотношение мощности бета- и альфа-ритмов в центральных отведениях ЭЭГ служит индикатором вовлеченности и коррелирует с поведенческими метриками эффективности рекламы. При этом многомерный анализ паттернов дает представление о том, как конкретные визуальные стимулы кодируются в детализированных паттернах активности мозга³⁵.

Результаты нейроправовой экспертизы могут быть использованы при выработке оптимальных правовых моделей регулирования определенных видов контента: возможного пересмотра и конкретизации видов противоправной информации, а также оценки появляющихся новых ее видов, которые в зависимости от степени воздействия на человеческое сознание могут быть отнесены к противоправным или ограниченным к распространению среди определенных возрастных категорий.

Современные формы трансляции контента отражают тенденцию к минимизации вербальной составляющей и повсеместной креолизации, т.е. распространению в социальных медиа преимущественно не гомогенных (монокодовых), а гетерогенных (поликодовых, креолизованных) информационных материалов, которые не всегда соответствуют традиционно выделяемым признакам текста. Например, наиболее популярный в социальных медиа жанр мема охватывает максимально креолизованные информационные продукты, в которых вербальная составляющая минимальна (а иногда и сведена к нулю).

Такая природа информационного продукта усложняет, а порой и не позволяет установить его содержание традиционными методами семантического анализа, вычленив компоненты речевого продукта, необходимые для сравнения с диагностическим комплексом и правовой оценки. Соответственно, мы имеем дело с ситуацией, когда мем однозначно воздействует на аудиторию, но мы не в состоянии доказательно установить, как именно, а субъективная оценка восприятия информационного продукта экспертом не может ложиться в основу юридически значимого решения.

Например, в серой зоне действующего законодательства сегодня оказываются мемы «юмористической» тематики, снимающие табу с определенных запретных тем (насилие по отношению к детям и беременным женщинам, живодерство, некрофилия, терроризм и пр.)³⁶. Рассматривать такой контент как низкосортный/черный/тупой юмор, отдавая оценку его приемлемости на откуп нормам морали и нравственности? Или расценивать его как составную (стартовую) часть информационной кампании по нормализации неприемлемых для общества идей по модели «окно Овертона» и задействовать публично-правовые механизмы ограничения доступа к этому контенту (среди определенных возрастных категорий или вообще)? Представляется, что помочь оценить реальное влияние подобного рода контента, не подпадающего под формальные законодательные запреты, могут нейротехнологии на

³⁴ Central EEG Beta/Alpha Ratio Predicts the Population-Wide Efficiency of Advertisements / A. Kislov, A. Gorin, N. Konstantinovskiy [et al.] // Brain Sciences. 2013. № 13. P. 57.

³⁵ Heinze J., Anders S., Bode S. Multivariate decoding of fMRI data: Towards a content-based cognitive neuroscience // e-Neuroforum. 2012. Vol. 3. № 1. P. 1–16.

³⁶ Никишин В. Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений // Lex russica. 2022. № 11 (192). С. 131–148.

основе анализа когнитивных процессов мозга и установления наличия или отсутствия деструктивности.

Во-вторых, отдельного внимания заслуживает возможность использования нейрорасовой экспертизы при оценке информационных материалов, в которых вербальные компоненты как таковые могут отсутствовать. Наиболее ярко данный тезис можно проиллюстрировать на примере внесудебной блокировки музыкальной продукции. Так, потенциально противоправными являются музыкальные жанры, которые не строятся на наличии текстового содержания, а делают основной упор на инструментальный отыгрыш, мелодию. Это может быть воздействующая на подсознание музыка, способная ввести человека в транс, подтолкнуть к совершению самоубийства и т.п. Потенциально рисковыми жанрами выступают отдельные разновидности панк-рока, в частности *melodic punk*. К этой же группе относятся и произведения депрессивной направленности. Говоря о таком жанре, следует отметить тренд на применение нейросетей для создания медиаконтента.

Посредством нейросетей множится контент, создаваемый рядовыми пользователями: на онлайн-платформах присутствуют заранее заготовленные промпты, которые позволяют создать аудиоконтент особой направленности. Проведенный нами мониторинг показал, что таковыми являются промпты по тематикам «гнетущая атмосфера», «тревожные ощущения», «давящее чувство», «чувство безысходности» и т.п.³⁷

В-третьих, еще одно направление использования нейротехнологий — проведение нейрорасовой экспертизы с целью определения способности конкретного вида контента подпадать под признаки именно пропаганды. То есть речь идет о разграничении понятий «демонстрация» и «пропаганда», что часто имеет принципиальное юридическое значение: 1) в ряде случаев ответственность может наступать только за пропаганду, а не за демонстрацию; 2) за пропаганду и демонстрацию может быть разная ответственность.

Так, согласно ст. 6.21 КоАП в Российской Федерации запрещена пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений (среди любых

возрастных категорий). Пропагандирующая их информация подпадает под внесудебную блокировку в соответствии с п. «л» ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации. Однако демонстрация нетрадиционных сексуальных отношений запрещена только среди несовершеннолетних (ст. 6.21.2 КоАП РФ), такая информация признается причиняющей вред здоровью и развитию детей (ст. 5 Закона о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию). Демонстрация фактически сводится к такому компоненту информационного продукта, как «тематика», при этом отношение и речевые цели могут быть разными; определенные символы, сцены и прочее могут демонстрироваться, например, с целью сформировать негативное отношение к репрезентуемым идеям. Для правовой квалификации важен анализ не только того, о чем говорится (что демонстрируется), но и того, какое отношение к тематике выражено и какова коммуникативная цель, а при отсутствии или минимальном объеме вербального компонента применение традиционных методов анализа информационных материалов неэффективно и объективное экспертное исследование превращается в субъективную экспертную оценку. В таких случаях востребован дополнительный доказательный материал — данные о реакциях мозга на стимулы в виде спорных информационных материалов: какие эмоции материал действительно вызывает, какое отношение к демонстрируемому формирует и т.п.

Другой пример юридической значимости определения целей демонстрации — экстремистская атрибутика или символика. Примечание к ст. 20.3 КоАП РФ устанавливает, что ее действие не распространяется на случаи формирования негативного отношения к идеологии нацизма и экстремизма при отсутствии признаков пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии.

Полагаем, нейротехнологии смогут оказывать помощь экспертам в разграничении демонстрации и пропаганды, а также законной и незаконной демонстрации. Нововведения позволят соблюсти баланс между правом на свободу слова и публичными интересами, сопряженными с защитой от информации определенных категорий лиц.

³⁷ В качестве примера рассмотрим платформу *Zvukogram.com* — онлайн-сервис на базе нейросетей для работы с аудиоконтентом. Он позволяет пользователям преобразовывать текст в качественные аудиофайлы.

В-четвертых, в качестве перспективного направления использования нейротехнологий при проведении экспертизы информационных материалов нужно отметить возможность оценки на наличие скрытых вставок, способных воздействовать на подсознание людей. В российском законодательстве предусмотрена административная ответственность за изготовление и (или) распространение теле-, видео-, кинопрограмм, документальных и художественных фильмов, а также относящихся к специальным средствам массовой информации информационных компьютерных файлов и программ обработки информационных текстов, содержащих скрытые вставки, воздействующие на подсознание людей и (или) оказывающие вредное влияние на их здоровье (ч. 1 ст. 13.15 КоАП). Однако практика привлечения к ответственности за это правонарушение фактически отсутствует. Предполагается, что такое положение вещей вызвано сложностью выявления вредоносного воздействия на подсознание человека и, как следствие, доказывания наличия состава правонарушения. Нейротехнологии, позволяющие проанализировать реакции мозговой активности на конкретные информационные материалы, могут быть использованы в правоприменительной практике для установления наличия и характера скрытой вставки.

Изложенное дает основание для выдвижения тезиса о необходимости расширения сферы правового регулирования в области информации, а именно средств массовой информации.

Статьей 2 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»³⁸ специализированное средство массовой информации определяется как «средство массовой информации, для регистрации или распространения продукции которого настоящим Законом установлены специальные правила». Таковыми являются детские и рекламные издания. Как мы можем заметить, действием статьи охватываются только средства массовой информации. Но подобные вставки могут содержаться и в иных формах медиаконтента, что дает повод говорить о необходимости расширения поля правового регулирования. Нейротехнологии способны внести положительный вклад в оценку

медиапродукции на предмет присутствия в ней скрытых вставок.

В-пятых, приведенные тезисы-гипотезы о перспективах использования нейроправовой экспертизы в обеспечении информационной безопасности также могут найти отклик в рамках правового комплаенса медиаактивности. Нейротехнологии дадут возможность предварительно определять, как информационный продукт воздействует на сознание человека, и проводить оценку потенциальной противоправности контента перед тем, как размещать информационные материалы на публичных площадках, чтобы избежать попадания в рисковую зону за размещение противоправных материалов. Адресатами данного комплаенса могут быть те, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с производством и распространением медиаконтента (ряд производителей медиаконтента в последние годы уже прибегает к нейромаркетинговому консалтингу — оценке привлекательности контента с помощью айтирекинга, что обладает лишь ограниченными возможностями).

В подтверждение перспективности данного направления — нейроправового комплаенса медиапродукта — обратим внимание на вступившие в силу с 1 марта 2026 г. поправки, согласно которым не будет выдаваться прокатное удостоверение кинематографической продукции, дискредитирующей российские традиционные духовно-нравственные ценности или пропагандирующей их отрицание, а владельцы социальных сетей и аудиовизуальных сервисов обязаны по требованию Роскомнадзора прекращать распространение такого фильма (сериала), а также осуществлять внутреннюю модерацию с целью выявления контента, в отношении которого было отозвано прокатное удостоверение³⁹.

В-шестых, нельзя забывать о таком направлении использования нейроправовой экспертизы информационных материалов, как экспертиза медиаконтента, произведенного при государственной поддержке. Ее актуальность обусловлена тем, что в современном изменяющемся мире важным средством обеспечения национальной безопасности Российской Федерации

³⁸ Российская газета. 1992, 8 февраля. № 32.

³⁹ Федеральный закон от 31.07.2025 № 324-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.5 и 10.6 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 5 и 5.1 Федерального закона “О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации”» // Российская газета. 2025, 7 августа. № 175–176.

выступает защита традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. В соответствии с Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴⁰ одним из основных организационных инструментов реализации рассматриваемой политики является «оценка проектов (в том числе информационных и иных материалов), программ и мероприятий на предмет соответствия традиционным ценностям при решении вопроса о целесообразности их государственной поддержки».

В ходе претворения в жизнь намеченной политики государство активно поддерживает (прежде всего финансово) множество разработчиков самого разнообразного контента, декларирующих свое созидательное предназначение, ориентированное на сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей. На практике же общественный резонанс вызывают спорные медиапродукты, подготовленные за счет государственного бюджета, но, по оценке ряда специалистов, глумящиеся над традиционными ценностями, пропагандирующие эгоизм, вседозволенность, интеллектуальную и морально-нравственную деградацию и т.п. Полагаем, что нейроправовая экспертиза медиапродукции, произведенной при государственной поддержке, окажет помощь при установлении:

- 1) смысловой нагрузки,
- 2) степени и характера психологического воздействия,
- 3) транслируемых ценностей.

Таким образом, нейроправовая экспертиза может быть использована: для предварительной оценки медиапродукта относительно возможности достижения заявленных целей и, как следствие, решения вопроса о целесообразности государственного финансирования; при оценке отчетности по уже профинансированно-

му проекту для принятия решения о дальнейшей поддержке проекта (или его держателя) на основе определения воздействия медиапродукта на потребителей контента. В такой парадигме, во-первых, будут дополнительно защищены финансовые интересы государства, а во-вторых, с помощью нейротехнологий государство сможет наиболее продуктивно выстраивать политику по защите и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, внедряя медиапродукты, производящие созидательный эффект.

На наш взгляд, нейроправовая экспертиза информационных материалов представляет собой не комплексную правовую и некую иную экспертизу («нейро-правовую»), а правовую экспертизу потенциально деструктивного контента с использованием нейротехнологий. Таким образом, ключевое отличие от методологии правовой экспертизы информационных материалов будет состоять в расширении спектра используемых специальных знаний (в сфере нейрофизиологии) и инструментов (нейрогабитур и пр.).

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что современные нейротехнологии представляют собой перспективное направление, способное оказать существенную поддержку при защите прав и законных интересов граждан в самых разных аспектах общественной жизни. Грамотное использование нейротехнологий для принятия сбалансированных нормативных моделей в области оборота информации, а также внедрение в практику правовой экспертизы медиапродуктов значительно усовершенствуют политику сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей и в целом сферу противодействия информационным угрозам и обеспечения когнитивного суверенитета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. М. : Норма, 2006. 480 с.
Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 95–101.
Галышина Е. И. Поговорим о правовой экспертизе // Правовой альманах. 2023. № 3 (25). С. 22–25.

⁴⁰ СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

- Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Информационно-мировоззренческая безопасность в интернет-медиа : монография. М. : Блок-Принт, 2023. 424 с.
- Жариков Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации : монография. М. : Юриспруденция, 2009. 212 с.
- Зотов Д. В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. Воронеж, 2015. 86 с.
- Зотов Д. В. Юридическая экспертиза как новая форма применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Воронежские криминалистические чтения. Федеральный научно-практический журнал. 2016. № 1 (18). С. 48–61.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму : методическое издание. М. : ГУ РФЦСЭ при Минюсте России ; Эком, 2011. 326 с.
- Никишин В. Д. Вредоносная информация в интернет-медиа: «окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений // Lex russica. 2022. № 11 (192). С. 131–148.
- Никишин В. Д., Галяшина Е. И. Юридиколо-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминальной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 179–193.
- Никишин В. Д., Осипов С. А. Меры противодействия деструктивному контенту: опыт и перспективы // Обзор. НЦПТИ. 2024. № 4 (39). С. 14–25.
- Правовые механизмы противодействия деструктивному контенту и вовлечению в противоправную деятельность через онлайн-сообщества : монография / под ред. А. В. Минбалева, В. Д. Никишина. М. : Проспект, 2025. 224 с.
- Ребрейкина А. Б., Левкович К. М. Разработка методик на основе айтрекинга для диагностики когнитивных функций у детей // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 2. С. 33–43.
- Россинская Е. Р. Концепция судебно-нормативных экспертиз как основа использования специальных юридических знаний в судебно-экспертной деятельности // Вестник ННГУ. 2015. № 2. С. 149–152.
- Россинская Е. Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы // Argumentum ad iudicium. ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА. Труды. Т. 2. М., 2006. С. 234–241.
- Россинская Е. Р. Судебная юридическая (правовая) экспертиза: за и против с позиций современной судебной экспертологии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 8 (24). С. 56–69.
- Секераж Т. Н. Актуальные вопросы психологического исследования материалов по делам, связанным с проявлениями экстремизма // Психология и право. 2014. Т. 4. № 4. С. 88–98.
- Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : методическое пособие / А. М. Плотников, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин [и др.] ; под ред. С. А. Смирновой. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
- Современные исследования нейрональных основ принятия моральных решений / В. Г. Булыгина, И. М. Исангалиева, О. Д. Пеева [и др.] // Психология и право. 2023. Т. 13. № 2. С. 110–126.
- Спозини Л. Влияние новых технологий на экономическое поведение и свободу выбора потребителя: от нейромаркетинга к нейроправам // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 74–100.
- Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2026. 368 с.
- Central EEG Beta/Alpha Ratio Predicts the Population-Wide Efficiency of Advertisements / A. Kislov, A. Gorin, N. Konstantinovskiy [et al.] // Brain Sciences. 2013. № 13. P. 57.
- Farah M. J. Emerging ethical issues in neuroscience // Nature Neuroscience. 2002. Vol. 5. № 11. P. 1123–1130.
- Galyashina E. I., Bogatyrev K. M. Legal Expertise as a Tool of Countering Violent Extremism in the Web 2.0 // Kutafin Law Review. 2024. Vol. 11. № 1. P. 142–158.
- Heinzle J., Anders S., Bode S. Multivariate decoding of fMRI data: Towards a content-based cognitive neuroscience // e-Neuroforum. 2012. Vol. 3. № 1. P. 1–16.
- Wexler A., Peter B. Reiner Oversight of direct-to-consumer neurotechnologies // Science. 2019. Vol. 363. № 6424. P. 234–235.

REFERENCES

- Ageev VS. Psychological research of social stereotypes. *Voprosy psikhologii*. 1986;1:95-101. (In Russ.).
- Averyanova TV. Forensic examination: A general theory course. Moscow: Norma Publ.; 2006. (In Russ.). P. 186. (In Russ.).
- Bulygina VG, Isangalieva IM, Peeva OD, Remeeva AF, Lysenko NE. Modern research on the neural foundations of moral decision-making. *Psihologiya i pravo*. 2023;13(2):110-126. (In Russ.).
- Farah MJ. Emerging ethical issues in neuroscience. *Nature Neuroscience*. 2002;5(11):1123-1130.
- Galyashina EI, Bogatyrev KM. Legal Expertise as a Tool of Countering Violent Extremism in the Web 2.0. *Kutafin Law Review*. 2024;11(1):142-158.
- Galyashina EI, Nikishin VD. Information and ideological security in Internet media: A monograph. Moscow: Blok-Print Publ.; 2023. (In Russ.).
- Galyashina EI. Let's talk about legal expertise. *Pravovoj almanah*. 2023;3(25):23. (In Russ.).
- Heinzle J, Anders S, Bode S. Multivariate decoding of fMRI data: Towards a content-based cognitive neuroscience. *e-Neuroforum*. 2012;3(1):1-16.
- Kislov A, Gorin A, Konstantinovskiy N, Klyuchnikov V, Bazanov B, Klucharev V. Central EEG Beta/Alpha Ratio Predicts the Population-Wide Efficiency of Advertisements. *Brain Sciences*. 2013;13:57.
- Kukushkina OV, Safonova YuA, Sekerazh TN. Theoretical and methodological foundations of forensic psychological and linguistic expertise of texts in cases related to countering extremism: Methodical edition. Moscow: GU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia: ECOM; 2011. (In Russ.).
- Legal mechanisms for countering destructive content and involvement in illegal activities through online communities: A monograph. Minbaleev AV, Nikishin VD (eds.). Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.). P. 53–54. (In Russ.).
- Nikishin VD, Osipov SA. Measures to counter destructive content: Experience and prospects. *Obzor. NCPTI*. 2024;4(39):17. (In Russ.).
- Nikishin VD, Galyashina EI. Legal Linguistic Approach to the Study of Criminogenic Communication Polycode Texts in the Digital Environment in order to Ensure Information (Worldview) Security. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;15(6):179-193. (In Russ.).
- Nikishin VD. Harmful Information in Internet Media: The «Overton Window» and Destructive Network Content Interrelationships. *Lex russica*. 2022;75(11):131-148. (In Russ.).
- Rebreikina AB, Levkovich KM. Development of eye-tracking techniques for the diagnosis of cognitive functions in children. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*. 2024;13(2):33-43. (In Russ.).
- Rossinskaya ER. Judicial legal expertise: Pros and cons from the perspective of modern forensic expertise. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2016;8(24):63. (In Russ.).
- Rossinskaya ER. Special legal knowledge and forensic regulatory expertise. *Argumentum ad Yuridicum VUZY — MUI — MSAL, Proceedings*. 2006;2:234-241. (In Russ.).
- Rossinskaya ER. The concept of forensic regulatory examinations as a basis for the use of special legal knowledge in forensic expertise. *Vestnik NNGU*. 2015;2:149-152. (In Russ.).
- Sekerazh TN. Current issues of psychological research of materials on cases related to manifestations of extremism. *Psihologiya i pravo*. 2014;4(4):88-98. (In Russ.).
- Semantic research in forensic linguistic expertise: A methodological guide. Plotnikov AM, Kuznetsov VO, Sazhenin II, et al.; Smirnova SA (ed.). Moscow: Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation; 2018. (In Russ.).
- Sponisi L. Impact of New Technologies on Economic Behavior and Consumer Freedom of Choice: from Neuromarketing to Neuro-Rights. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(1):74-100. (In Russ.).
- Theory of forensic examination (Forensic expertise): A textbook. Rossinskaya ER (ed.). 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2026. (In Russ.).
- Wexler A, Peter B. Reiner Oversight of direct-to-consumer neurotechnologies. *Science*. 2019;363(6424).
- Zharikov YuS. Criminal law regulation and the mechanism of its implementation: A monograph. Moscow: Yurisprudenciya Publ.; 2009. (In Russ.).
- Zotov DV. Legal expertise as a new form of application of special knowledge in criminal proceedings. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya. Federalnyj nauchno-prakticheskiy zhurnal*. 2016;1(18):48-61. (In Russ.).
- Zotov DV. Legal expertise in criminal proceedings: From legalization to procedural regulation. Voronezh; 2015. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никишин Владимир Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, директор Института информационной и медиabezопасности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
nikishin.v.d@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir D. Nikishin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Information Law and Digital Technologies, Director, Institute of Information and Media Security, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
nikishin.v.d@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 24 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 1 апреля 2026 г.
Принята к печати 15 апреля 2026 г.*

*Received 24.03.2025.
Revised 01.04.2026.
Accepted 15.04.2026.*

М. В. Шмелева

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Ю. А. Амельченя

Национальный центр законодательства
и правовой информации Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь

Реестр недобросовестных поставщиков в России и Беларуси: сравнительно-правовой анализ

Резюме. В статье представлен комплексный сравнительно-правовой анализ института реестра недобросовестных поставщиков (РНП) в России и Беларуси в контексте права Евразийского экономического союза. Исследование выявляет, что, несмотря на публично-правовую природу санкций в виде включения в РНП, основанием для их применения становится частноправовое поведение поставщика при заключении или исполнении договора государственной закупки. Авторы детально анализируют правовую природу РНП, процедуры включения и исключения из Реестра, критерии оценки вины поставщика и актуальную судебную практику в обоих государствах. Особое внимание уделяется соразмерности применения такой меры ответственности и различиям в подходах к досрочному исключению из Реестра. В России отсутствует возможность досрочного исключения из РНП, что создает более жесткие условия для поставщиков, тогда как в Беларуси предусмотрены различные основания для досрочного исключения. Авторы предлагают пути совершенствования законодательства обоих государств, в том числе дифференциацию сроков нахождения в РНП, развитие механизмов досрочного исключения, формирование позитивного реестра добросовестных поставщиков и гармонизацию подходов к ведению РНП в рамках ЕАЭС. Реализация данных предложений позволит обеспечить баланс между публичными интересами и правами участников закупок с учетом принципов справедливости, соразмерности и индивидуализации ответственности.

Ключевые слова: государственные закупки; реестр недобросовестных поставщиков; контрактная система; административная ответственность; принцип соразмерности; Евразийский экономический союз; сравнительно-правовой анализ; досрочное исключение из реестра; судебная практика; гармонизация законодательства

Для цитирования: Шмелева М. В., Амельченя Ю. А. Реестр недобросовестных поставщиков в России и Беларуси: сравнительно-правовой анализ. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 139–152. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.139-152

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Register of Unfair Suppliers in Russia and Belarus: A Comparative Legal Analysis

Marina V. Shmeleva

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Yulia A. Amelchenya

National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. This paper presents a comprehensive comparative legal analysis of the institution of the Register of Unfair Suppliers (Reestr nedobrosovestnykh postavshchikov (RNP)) in Russia and Belarus within the context of the law of the Eurasian Economic Union. The study reveals that despite the public-law nature of the sanctions associated with inclusion in the RNP, the grounds for their application arise from the private-law conduct of the supplier during the conclusion or performance of a public procurement contract. The authors analyze in detail the legal nature of the RNP, the procedures for inclusion and exclusion from the register, the criteria for assessing the supplier's guilt, and current judicial practice in both countries. Particular attention is given to the problem of proportionality of the application of this measure of responsibility and differences in approaches to withdrawal from the register. In Russia, there is no possibility of withdrawal from the RNP, which creates more stringent conditions for suppliers, while in Belarus there are various grounds for withdrawal, including cases involving domestic manufacturers and situations related to the affiliation of participants. The authors propose measures to improve the legislation of both states, including differentiation of terms of stay in the RNP, the development of withdrawal mechanisms, the formation of a positive register of bona fide suppliers and the harmonization of approaches to the management of RNP within the EAEU. The implementation of these proposals will ensure a balance between public interests and the rights of procurement participants, taking into account the principles of fairness, proportionality and individualization of responsibility.

Keywords: public procurement; register of unfair suppliers; contract system; administrative responsibility; principle of proportionality; Eurasian Economic Union; comparative legal analysis; withdrawal from the register; judicial practice; harmonization of legislation

Cite as: Shmeleva MV, Amelchenya YuA. Register of Unfair Suppliers in Russia and Belarus: A Comparative Legal Analysis. *Lex russica*. 2026;79(5):139-152. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.139-152

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Особое значение государственных закупок для экономического развития любого государства создает предпосылки установления достаточно жестких требований к контрагентам государственных заказчиков, на которых возложено освоение бюджетных средств для приобретения товаров (работ, услуг) с целью выполнения государственных задач.

В отличие от общих правил гражданского оборота и содержания принципа свободы договора¹, включающего единство как минимум

пяти элементов, для сферы государственных закупок предусмотрены ограничения на участие в таких закупках, общие для всех государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) (далее также — Союз).

В частности, в нормах права Союза содержатся императивные предписания, адресованные Российской Федерации и Республике Беларусь, о необходимости закрепления в контрактном законодательстве порядка формирования и ведения реестра недобросовестных поставщиков (РНП) (п. 13 Протокола о порядке регулирования закупок, являющегося приложе-

¹ Бондаренко Н. Л. Принцип свободы договора в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2001. С. 4 ; Годунов В. Н. Принцип свободы договора и его реализация в законодательстве Республики Беларусь // Право и демократия : сборник научных трудов. Вып. 23. Минск : БГУ, 2012. С. 146.

нием № 25 к Договору о Союзе от 29.05.2014², далее — Протокол № 25). При этом целесообразность ограничения заказчиками участия в процедурах закупок лиц, включенных в РНП, определяется самим государством-членом, что вытекает из п. 14 Протокола № 25.

Несмотря на лаконичные формулировки Протокола № 25, каждым государством-членом реализуются его положения с учетом национальных особенностей, а в ряде случаев исследователи указывают даже на «разрыв между государствами — членами ЕАЭС в правовом регулировании осуществления государственных закупок на национальном уровне»³.

Уяснение содержания таких национальных особенностей применительно к подходам российского и белорусского законодателей представляет особую ценность, поскольку именно эти страны демонстрируют наиболее глубокую интеграцию, что прослеживается в реализации механизма взаимного признания электронной цифровой подписи на протяжении более чем 10 последних лет, банковских гарантий при осуществлении государственных (муниципальных) закупок. Взаимное участие в процедурах государственных закупок резидентов двух стран в сравнении с другими государствами-членами наибольшее⁴.

Цель статьи — теоретико-прикладное осмысление подходов к порядку формирования и ведения РНП в России и Беларуси с выработкой предложений по совершенствованию законодательства двух государств.

В качестве основного метода использован сравнительно-правовой, позволяющий установить специфику правовой регламентации исследуемых отношений и предложить направления гармонизации законодательства.

1. Правовая природа реестра недобросовестных поставщиков

Реестр недобросовестных поставщиков представляет собой информационную базу данных, содержащую сведения об участниках закупок, уклонившихся от заключения контрактов, а также о поставщиках (подрядчиках, исполнителях), с которыми контракты расторгнуты по решению суда или ввиду одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением ими условий контрактов.

Верховный Суд РФ указывает, что «включение в реестр недобросовестных поставщиков является специальной мерой юридической ответственности, установленной законодателем в целях обеспечения исполнения лицом принятых на себя в рамках процедуры размещения государственного или муниципального заказа обязательств. Одним из последствий такого включения (в качестве санкции за допущенное нарушение) может являться ограничение прав такого лица на участие в течение установленного срока в торгах для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁵.

Таким образом, РНП следует рассматривать как институционально-правовой механизм превентивной защиты публичных интересов, функционирующий как информационно-репутационный барьер контрактной системы, который посредством временного ограничения правоспособности субъектов, проявивших недобросовестность в договорных отношениях с государством, обеспечивает качественный отбор участников закупочного процесса и стимулирует формирование культуры добросовестного исполнения обязательств при расходовании бюджетных средств.

² Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.12.2025).

³ Бакиновская О. А. «Ребрендинг» законодательства Республики Беларусь о государственных закупках: влияние права Союза и практики Суда ЕАЭС // Десять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: сборник материалов Международной конференции Суда ЕАЭС (г. Минск, 21–22 ноября 2024 г.). Минск, 2025. С. 372.

⁴ Государственные (муниципальные) закупки государств — членов Евразийского экономического союза. Обзор — 2024 // URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/823/1p7k3rip83w40hfpef21phqc80wez106/statobzor-2024-ok.pd> (дата обращения: 20.12.2025).

⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.10.2023 № 305-ЭС23-10096 по делу № А40-47485/2022 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16102023-n-305-es23-10096-po-delu-a40-474852022/?ysclid=mkf8h8pzp0136508548> (дата обращения: 20.12.2025).

2. Сравнительный анализ оснований и процедуры включения в РНП в России и Беларуси

2.1. Российская Федерация

Законодательная основа для функционирования РНП в России закреплена в ч. 2 ст. 104 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁶. Данная норма определяет три ключевые категории субъектов, подлежащих включению в РНП: участники, уклонившиеся от подписания контракта после признания их победителями; поставщики, с которыми контрактные отношения прекращены по судебному решению; исполнители, в отношении которых заказчик реализовал право одностороннего отказа вследствие существенных нарушений контрактных обязательств.

Знаковым изменением в механизме функционирования РНП стало расширение с 1 июля 2022 г. круга субъектов, информация о которых подлежит внесению в Реестр. Теперь санкционному воздействию подвергаются не только юридические лица — нарушители, но и их бенефициары — члены коллегиальных исполнительных органов, директора и контролирующие лица, владеющие более 1/4 голосующих акций или долей. Эта законодательная новелла создала эффективный барьер против распространенной практики «корпоративной миграции», когда недобросовестные участники рынка госзакупок после включения в РНП продолжали деятельность через вновь созданные юридические лица.

В связи с этим учредители и руководители компании, которая попала в РНП, не смогут открыть новую организацию и участвовать в закупках⁷.

Алгоритм включения в РНП характеризуется строгой процессуальной регламентацией. Инициатором выступает заказчик, обязанный в трехдневный срок с момента возникновения законных оснований направить соответствующие

материалы в Федеральную антимонопольную службу. ФАС России, выступая в роли арбитра, в пятидневный срок проводит всестороннюю оценку представленных материалов, верифицируя факты уклонения от заключения контракта либо существенности нарушений, послуживших основанием для одностороннего расторжения.

Отличительной чертой российской модели формирования РНП является квазисудебный характер процедуры рассмотрения. Специальная комиссия ФАС России проводит заседание с обязательным уведомлением и приглашением всех заинтересованных сторон — как заказчика, инициировавшего процедуру, так и поставщика. Такой подход воплощает принцип состязательности, давая поставщику возможность представить контраргументы, опровергающие обвинения в недобросовестности, и обеспечивает объективность принимаемого решения через сопоставление противоположных позиций в рамках административной процедуры.

2.2. Республика Беларусь

В Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, законодатель предусмотрел формирование и ведение не РНП, а списка поставщиков (подрядчиков, исполнителей), временно не допускаемых к участию в процедурах государственных закупок (далее — Список), в развитие норм права Союза.

В связи с наличием такого Списка участниками процедур государственных закупок не могут выступать включенные в него лица. Но имеются некоторые исключения из этого правила (абз. 1 п. 2 ст. 16 Закона Республики Беларусь от 13.07.2012 № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)»⁸).

Очевидным образом целеполагание подобной меры предопределено функциональным назначением системы государственных закупок⁹, ее особой социальной и экономической значимостью, а соответственно, и повышенными требованиями к контрагентам договоров государственной закупки. Хотя речь идет о запрете участия в процедурах государственных

⁶ СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

⁷ Постановление АС Дальневосточного округа от 23.12.2024 № Ф03-4970/2024 по делу № А59-5860/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/f81rgloQXs5K/?ysclid=mkf8j12eyb541222605> (дата обращения: 20.12.2025).

⁸ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H11200419&ysclid=mkf8l08di8300811163> (дата обращения: 20.12.2025).

⁹ Амельченя Ю. А. Системный подход к сфере государственных закупок: теоретическое осмысление // Судовы веснік. 2025. № 1. С. 70–76.

закупок, однако логическим следствием данного запрета выступает невозможность вступить в договорные отношения для субъектов, включенных в Список. В гражданском обороте, кроме государственных закупок, подобная мера действует только для закупок за счет собственных средств¹⁰, чем объясняется ее исключительный характер для двух указанных сфер общественных отношений.

Специфичность Списка как правового явления состоит в следующем. С одной стороны, это ограничение правоспособности юридических и физических лиц, включая индивидуальных предпринимателей, а именно права на участие в процедурах государственных закупок, когда включенный в Список субъект лишается такого права на двухлетний период¹¹. Включение в Список носит административный характер. Факт такого включения не предполагает имущественного воздействия на недобросовестного субъекта, мера имеет ограничительный характер и публично-правовое содержание, она не связана с применением мер гражданско-правовой ответственности, обусловлена предписаниями права Союза, но обеспечивает защиту интересов заказчиков¹² (хотя данный подход и подвергается критике¹³), устранение из числа участников процедур тех субъектов, которые ввиду их недобросовестности как действия по осуществлению права в противоречии с собственным предшествующим поведением¹⁴ создают угрозу недостижения того правового и экономического результата, который предполагает проведение процедуры государственной закупки.

С другой стороны, предпосылкой для применения подобной меры выступает действие или бездействие в рамках гражданско-правовых отношений, в частности уклонение от за-

ключения договора, неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору государственной закупки. Это свидетельствует о том, что договор государственной закупки как частноправовое средство в целом отличает применение санкций за неисполнение договорных обязательств в виде включения недобросовестного контрагента в Список.

Вопросы формирования и ведения Списка представляют особый интерес, поскольку нормы Протокола № 25 Республика Беларусь реализовала с особенностями.

Государственным органом, уполномоченным на формирование и ведение Списка, выступает Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (МАРТ) (ст. 10 Закона № 419-3). Основанием для включения субъекта в Список служит решение МАРТ, которое может быть обжаловано в судебном порядке (ч. 2 п. 2 ст. 56 Закона № 419-3), при этом срок для обжалования в законодательстве отсутствует.

Особенностью судебного обжалования выступает то, что процессуальным законодательством Республики Беларусь в качестве формы обращения в суд предусмотрено заявление об обжаловании (признании недействительным) решения МАРТ, в рамках рассмотрения которого проверяется: нарушены ли права, свободы и законные интересы заявителя; соблюдены ли требования законодательства, устанавливающие полномочия органа, принявшего (издавшего) обжалуемый ненормативный правовой акт, порядок и основания его принятия (издания); соответствует ли содержание обжалуемого ненормативного правового акта, совершенных обжалуемых действий (бездействия) законодательству, регулирующему спорные отношения.

¹⁰ Осуществляются в соответствии с постановлением Совета министров Республики Беларусь от 15.03.2012 № 229 «О совершенствовании отношений в области закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств» // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=c21200229&q_id=4944509 (дата обращения: 20.12.2025).

¹¹ Амельчяня Ю. А. Система договоров в сфере государственных закупок. Минск : Колорград, 2021. С. 111 ; Беляева О. А. Деловая репутация участников корпоративных закупок в контексте реестра недобросовестных поставщиков // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 54–63.

¹² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.09.2016 № 09АП-36709/2016 по делу № А40-66264/16 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2025).

¹³ Беляева О. А. Контрактная система: основные проблемы правоприменения и пути их преодоления // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 34–44.

¹⁴ Ем В. С., Суханов Е. А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 17.

3. Критерий вины при включении в РНП: сравнительный анализ подходов

3.1. Российская Федерация

Один из ключевых аспектов формирования РНП в России — оценка вины поставщика (подрядчика, исполнителя). Согласно сложившейся судебной практике, включение в РНП возможно только при наличии вины поставщика в совершении действий (бездействия), являющихся основанием для такого включения.

Верховный Суд РФ указал, что при решении вопроса о включении в РНП необходимо исследовать все обстоятельства дела в совокупности и взаимосвязи, в том числе устанавливать:

- характер нарушения, допущенного поставщиком;
- степень вины поставщика (умысел или неосторожность);
- наличие фактов недобросовестного поведения поставщика в прошлом;
- последствия нарушения для публичных интересов и третьих лиц;
- соразмерность включения в РНП характеру нарушения и его последствиям¹⁵.

Верховный Суд РФ, не вторгаясь в доктринальный спор о правовой природе данной ответственности, отыскал принципы, подлежащие применению к указанной специальной мере ответственности, в функциях ФАС РФ: «Применяемые государственными органами санкции должны отвечать требованиям Конституции РФ, соответствовать принципу юридического равенства, быть соразмерными конституционно защищаемым целям и ценностям, исключать возможность их произвольного истолкования и применения (п. 4 и 5.3.4 Положения о Федеральной антимонопольной службе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 № 331¹⁶)».

3.2. Республика Беларусь

В Республике Беларусь подход к оценке вины поставщика при включении в Список имеет свои особенности. Законом установлены

основания для включения в Список (п. 1 ст. 17 Закона № 419-3), которые созвучны определенным в п. 13 Протокола № 25. К ним относятся:

- уклонение участника-победителя от заключения договора государственной закупки;
- неисполнение или ненадлежащее исполнение поставщиками (подрядчиками, исполнителями) договоров государственной закупки — в случае расторжения таких договоров;
- односторонний отказ заказчика от исполнения договора государственной закупки при установлении, что поставщик (подрядчик, исполнитель) не соответствовал требованиям к участникам.

Министерством антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь осуществляется проверка формальных оснований для принятия такого решения, исключается спор о праве. Это применительно к Республике Беларусь исключает постановку вопроса о критериях «соразмерности включения в реестр недобросовестных поставщиков»¹⁷ в зависимости от характера и правовых последствий неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств включенным в Список субъектом.

Вместе с тем в судебных решениях по данной категории дел формируются правовые позиции, имеющие существенное значение для правоприменения, о чем будет сказано ниже.

4. Правовые последствия включения в РНП и сроки нахождения в нем

4.1. Российская Федерация

Информация о недобросовестных поставщиках (подрядчиках, исполнителях) хранится в РНП в течение двух лет с даты ее включения. В течение этого срока лица, включенные в РНП, не могут участвовать в закупках, проводимых в соответствии с Законом № 44-ФЗ, а также в закупках отдельными видами юридических лиц, проводимых в соответствии с Законом № 223-ФЗ¹⁸ (если такое требование установлено заказчиком в положении о закупке).

¹⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.10.2023 № 305-ЭС23-10096 по делу № А40-47485/2022.

¹⁶ СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3259.

¹⁷ Бакиновская О. А. Реализация норм права Евразийского экономического союза о ведении реестра недобросовестных поставщиков в государствах-членах // Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда : сборник материалов Международной конференции Суда ЕАЭС (г. Минск, 17–19 ноября 2021 г.). Минск, 2022. С. 396–397.

¹⁸ Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. I). Ст. 4571.

Важно отметить, что российское законодательство, в отличие от законодательства некоторых других стран, не предусматривает возможности досрочного исключения из РНП, кроме случаев, когда решение о включении в РНП признано недействительным в судебном порядке. Это создает более жесткие условия для недобросовестных поставщиков и стимулирует участников закупок к добросовестному поведению.

Для поставщика включение в РНП приведет к таким негативным последствиям, как невозможность быть признанным победителем закупки, даже если он примет участие в закупке и предложит лучшие условия поставки. Государственный заказчик проверяет потенциальных поставщиков — участников закупок нахождение в РНП и может отклонить заявки тех поставщиков, о которых есть сведения в Реестре.

4.2. Республика Беларусь

В Республике Беларусь срок нахождения в Списке также составляет два года. Однако, в отличие от российского, белорусское законодательство предусматривает возможность досрочного исключения из Списка по ряду оснований:

1. Предоставление заказчиком (организатором) не соответствующих действительности сведений, послуживших основанием для включения в Список.

Примером может служить ситуация, когда уклонение участника-победителя от заключения договора произошло по причине несоответствия содержания такого договора требованиям законодательства (п. 1 ст. 24 Закона № 419-3).

2. Действие обстоятельств непреодолимой силы и изменение курсов валют, доказательства чего должны быть представлены самим включенным в Список лицом.

3. Решение суда о признании расторжения договора недействительным, признании недействительным решения о выборе юридического или физического лица участником-победителем, признании недействительным решения МАРТ о включении в Список.

4. Специфическое основание для отечественных производителей: субъект, являющийся единственным отечественным производителем определенного товара, может быть исключен из Списка по его заявлению.

Как правило, после включения в Список досрочное исключение из него по данному основанию осуществляется в течение нескольких дней. Это предоставляет отечественному производителю определенного товара, даже не являвшегося предметом государственной закупки в процедуре, в которой участвовал и проявил себя недобросовестно включенный в Список субъект, заведомо зная о такой возможности обхода включения в Список, возможность выстраивать поведение, следуя своим экономическим интересам, например отказаться заключить договор государственной закупки по результатам конкурентной процедуры при невыгодных для него условиях. В то же время законодатель ограничивает однократностью использование такого основания досрочного исключения из Списка отечественного производителя определенного товара во избежание злоупотребления правом.

5. С 14 декабря 2024 г. появилось основание для исключения из Списка, связанное с требованием об отсутствии аффилированности участника-победителя со всеми другими участниками.

Здесь необходимо сделать отступление и сказать, что в Республике Беларусь в силу предписаний законодательства применяется ряд требований к участникам процедур государственных закупок (ст. 16 Закона № 419-3), а соответственно, и будущей стороне по договору. Требования к участникам связаны в целом с наличием у поставщика (подрядчика, исполнителя) права на осуществление деятельности по предмету государственной закупки, а также с выполнением ряда условий, обеспечивающих надежность самого поставщика (подрядчика, исполнителя) для заказчика, таких как отсутствие факта ликвидации потенциального контрагента заказчика или банкротства, исполнимость договорных обязательств по договору государственной закупки, например наличие права на использование товарных знаков в отношении предлагаемых поставщиком в процедуре государственной закупки товаров.

Очевидным образом свобода выбора контрагента, которая является одним из элементов свободы договора как принципа гражданского права¹⁹, для заказчика как стороны по договору государственной закупки ограничена.

¹⁹ Бондаренко Н. Л. Указ. соч. С. 4; Годунов В. Н. Указ. соч. С. 146; Климова А. Н. Принципы гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 6; Ершов Ю. Л. Принцип свободы договора и его реализация в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 8.

Возвращаясь к запрету участия аффилированных лиц, отметим, что это требование появилось 4 августа 2024 г., когда вступили в силу изменения в Законе № 419-З, внесенные Законом № 354-З²⁰, как один из факторов исключения сговора в ходе конкурентных процедур закупок между связанными субъектами, например между двумя юридическими лицами, имеющими одного и того же собственника имущества.

Механизм подтверждения соответствия данному требованию прост: после выбора участника-победителя он должен посредством электронной торговой площадки представить заявление либо о том, что он не аффилирован со всеми другими участниками, либо об аффилированности хотя бы с одним из них. При предоставлении недостоверной информации или же при непредставлении ни одного из указанных заявлений участник-победитель считается уклонившимся от заключения договора государственной закупки и подлежит включению в Список.

Однако практическая реализация этого механизма привела к тому, что с 4 августа 2024 г. существенно увеличилось количество субъектов, включенных в Список по указанным причинам²¹, за чем последовало закрепление в Инструкции с 14 декабря 2024 г. возможности досрочного исключения из Списка, если основанием включения в него послужили обстоятельства, связанные с подтверждением аффилированности, возникшие в период с 16 августа 2024 г. по 31 декабря 2025 г.

Однако подобную практику едва ли можно признать эффективной. Да, с одной стороны, техническая ошибка не должна стать причиной для ограничения права на участие. Но, с другой стороны, с учетом положений Инструкции требование к участникам об отсутствии аффилированности себя не оправдало, поскольку не работает практически весь период действия соответствующих норм, а дальнейшее продление

подобной амнистии нивелирует окончательно волю законодателя.

Полагаем, что установленные в Инструкции случаи досрочного исключения из Списка не вступают в противоречие с правом Союза, в равной степени действуют для субъектов любого из государств — членов Союза, включенных в Список, что не искажает национальный режим, применяются с учетом национальных интересов государства. Более того, принимая во внимание содержание п. 14 Протокола № 25, государство вообще может, закрепив порядок формирования и ведения реестра недобросовестных поставщиков, как того требует Протокол № 25, тем не менее не обязывать заказчиков ограничивать участие в процедурах включенных в него субъектов.

5. Проблемы правоприменения и судебная практика

5.1. Российская Федерация

В российской практике возникают разногласия относительно правомерности одновременного установления требований об отсутствии в РНП по общей и специальной нормам. Анализ решений территориальных управлений ФАС России показывает наличие двух противоположных подходов к данному вопросу.

Ряд территориальных органов ФАС России считает неправомерным одновременное установление требований об отсутствии в РНП по общей и специальной нормам. Другие территориальные органы ФАС России придерживаются противоположной позиции, указывая, что законодательством о контрактной системе запрет на установление заказчиком требований к участникам закупки в соответствии с ч. 1.1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ и пп. «б» п. 1 постановления Правительства РФ № 2571²² не установлен. Некоторые территориальные органы ФАС России отмечают, что требование об отсутствии ин-

²⁰ Закон Республики Беларусь от 31.01.2024 № 354-З «Об изменении Закона Республики Беларусь “О государственных закупках товаров (работ, услуг)”» // URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=N12400354> (дата обращения: 20.12.2025).

²¹ Преимущественно связанным с особенностями функционала электронных торговых площадок, который не всегда понятен участникам-победителям, невнимательностью участников-победителей и т.п.

²² Постановление Правительства РФ от 29.12.2021 № 2571 «О требованиях к участникам закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 2. Ст. 524.

формации об участниках закупки в РНП, предусмотренное частью 1.1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ, является более широким и включает в себя требование пп. «б» п. 1 постановления Правительства РФ № 2571.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что суды при рассмотрении дел об оспаривании решений о включении в РНП придерживаются подхода, согласно которому включение в РНП — исключительная мера ответственности, применяемая в случаях, когда действия (бездействие) поставщика говорят о его недобросовестности.

5.1.1. Оспаривание включения в РНП в связи с уклонением от заключения контракта

Судебная практика показывает, что решение о включении в РНП может быть отменено, если суд установит хотя бы одно из следующих обстоятельств:

— контракт не заключен по причинам, не связанным с недобросовестностью участника;

— антимонопольный орган нарушил процедуру включения в РНП.

В частности, суды отменяют решения о включении в РНП, когда:

— контракт не заключен по вине заказчика (например, заказчик допустил ошибки в проекте контракта, игнорировал протокол разногласий)²³;

— участник не смог заключить контракт по независящим от него причинам, но сделал всё возможное для их устранения (например, из-за технического сбоя участник не смог загрузить документ в ЕИС, но направил объяснения заказчику)²⁴;

— участник допустил ошибку, но потом ее устранил или сделал всё возможное для ее устранения, чем подтвердил свою добросовестность²⁵;

— антимонопольный орган принял решение о включении в РНП с существенным нарушением процедуры²⁶.

²³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.09.2018 № Ф05-14805/2018 по делу № А40-209581/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 05.07.2018 № Ф06-34410/2018 по делу № А12-28203/2017 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Hpfy8jDLTUdp/?ysclid=mkf8xf591v599407611>; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.03.2018 № Ф04-364/2018 по делу № А27-13732/2017 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/vcFNP6sfMCrp/?ysclid=mkf8yd9zfg267722803> (дата обращения: 20.12.2025).

²⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.01.2024 № Ф05-31268/2023 по делу № А40-97956/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/UMp2D2NCr1dW/?ysclid=mkf90m281s422374933>; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.07.2022 № Ф07-10126/2022 по делу № А66-16278/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.06.2022 № Ф04-2785/2022 по делу № А70-15899/2021 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/h7EpzLWT77lx/?ysclid=mkf93swb58179058294>; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 28.04.2022 № Ф10-1104/2022 по делу № А83-12398/2021 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/93ZetYeO9VC/?ysclid=mkf94gjsye191616997>; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.06.2018 № Ф04-1668/2018 по делу № А27-6530/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2025).

²⁵ Пункт 41 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 июня 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 12; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.09.2021 № Ф04-4944/2021 по делу № А70-19301/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21.02.2019 № Ф02-115/2019 по делу № А33-10452/2018 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/iKkoCB3iuRou/?ysclid=mkf9873s36133872863>; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 01.10.2018 № Ф01-3680/2018 по делу № А79-9245/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2025).

²⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.03.2022 № Ф07-588/2022 по делу № А66-3909/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.04.2019 № Ф04-1015/2019 по делу № А70-12297/2018 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/oqdWukOPRh5E/?ysclid=mkf9bk9yak728621899>; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.08.2018 № Ф01-2901/2018 по делу № А43-35740/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.02.2018 № Ф04-6526/2018 по делу № А45-2545/2017 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/1NVkOKnfU8IW/?ysclid=mkf9d0c76f798949186> (дата обращения: 20.12.2025).

В то же время решение о включении в РНП останется в силе, если суд сочтет, что у участника закупки была возможность подписать контракт, но он не принял все зависящие от него меры и не уведомил заказчика об обстоятельствах, препятствующих заключению контракта. Например, когда:

— участник не проверил до передачи заказчику документы, которые оказались ненадлежащими;

— участник не подписал проект контракта по обстоятельствам, зависящим от него, не принял необходимые меры для исключения подобного риска²⁷;

— участник направлял протоколы разногласий, которыми хотел изменить условия документации о закупке.

5.1.2. Оспаривание включения в РНП в связи с односторонним отказом от исполнения контракта

При рассмотрении дел об оспаривании решений о включении в РНП в связи с односторонним отказом заказчика от исполнения контракта суды учитывают следующие обстоятельства:

— наличие существенного нарушения условий контракта со стороны поставщика;

— соблюдение заказчиком процедуры одностороннего отказа от исполнения контракта;

— наличие вины поставщика в нарушении условий контракта.

Суды отменяют решения о включении в РНП, если:

— поставщик не исполнил контракт из-за введения в стране-производителе товара ка-

рантина, но действовал добросовестно и принял все зависящие от него меры;

— поставщик оперативно устранял недостатки работ или не смог своевременно их устранить по объективным причинам;

— заказчик ошибочно определил объем работ или не исполнил встречные обязательства;

— заказчик расторг контракт до истечения срока, предоставленного для исправления нарушений, или несмотря на то, что поставщик их устранил;

— заказчик не уведомил поставщика о расторжении контракта надлежащим способом.

5.2. Республика Беларусь

В белорусской правоприменительной практике формируются правовые позиции, имеющие существенное значение для правоприменения. Одна из них связана с формой и способом заключения договора государственной закупки на электронной торговой площадке, соблюдение которых должно быть обеспечено, а при подписании участником-победителем такого договора на бумажном носителе с проставлением собственноручных подписей он считается уклонившимся от заключения договора²⁸.

Особый интерес вызывает практика применения медиативных соглашений для досрочного исключения из Списка. В частности, будучи включенным в Список ввиду расторжения договора вследствие одностороннего отказа от его исполнения заказчиком, субъект по результатам медиации заключает с заказчиком соглашение, в котором признается несостоявшимся

²⁷ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.08.2025 № Ф04-2030/2025 по делу № А45-26760/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.09.2022 № Ф04-4578/2022 по делу № А75-15740/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.07.2022 № Ф05-12223/2022 по делу № А40-184811/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.03.2022 № Ф08-1143/2022 по делу № А53-29087/2021 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23.08.2021 № Ф08-8035/2021 по делу № А63-18957/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.04.2021 № Ф05-6164/2021 по делу № А40-50336/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.02.2021 № Ф01-176/2021 по делу № А17-990/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.07.2020 № Ф04-2653/2020 по делу № А75-17926/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.12.2019 № Ф04-6263/2019 по делу № А70-1080/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.05.2019 № Ф09-2296/19 по делу № А60-41823/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2025).

²⁸ Решение Верховного Суда Республики Беларусь от 22.11.2021 по делу № 1ЭАП2123 // URL: <https://www.court.gov.by/ru/resheniya/sudebnoj/kollegii/po/ekonomicheskim/delam/verhovnogo/suda/ccdb34be5046417a.html> (дата обращения: 14.11.2025).

такой односторонний отказ и констатируется факт отсутствия неисполнения по договору.

Правомерность подобных действий вызывает определенные вопросы. С одной стороны, исключить возможность самого факта заключения медиативного соглашения в такой ситуации, опираясь на нормы законодательства, нельзя, поскольку прямой запрет в законодательстве отсутствует. С другой стороны, хотя односторонний отказ от исполнения договора и связан с реализацией принципа автономии воли²⁹, но в ее развитие возможен и отзыв такого одностороннего отказа. Более того, в качестве способа защиты права Гражданский кодекс Республики Беларусь называет признание одностороннего отказа от договора (исполнения договора) несостоявшимся, что наделяет такой отказ свойствами юридического акта, направленного на прекращение договорных отношений на условиях, предусмотренных законом или соглашением сторон³⁰, и при этом вовсе не обязательно признание одностороннего отказа несостоявшимся судом.

Но применительно к данной практической ситуации усматриваются риски как злоупотребления правом, так и коррупционные. Поскольку последствия заключенного медиативного соглашения могут затронуть права третьих лиц, в частности других заказчиков, в процедурах государственных закупок которых будет принимать участие исключенный из Списка на основании медиативного соглашения поставщик (подрядчик, исполнитель), требуется, по нашему мнению, утверждение такого медиативного соглашения судом с предварительной проверкой всех отраженных в нем фактов. Принимая во внимание наличие государственного интереса в сфере государственных закупок, определяющего характер правового регулирования отношений, можно предположить, что подобный контроль со стороны суда обеспечит должный уровень функционирования системы государственных закупок, позволит не допустить заключения медиативных соглашений, нарушающих государственные интересы, направленных на злоупотребление правом во избежание последствий запрета на участие в процедурах государственных закупок, и исключит коррупционные риски для заказчиков.

²⁹ Егорова М. А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2010.

³⁰ Бондюк П. И. Односторонний отказ от договора в практике Верховного Суда // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2025).

6. Перспективы развития института РНП в России и Беларуси

6.1. Совершенствование критериев включения в РНП

Одна из ключевых проблем — отсутствие дифференцированного подхода к срокам нахождения в РНП в зависимости от тяжести нарушения. В настоящее время этот срок составляет два года независимо от характера нарушения, что не всегда отвечает принципу соразмерности наказания. Представляется целесообразным введение градации сроков нахождения в РНП (от шести месяцев до двух лет) в зависимости от характера и тяжести допущенного нарушения, а также степени вины поставщика. Для реализации такого предложения в первую очередь необходима корректировка нормы абз. 6 п. 13 Протокола № 25, в соответствии с которой определен двухлетний срок нахождения включенного лица в РНП.

Кроме того, нужно более четко обозначить критерии существенности нарушения условий контракта, являющегося основанием для одностороннего отказа заказчика от его исполнения и последующего включения поставщика в РНП.

6.2. Развитие механизмов досрочного исключения из РНП

Для России целесообразно рассмотреть возможность введения механизма досрочного исключения из РНП при условии устранения поставщиком допущенных нарушений и принятия мер по предотвращению подобных нарушений в будущем, по аналогии с белорусским опытом. Это бы стимулировало поставщиков к добросовестному поведению и повышению качества исполнения обязательств.

Решением могло бы стать предоставление антимонопольному органу права досрочного исключения поставщика из РНП при условиях:

- истечения не менее половины срока нахождения в РНП;
- устранения поставщиком последствий допущенного нарушения;
- внедрения поставщиком системы внутреннего контроля, направленной на предотвращение подобных нарушений в будущем;

— отсутствия новых фактов недобросовестного поведения.

Для Беларуси важно пересмотреть основание для досрочного исключения из Списка, связанное с требованием об отсутствии аффилированности участника-победителя со всеми другими участниками, поскольку его практическая реализация привела к существенному увеличению количества субъектов, включенных в Список, что потребовало введения амнистии.

6.3. Формирование позитивного реестра добросовестных поставщиков

Существующая система РНП основана на негативном стимулировании участников закупок, что не всегда способствует формированию позитивной деловой репутации и добросовестному поведению. Поэтому представляется перспективным параллельное создание реестра добросовестных поставщиков, в который включались бы участники закупок, имеющие положительный опыт исполнения государственных и муниципальных контрактов.

Включение в такой реестр могло бы предоставлять определенные преимущества при участии в закупках, например снижение размера обеспечения заявки или исполнения контракта, приоритет при оценке заявок при прочих равных условиях и т.д. Это создало бы дополнительные стимулы для добросовестного исполнения обязательств и повышения качества поставляемых товаров, выполняемых работ, оказываемых услуг.

6.4. Совершенствование процедуры рассмотрения вопроса о включении в РНП

Действующая процедура рассмотрения вопроса о включении в РНП не всегда обеспечивает полное и всестороннее исследование всех обстоятельств дела. В частности, сжатые сроки рассмотрения (пять рабочих дней) могут ограничивать возможности антимонопольного органа по сбору и анализу необходимой информации, а также возможности поставщика по представлению доказательств отсутствия оснований для включения в РНП.

Целесообразно увеличить срок рассмотрения вопроса о включении в РНП до 10–15 рабочих дней, что позволит более тщательно исследовать все обстоятельства дела и принимать обоснованные решения. Кроме того, необходимо законодательно закрепить обязанность антимонопольного органа изучать вопрос о вине поставщика и соразмерности применения

такой меры ответственности, как включение в РНП, характеру и последствиям допущенного нарушения.

Для Беларуси важно нормативно закрепить срок обжалования решения МАРТ о включении в Список, а также решить вопрос о допустимости заключения медиативных соглашений через их утверждение судом, если они приводят к включению в Список или досрочному исключению из Списка.

6.5. Гармонизация подходов к ведению РНП

В России в настоящее время существуют определенные различия в подходах к ведению РНП по Закону № 44-ФЗ и Закону № 223-ФЗ, что создает сложности для участников закупок и заказчиков. Целесообразно унифицировать основания и процедуру включения в РНП, а также обеспечить единообразие правоприменительной практики в данной сфере.

Кроме того, необходимо обеспечить техническую интеграцию реестров недобросовестных поставщиков, ведущихся по разным законам, что позволит заказчикам получать полную информацию о потенциальных контрагентах и принимать обоснованные решения при проведении закупок.

И конечно, следует унифицировать основания и процедуру включения в РНП в рамках ЕАЭС, а также обеспечить единообразие правоприменительной практики. Это особенно важно в контексте углубления интеграции между Россией и Беларусью в области государственных закупок.

Заключение

Таким образом, несмотря на публично-правовую природу санкций в виде включения в РНП, характер поведения поставщика (подрядчика, исполнителя) при заключении или исполнении договора по результатам процедуры государственной закупки как частноправового средства может стать причиной для применения таких санкций.

Сравнительно-правовой анализ института РНП в России и Беларуси показывает наличие как общих черт, обусловленных требованиями права ЕАЭС, так и существенных различий, отражающих национальные особенности правового регулирования. Основные различия имеют отношение к процедуре включения в РНП, критериям оценки вины поставщика, возможностям

досрочного исключения из РНП и судебной практике по данным вопросам.

Для совершенствования института РНП в обоих государствах необходимо обеспечить баланс между публичными интересами, связанными с обеспечением надлежащего исполнения государственных и муниципальных контрактов, и частными интересами участников закупок, касающимися защиты их деловой репутации и права на осуществление предпринимательской деятельности. Это требует комплексных мер, а именно: дифференциации сроков нахождения в РНП (при корректировке

права Союза), развития механизмов досрочного исключения из РНП, формирования позитивного реестра добросовестных поставщиков, совершенствования процедуры рассмотрения вопроса о включении в РНП и гармонизации подходов к ведению РНП в рамках ЕАЭС.

Реализация указанных направлений совершенствования института РНП позволит повысить эффективность контрактной системы в сфере закупок, обеспечить защиту публичных интересов и стимулировать добросовестное поведение участников закупок как в России, так и в Беларуси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амельчяна Ю. А. Система договоров в сфере государственных закупок. Минск : Колорград, 2021. 348 с.
- Амельчяна Ю. А. Системный подход к сфере государственных закупок: теоретическое осмысление // Судовы веснік. 2025. № 1. С. 70–76.
- Бакиновская О. А. «Ребрендинг» законодательства Республики Беларусь о государственных закупках: влияние права Союза и практики Суда ЕАЭС // Десять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: обеспечение единообразного применения права ЕАЭС : сборник материалов Международной конференции Суда ЕАЭС (г. Минск, 21–22 ноября 2024 г.). Минск, 2025. С. 363–372.
- Бакиновская О. А. Реализация норм права Евразийского экономического союза о ведении реестра недобросовестных поставщиков в государствах-членах // Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда : сборник материалов Международной конференции Суда ЕАЭС (г. Минск, 17–19 ноября 2021 г.). Минск, 2022. С. 396–397.
- Беляева О. А. Деловая репутация участников корпоративных закупок в контексте реестра недобросовестных поставщиков // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 54–63.
- Беляева О. А. Контрактная система: основные проблемы правоприменения и пути их преодоления // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 34–44.
- Бондаренко Н. Л. Принцип свободы договора в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2001. 20 с.
- Бондюк П. И. Односторонний отказ от договора в практике Верховного Суда // СПС «КонсультантПлюс».
- Годунов В. Н. Принцип свободы договора и его реализация в законодательстве Республики Беларусь // Право и демократия : сборник научных трудов. Вып. 23. Минск : БГУ, 2012. С. 144–164.
- Егорова М. А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2010. 513 с.
- Ем В. С., Суханов Е. А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 7–21.
- Ершов Ю. Л. Принцип свободы договора и его реализация в гражданском праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 24 с.
- Климова А. Н. Принципы гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.

REFERENCES

- Amelchenya YuA. A systematic approach to public procurement: A theoretical understanding. *Sudovy vesnik*. 2025;1:70-76. (In Russ.).
- Amelchenya YuA. The system of contracts in the field of public procurement. Moscow: Kolorgrad; 2021. (In Russ.).
- Bakinovskaya OA. «Rebranding» of the legislation of the Republic of Belarus on public procurement: The impact of Union law and the practice of the EAEU Court. In: Ten years of the Treaty on the Eurasian Economic

Union: Ensuring the uniform Application of the EAEU law. Proceedings of the International Conference. Minsk, 2025. P. 363–372. (In Russ.).

Bakinovskaya OA. Implementation of the norms of the law of the Eurasian Economic Union on the maintenance of the register of unfair suppliers in the member States. In: Ensuring uniform application of the law of the Eurasian Economic Union: The role of the Court. Proceedings of the International conference. Minsk, 2022. P. 396–397. (In Russ.).

Belyaeva OA. Business reputation of participants in corporate procurement in the context of the register of unscrupulous suppliers. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2018;4:54-63. (In Russ.).

Belyaeva OA. The contract system: The main problems of law enforcement and ways to overcome them. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2015;7:34-44. (In Russ.).

Bondarenko NL. The principle of freedom of contract in civil law. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Minsk; 2001. (In Russ.).

Bondyuk PI. Unilateral renunciation of a contract in the practice of the Supreme Court. ConsultantPlus. Belarus: Reference legal system.

Egorova MA. Unilateral refusal to fulfill a civil contract. 2nd ed., rev. and suppl. ConsultantPlus. Russia: Reference legal system.

Em VS, Sukhanov EA. On the types of subjective civil rights and the limits of their exercise. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2019;4:7-21. (In Russ.).

Ershov YuL. The principle of freedom of contract and its implementation in the civil law of the Russian Federation. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Ekaterinburg; 2001. (In Russ.).

Godunov VN. The principle of freedom of contract and its implementation in the legislation of the Republic of Belarus. *Law and democracy: Collection of scientific papers*. Minsk. 2012;(23):144-164. (In Russ.).

Klimova AN. Principles of civil law. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2005. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шмелева Марина Владимировна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
civil2012@mail.ru

Амельченя Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь
д. 1а, ул. Берсона, г. Минск 220030, Республика Беларусь
auapost7@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Shmeleva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
civil2012@mail.ru

Yulia A. Amelchenya, Cand. Sci (Law), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Research in the Field of Civil, Environmental and Social Law, National Center for Legislation and Legal Information of Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus
auapost7@gmail.com

*Материал поступил в редакцию 16 января 2025 г.
Статья получена после рецензирования 21 января 2026 г.
Принята к печати 15 апреля 2026 г.*

*Received 16.01.2025.
Revised 21.01.2026.
Accepted 15.04.2026.*

Д. А. Лукашевич

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Становление колхозного права в России (1917–1929 гг.): опыт реконструкции советского сельского хозяйства

Резюме. В статье исследуется трансформация советского сельского хозяйства в доколлективизационный период. Показывается, что уже накануне коллективизации советская деревня кардинально отличалась от дореволюционной и по экономическому положению, и по культурному уровню, и по техническому оснащению, и по организационным аспектам. Колоссальную роль здесь сыграло право. С помощью правовых актов впервые в отечественной истории было оформлено получение крестьянами земель, осуществлялась мобилизация для сельскохозяйственной деятельности соответствующих специалистов, были разработаны примерные уставы коллективных хозяйств (коммун, артелей, товариществ по общественной обработке земли), распространялась грамотность (в том числе аграрная), вытеснялись кулацкие хозяйства. Государство поддерживало бедняков и середняков, показывая на примерах выгоду коллективного сельскохозяйственного производства. Колхозы не просто объединяли крестьян и их прежние хозяйства, а при активной государственной поддержке выходили на новый уровень развития, что было невозможно при единоличном ведении хозяйства. При этом они вели свою деятельность на основе начинавшегося планирования (организационный план, производственный план). Многие из данного опыта актуально и сегодня как для нашей страны, так и для зарубежных государств.

Ключевые слова: колхозное право; аграрное право; советское право; советское государство; колхозное строительство; колхозы; коллективизация; сельское хозяйство

Для цитирования: Лукашевич Д. А. Становление колхозного права в России (1917–1929 гг.): опыт реконструкции советского сельского хозяйства. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 5. С. 153–165. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.153-165

The Formation of Kolkhoz Law in Russia (1917–1929): The Experience of Reconstructing Soviet Agriculture

Dmitry A. Lukashevich

Kutaфин Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the process of radical transformation of Soviet agriculture during the pre-collectivization period, a topic that has received little attention in academic scholarship. It demonstrates that even on the eve of collectivization, the Soviet village differed fundamentally from its pre-revolutionary counterpart in terms of economic conditions, cultural level, technical equipment, and organizational changes. Law played a huge role in this transformation. Through legal acts, for the first time in Russian history, peasants obtained land in sufficient quantities, the mobilization of relevant specialists for agricultural activities was carried out, model

charters for collective farms (communes, artels, associations for the joint cultivation of land) were developed, literacy (including agricultural literacy) was disseminated, and kulak farms were displaced. The state supported farm laborers and middle peasants, showing by example the benefits of collective agricultural production. The collective farms that emerged were not merely a simple sum of peasants and their former holdings; rather, with active state support, they reached a new qualitative level of development that would have been impossible under individual farming. At the same time, collective farms did not operate chaotically but on the basis of emerging planning (organizational plans, production plans). Much of the experience gained remains relevant to this day, both for our country and for foreign states.

Keywords: kolkhoz law; agricultural law; Soviet law; Soviet state; kolkhoz construction; collective farms; collectivization; agriculture

Cite as: Lukashevich DA. The Formation of Kolkhoz Law in Russia (1917–1929): The Experience of Reconstructing Soviet Agriculture. *Lex russica*. 2026;79(5):153-165. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.234.5.153-165

Историк права в ходе проведения исследования имеет дело не только с существующими по сей день отраслями права, но и с теми, которые уже оказались в «музее» истории, например средневековым каноническим, городским, ленным, манориальным и иными. Среди них и более исторически близкие нам: советское хозяйственное право и советское колхозное право.

Прекращение существования тех или иных отраслей права не означает отсутствие интереса к тому положительному опыту, который они сохранили для потомков. Особенно актуально это в связи с тем, что в некоторых государствах до сих пор существуют и активно развиваются колхозы (например, в Республике Беларусь), а также потому, что в условиях кардинальных политических изменений в России встает вопрос о будущей экономической политике страны, включая политику в сфере сельского хозяйства. Опыт реконструкции сельского хозяйства, становления колхозного строя и соответствующего правового регулирования вызывает неподдельный интерес.

Несмотря на то что принудительная коллективизация в СССР началась в 1929 г., зарождение советского колхозного права традиционно связывают не с этим годом, а с моментом свершения Октябрьской революции, в результате чего одним из первых правовых актов молодого советского государства стал Декрет о земле¹.

Земля — один из центральных объектов недвижимости в малоиндустриальной досоветской России. Земельный вопрос был одним из ключевых и одновременно болезненных в

политической повестке дня. Как известно, ни крестьянская реформа Александра II, ни аграрная реформа П. А. Столыпина не смогли обеспечить крестьянство землей, а лишь обострили социальные противоречия в деревне.

Большевикам пришлось принимать кардинальные меры в отношении очень непростого контингента — многомиллионного крестьянства, обездоленного, нищего, неграмотного, замученного, обманутого, отчаявшегося.

Острота земельного вопроса выражается и в статистических данных: даже в 1926 г., почти через 10 лет после Октябрьской революции, численность сельского населения в СССР составляла 120,7 млн человек при общей численности 147 млн, или 82,11 %². По данным 1921 г., например, в Чувашской области главным занятием 97 % населения являлось земледелие, крупная промышленность была развита слабо³. Еще острее стоял земельный вопрос накануне Октябрьской революции, что выражалось в массовых крестьянских восстаниях. Только с апреля по октябрь 1917 г. зафиксировано 5 782 выступления крестьян⁴; в семи губерниях — Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Тульской, Рязанской, Минской и Волынской — с июля по август 1917 г. произошло 470 крестьянских восстаний, а уже в сентябре — октябре 1917 г. — 1 293⁵. Собственно, массовое крестьянское недовольство и начавшиеся выступления проложили путь большевикам к Октябрьской революции.

В дореволюционный период мелкому и среднему крестьянству принадлежало око-

¹ Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 26.10.1917 «О земле» // СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 3.

² Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917–1927 гг. М., 1927. С. 35.

³ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 19. Д. 65. Л. 4.

⁴ *Порицкий В. А.* Ленинский декрет о земле и его буржуазные критики. М., 1975. С. 67.

⁵ *Порицкий В. А.* Указ. соч. С. 67.

ло 36,78 % земельного фонда, 21,79 % (80 млн га) — кулакам, 41,41 % (152 млн га) — помещикам, царской фамилии и монастырям⁶.

Соответственно, Декретом о земле крестьянству было передано свыше 150 млн га помещичьей, царской и монастырской земли, то есть более 1/3 всего сельскохозяйственного земельного фонда страны, что давало основание советским исследователям квалифицировать этот Декрет как аграрную революцию⁷. Вопреки расхожему суждению о том, что большевики заимствовали у эсеров их аграрную программу и реализовали ее в Декрете о земле, в реальности включенный в него Крестьянский наказ был сводкой 242 крестьянских наказов, поступивших с мест и представленных на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов⁸.

Декрет о земле не только закладывал основы новой отрасли права — земельного права РСФСР, но и создавал условия для возникновения колхозного права. Это проявлялось и в юридическом изъятии земель у привилегированных слоев общества (без чего немислимо было создание крупных колхозных хозяйств), и в закреплении норм, касающихся коллективного управления землей: товарищеской обработки земли и артельной формы землепользования.

Вся помещичья, удельная, монастырская и церковная земля переходила в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов, которые распределяли ее по местным условиям, исходя из трудовой или потребительской нормы. При этом, согласно Инструкции об урегулировании земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений⁹, уравнильное распределение земли осуществлялось с обязательным соблюдением следующей очереди: артели безземельных и малоземельных хозяйств, про-

изводственно-трудовые товарищества; мало-земельные хозяйства; безземельные хозяйства; сельскохозяйственные рабочие. Иными словами, артельная и товарищеская формы объединения имели приоритет при получении земель.

Интересно, что глубина проблем, затронутых Декретом о земле, не могла не получить соответствующей реакции различных слоев населения, включая тех, кому не нравился передел земельной собственности. Например, уже 28 октября 1917 г. вышло обращение «От Главного земельного комитета», в котором заявлялось о непризнании Декрета о земле: «За подписью Владимира Ульянова (Ленина), именуящего себя председателем совета народных комиссаров, опубликован документ, который он называет декретом о земле. Главный земельный комитет объявляет этот якобы декрет, изданный за месяц до созыва Учредительного собрания, незаконным и недействительным»¹⁰.

Критиковали Декрет и эсеры, по мнению которых главной его целью являлось «лишить доступа к земле безземельное и малоземельное крестьянство»¹¹.

Декрет о земле не перераспределил автоматически по всей России земельную собственность. Ее передел во многих регионах (на Кавказе, Урале, Украине, Кубани и т.д.) либо не начался, либо был прерван гражданской войной¹². В некоторых восточных регионах фактически феодальные отношения сохранялись вплоть до конца 1920-х гг., то есть до начала сплошной коллективизации¹³.

Другие партии, за исключением большевистской, препятствовали реализации Декрета о земле. Левые эсеры предложили не оставлять в собственности государства перераспределяемые земли с целью предотвращения появления совхозов и коммун¹⁴.

⁶ Распределение сельскохозяйственных земель в дореволюционной России // Страна Советов за 50 лет : сборник статистических материалов. М., 1967. С. 115.

⁷ См., например: *Першин П. Н.* Аграрная революция в России : в 2 кн. М., 1966 ; *Порицкий В. А.* Указ. соч. С. 92.

⁸ Сводка крестьянских наказов опубликована в газете: Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917, 19–20 августа. См.: *Порицкий В. А.* Указ. соч. С. 70.

⁹ Положение о земельных комитетах и инструкция земельным комитетам. О земельных комитетах и об урегулировании ими сельскохозяйственных отношений // СУ РСФСР. 1917. № 7. Ст. 105.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1834. Оп. 2. Д. 166а.

¹¹ *Вихляев П.* Что дает трудовому народу декрет о земле. Петроград, 1917. С. 13.

¹² *Данилов В. П.* Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции // Ленинский декрет «О земле» в действии : сборник статей. М., 1979. С. 263.

¹³ *Данилов В. П.* Указ. соч. С. 263.

¹⁴ Ленинский декрет «О земле» и современность. М., 1970. С. 78.

В некоторых республиках, например в Белорусской ССР, земельные споры изымались из ведения судов и передавались в юрисдикцию земельных отделов, которым направлялись соответствующие циркуляры по рассмотрению дел¹⁵.

Особенность советского регулирования сельского хозяйства выражалась прежде всего в том, что оно осуществлялось централизованно, всеобъемлюще и разносторонне, глубоко продуманно и на научной основе. Сельскохозяйственные вопросы решались не случайным образом, не на потребу дня, не в связи с революционной ситуацией, а с учетом глубочайшего анализа имеющейся ситуации и с долгосрочным планированием — на десятилетия вперед. Именно поэтому вопросы будущего деревни получали отражение во всех программных и иных документах Коммунистической партии и высших органов государственной власти нашей страны¹⁶.

Важно сказать о социальной структуре российской деревни на момент Октябрьской революции.

В тот момент деревня состояла из батраков (бедняков), середняков и кулаков. Батраки (бедняки) — нищяя категория крестьянства, вынужденная идти на заработки к более богатым соседям, чтобы прокормить себя и свою семью; середняки — более обеспеченная крестьянская прослойка, которая не привлекала наемный труд и сама себя обеспечивала всем необходимым; кулаки — сельская буржуазия, обладавшая значительными хозяйствами и богатевшая за счет привлечения низкооплачиваемого труда батраков (бедняков).

Советская власть в первые годы своего существования взяла курс не только на поддержку батраков (бедняков), но и на союз с середняками¹⁷. В августе 1918 г. крестьянству были в три раза подняты закупочные цены на хлеб, организованы уборочные отряды, оказана помощь

в обеспечении квалифицированными кадрами (агрономами, ветеринарными врачами, зоотехниками и др.) и сельскохозяйственным инвентарем¹⁸. Государство всячески поддерживало середняков как минимум по двум причинам: во-первых, середняк работал сам на себя, то есть не был эксплуататором; во-вторых, середняк колебался, был между красными и белыми, поэтому поддержать его означало упрочить советскую власть и сохранить революционные завоевания¹⁹.

Уже первые принятые меры привели к серьезным сдвигам: к 1919 г. начался процесс «осереднячивания» крестьянства, более 60 % крестьян были уже середняками²⁰.

Потребность в коллективизации большевики объясняли многими причинами, но в первую очередь экономическими: мелкие и мельчайшие хозяйства были нерентабельными, при максимальных трудозатратах производился дорогой продукт, физическое же истребление кулачества не решило бы в корне проблемы повышения производительности отечественной деревни, поскольку на смену уничтоженным кулацким хозяйствам пришли бы новые за счет разорения мелких хозяйств. Приведем цитату — пространную, но наиболее точно передающую настроения советского руководства в отношении будущего деревни (1928): «Допустим, что мы уничтожили деревенских растущих капиталистов и при этом оставили мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство в его нынешнем состоянии. У нас останутся мелкие хозяйства, маловыгодные хозяйства, в которых человек надрывается от непосильного труда, низводит свой жизненный уровень почти до животного уровня, при этом дает продукт неимоверно дорогой и неимоверно плохого качества. Вот почему мы не можем просто срезать кулака и этим ограничиться. Если бы мы пошли по этому пути, то в конце концов из мелких хозяйств ценой разорения миллионов хозяйств

¹⁵ Циркуляр Комиссариата земледелия ССР Белоруссии от 29.09.1920 № 14 «О производстве земельных дел в волостных и уездных земельных отделах» // ГАРФ. Ф. 3260. Оп. 2. Д. 43. Л. 4.

¹⁶ См., например: Программа Российской коммунистической партии (большевиков) 1919 г. // VIII Съезд РКП(б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 405–407; Резолюция VIII Съезда РКП(б) «Об отношении к среднему крестьянству» // Там же. С. 429–432; Резолюция VIII Съезда РКП(б) «О политической пропаганде и культурно-просветительской работе в деревне» // Там же. С. 432–435.

¹⁷ Резолюция VIII Съезда РКП(б) «Об отношении к среднему крестьянству».

¹⁸ VIII Съезд РКП(б)... С. X.

¹⁹ VIII Съезд РКП(б)... С. 57.

²⁰ VIII Съезд РКП(б)... С. XI.

выросли бы десятки и сотни тысяч капиталистических кулацких хозяйств»²¹.

Важно отметить, что, вопреки псевдоисторической постсоветской пропаганде, представлявшей колхозы как механическое объединение крестьян с изъятием у них имущества («загнанность крестьян в колхозы»), в реальности специалистами 1920-х гг. подчеркивалось, что колхоз — это не простая сумма прежних дворов, а новая форма объединения с более высоким уровнем развития: механизации, переработки, сбыта, кадрового обеспечения (агрономы, трактористы и т.д.), культурного просвещения, бытовых условий и пр.²² То есть количественные изменения влекли за собой принципиальное изменение качества.

Интересные нормы, касающиеся коллективного землепользования, содержались в одном из фундаментальных актов земельного права первых месяцев советской власти — Декрете о социализации земли²³. Он не только подтверждал первоочередное предоставление земли для занятия сельским хозяйством сельскохозяйственным коммунальным и товариществам, но и указывал среди целей советской власти «развитие коллективного хозяйства в земледелии как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов за счет хозяйств единоличных в целях перехода к социалистическому хозяйству». Устанавливалось также, что Российское государство оказывает всяческое содействие (включая культурное и материальное) общей обработке земли, «отдавая преимущество трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйству перед единоличным».

Однако, подобно Декрету о земле, Основной закон о социализации земли признавался не на всей территории России. Так, согласно постановлениям так называемого Сибирского времен-

ного правительства, на всей территории, находящейся под его властью, действие Основного закона о социализации земли отменялось и все земли и имения возвращались их собственникам²⁴. Аналогичное постановление было издано Временным правительством Северной области²⁵, в нем указывалось: «...признать все постановления как бывших земельных комитетов и земельных управ, так и советских исполнительных комитетов и властей относительно отобрания от собственников и владельцев и раздела частновладельческих, архиерейских, монастырских, церковных и причтовых земель, расчисток, сенокосов и иных земель и угодий, а также об уничтожении арендных и других договоров на земли недействительными и ничтожными».

Говоря о формах сельскохозяйственных объединений, неверно считать, что совхозы — это советские хозяйства с административным участием государства в их создании и функционировании, а колхозы — сугубо коллективные объединения крестьян, созданные их собственными силами. Колхозы уже при своем появлении были не простой механической суммой крестьян и их хозяйств, а комбинированной формой объединения, в которой участвовали и крестьяне, и государство, оказывавшее всяческую помощь в организации и успешном функционировании этих хозяйств. В этом смысле колхозы тоже были своего рода совхозами.

Постепенно на практике сложились три организационно-правовые формы колхозов: коммуны, артели и товарищества по общественной обработке земли (ТОЗы). При этом ТОЗы позиционировались как простейшие формы колхозов, артели — как переходные к высшим формам, коммуны — как высшие формы²⁶.

ТОЗы предполагали возможность обобществления землепользования, мертвого сель-

²¹ Яковлев Я. А. За колхозы. Коллективное или кулацкое хозяйство. М.; Л., 1928. С. 15. См. также, например: Боярский А., Корищик А. Как организовать и оформить колхоз (коммуна, артели, товарищество). Вологда, 1928. С. 2–3.

²² Яковлев Я. А. Указ. соч. С. 28–29.

²³ Декрет ВЦИК от 19.02.1918 «О социализации земли» // СУ РСФСР. 1918. № 25. Ст. 346.

²⁴ Постановление Временного Сибирского правительства от 06.07.1918 // ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 1209. Л. 3–5.

Временные правительства издавали любопытные акты, прямо и косвенно касающиеся формирования новой, антибольшевистской государственности. Так, Временное правительство Северной области издало постановления «О выпуске государственных кредитных билетов “Северная Россия” и об учреждении для сего Государственной эмиссионной кассы», «О плане экономической помощи России Америкой» и др. (ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 49. Л. 130).

²⁵ ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 49. Л. 14.

²⁶ Кожевников М. В. Коллективизация сельского хозяйства и батрачество. Крым, 1930. С. 17.

скохозяйственного инвентаря, рабочего скота, сельскохозяйственных построек, связанных с полеводством. В артели круг обобществления расширялся: обобществлялись продуктивный скот и хозяйственные постройки, но каждое семейство оставалось обособленным; в коммуне обобществлялись все отрасли сельского хозяйства, которые имели место в артели, личные хозяйства ликвидировались²⁷.

Государство создавало юридическую базу для образования коллективных хозяйств.

В этом смысле следующий важнейший акт в исследуемой нами теме — постановление ВЦИК от 14.02.1919 «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию»²⁸. Данный акт является эпохальным в том смысле, что он первым напрямую (а не попутно, как ранее) коснулся вопросов организации колхозного строя. Если предыдущее правовое регулирование относилось более к земельному праву, то здесь большая часть норм посвящена именно организации коллективных хозяйств.

Уже в начале постановления указаны цели социалистического землеустройства: организация сельского хозяйства на основах социализма, применение всех завоеваний науки и техники, воспитание трудящихся в духе социализма, а также объединение пролетариата с деревенской беднотой для борьбы с капиталом. Итогом землеустройства должно было стать создание единого общегосударственного производственного хозяйства, которое снабжало бы народ необходимыми хозяйственными благами при наименьших затратах народного труда. Всё это было возможно только при условии перехода от единоличных форм землепользования к товарищеским.

Рассматриваемое постановление ВЦИК устанавливало две формы колхозов: сельскохозяйственные производственные коммуны и общественную обработку земли.

Сельскохозяйственные производственные коммуны представляли собой добровольные объединения трудящихся на коммунистических началах с целью ведения сельского хозяйства в области производства и распределения.

Коммунам, наряду с другими формами колхозов, государство оказывало всемерную под-

держку и помощь, «исходя из основной задачи советской власти в земледелии — преобразования всей земледельческой промышленности на началах обобществления средств производства, товарищеского труда и рационального ведения хозяйства» (ст. 61 Закона о социалистическом землеустройстве).

Коммуны:

- приобретали статус юридического лица;
- обязаны были руководствоваться организационным планом сельского хозяйства для данного района, утвержденным Народным комиссариатом земледелия или губернским земельным отделом;
- объединялись в районные союзы коммун;
- обязаны были доходы от сельскохозяйственной деятельности использовать исключительно на улучшение и расширение хозяйства;
- должны были осуществлять культурно-просветительскую работу в районе;
- поддерживали сельскую бедноту в борьбе с кулацкими элементами;
- оказывали помощь соседним крестьянам в улучшении их хозяйства;
- подчинялись Народному комиссариату земледелия, в том числе были ответственны перед ним за правильную постановку дела в сельском хозяйстве.

Как видно из статуса коммун, они реализовывали не только производственную, но также организационную и культурно-просветительскую цели.

Важно отметить, что коммуны, как и другие колхозы, осуществляли хозяйственную деятельность не стихийно, а на основании разработанных планов: организационного и производственного.

Организационный план, как следует из его названия, имел цель наладить и структурировать организуемое хозяйство. Перед составлением плана собирались сведения о месте расположения хозяйства, географических и климатических особенностях местности, урожайности, учитывалось, какие культуры наиболее выгодно производить, и т.д.²⁹ Исходя из этого в организационном плане отражались многие вопросы: сорта возделываемых культур, система полевого хозяйства (соотношение между зерновыми растениями, корнеплодами, травами),

²⁷ Кожевников М. В. Указ. соч. С. 17 ; Боярский А., Корщик А. Указ. соч. С. 5–6.

²⁸ СУ РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43.

²⁹ Ширяев В. Ф. Как организовать коммуну или артель : краткое руководство для организаторов и руководителей сельскохозяйственных коммун и земледельческих артелей. М., 1921. С. 10.

потребность в мертвом инвентаре, смета распределения человеческих сил, смета построек, смета затрат на оборудование хозяйства³⁰.

Производственный план организовывал непосредственную хозяйственную деятельность колхоза и составлялся на один год. Он включал в себя: операционный план — хозяйственно-производственные действия колхоза в планируемом году (пчеловодство, садоводство, животноводство и др.) с цифровыми показателями намеченных действий; финансовую смету — денежное выражение операционного плана³¹.

Коммуны, разумеется, существовали и до принятия рассматриваемого акта.

Приведем пример устава одной из коммун — сельскохозяйственной коммуны «Единение» Иваново-Вознесенской губернии, созданной 8 октября 1918 г. на территории бывшего поместья.

Принципы коммуны: всё принадлежит всем и никто в коммуне не может ничего назвать своим; каждый трудится по своим силам и получает по своим нуждам; работа ведется сообща; денежного вознаграждения за свой труд никто не получает, деньги внутри коммуны обращения не имеют; коммуна не может пользоваться наемным трудом и члены ее не могут устраиваться по найму³².

В пользовании коммуны было 25,5 десятин (десятина — примерно 1 га) земли. Делами управляли общее собрание и коммунальный совет³³.

Более детально раскрывался правовой статус Утешинской трудовой коммуны (ноябрь 1918 г.).

Устав предусматривал, что каждое вступающее в коммуну лицо передает ей имеющуюся у него частную собственность в виде денежных средств, живого и мертвого инвентаря, семян и т.д.³⁴ В подтверждение переданного имущества лицу выдавалась учетная ведомость. Каждый член коммуны обязан был вкладывать труд и знания (трудоспособным признавалось

лицо в возрасте от 15 до 55 лет), а взамен имел право на получение полного удовлетворения «всех своих нормальных потребностей культурного человека, поскольку это оказывается возможным в каждом отдельном случае смотря по производительности и средствам коммуны и не противоречит интересам хозяйства». Такими же правами пользовались и все нетрудоспособные члены коммуны: больные, увечные, старики и дети³⁵.

Особо подчеркивалось, что в своей частной жизни каждый член коммуны обладает полной свободой действий, если только это не противоречит хозяйственным интересам коммуны и не нарушает права и свободы других ее членов³⁶.

Коммуна обязалась разработать детальный хозяйственный план, согласуясь с местными условиями, и в соответствии с ним возводить по мере материальных возможностей необходимые хозяйственные постройки, машинные сооружения, жилые помещения, приобретать сельскохозяйственный инвентарь и «всецело стремиться к посильному улучшению материальной и духовной жизни членов, а также предоставлению всем одинакового максимального количества удобства и средств пропитания». При возведении жилого дома каждой семье гарантировалась отдельная квартира из трех-четырех комнат. Столовая, кухня, библиотека, читальня, гостиная, прачечная и т.д. должны были быть на всех общинах³⁷.

Народный комиссариат земледелия издал примерные уставы колхозов³⁸.

Стоит отметить, что принятие Закона о социалистическом землеустройстве проходило тогда, когда крестьянство не стремилось к коллективизации и социалистическому обустройству своего хозяйства. Большевики это видели и признавали свою ошибку в оценке истинных чаяний крестьян: «...за исключением самого незначительного слоя деревенской бедноты, вся деревня в массе осталась глуха и определенно враждебна к попыткам коллективиза-

³⁰ Ширяев В. Ф. Указ. соч. С. 10–11.

³¹ Производственный план колхоза на 1928–1929 гг.

³² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 17. Л. 3.

³³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 17. Л. 3.

³⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 19. Л. 3.

³⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 19. Л. 4.

³⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 19. Л. 4.

³⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 19. Л. 5 об.

³⁸ См., например: Примерный устав сельскохозяйственного кооперативного товарищества по обработке земли. М., 1924.

ции сельского хозяйства»³⁹. И далее еще более любопытное заключение: «Землю к рукам крестьянин прибрал охотно, но что касается “основ землепользования”, то ответ оказался неприятно прост: “ступай, покедова жив”»⁴⁰. Предлагалось отказаться от создания и какой-либо государственной поддержки коммун⁴¹. Некоторые проекты постановления о социалистическом землеустройстве назывались «Положение о коллективизации земледелия»⁴². Однако итоговое название документа оказалось другим.

В Белоруссии с 1920 г. стали создаваться так называемые народные имения за счет национализированных имений нетрудовых хозяйств⁴³.

При этом стимулировалось и создание сельскохозяйственных объединений: коммун, артелей, общественной запашки, сельскохозяйственных обществ⁴⁴. Объяснялось это тем, что коллективные хозяйства, работая сообща, будут пользоваться общими орудиями и машинами, не разбивая землю на мелкие отдельные участки, и руководствоваться планами, наиболее отвечающими правильному использованию земли с учетом ее способности к производству продуктов не только для питания, но и для промышленных целей⁴⁵.

В РСФСР и на Украине преимущественной формой колхозов в 1920-е гг. были артели и ТОЗы: в 1921 г. коммун — 3 040 (20 %), артелей — 10 490 (67 %), ТОЗов — 2 039 (13 %); в 1925 г. коммун — 1 935 (12 %), артелей — 9 647 (59 %), ТОЗов — 4 763 (29 %)⁴⁶. В среднем на один колхоз к 1925 г. приходилась площадь 150 десятин, а общая площадь земли, зани-

маемой колхозами, составила около 3 300 тыс. десятин⁴⁷.

Всего в нашей стране, включая Туркестан и Украину, по состоянию на май 1921 г. было 5 752 совхоза и 13 381 колхоз⁴⁸.

В докладе Госплана СССР Совету труда и обороны «Строительство колхозов и их состояние» указывается, что колхозное строительство начиная с Октябрьской революции и до 1925 г. прошло три этапа развития. Первый (до введения НЭПа, 1918–1921 гг.) характеризовался стихийным созданием колхозов (преимущественно коммун) в связи с желанием крестьян скорее занять земли бывших помещиков; стремлением организовать колхозы для занятия сельским хозяйством ввиду продовольственного кризиса; покровительством и активной помощью государства. Второй этап (после начала НЭПа, 1921–1923 гг.) характеризовался массовым сокращением числа колхозов: на них негативно отразился НЭП, а также повлияло оживление промышленности, из-за чего квалифицированные рабочие возвращались из колхозов на производства. Третий этап — подъем — начался в 1923 г.⁴⁹

Интересно, что государство не допускало существования неосвоенных земель, поэтому было установлено, что все земли, не находящиеся в пользовании отдельных лиц и колхозов, поступают в распоряжение государства для сельскохозяйственной деятельности. Полученный урожай переходил государству и шел в первую очередь на удовлетворение продовольственных потребностей фабрично-заводских рабочих⁵⁰.

³⁹ Записка о с.-х. коммунах (А. Виноградова, 4 июля 1919 г.) // ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 128. Л. 8.

⁴⁰ Записка о с.-х. коммунах.

⁴¹ Записка о с.-х. коммунах.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 94. Д. 128. Л. 152.

⁴³ Инструкция Наркомзема ССР Белоруссии от 30.12.1920 № 12 «О порядке национализации бывших нетрудовых хозяйств, расположенных на территории ССРБ для организации народных имений и других государственных, общественных и культурно-просветительских учреждений и предприятий» // ГАРФ. Ф. 3260. Оп. 2. Д. 43. Л. 7–8.

⁴⁴ Тезисы по аграрному вопросу в Белоруссии, предложенные Народным комиссариатом земледелия ССРБ II Всебелорусскому съезду советов рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов // ГАРФ. Ф. 3260. Оп. 2. Д. 43. Л. 9.

⁴⁵ Всем уездным, волостным земельным комитетам, землемерам и сельским советам Республики Белоруссии // ГАРФ. Ф. 3260. Оп. 2. Д. 43. Л. 11.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 108. Л. 41.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 108. Л. 42.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5466. Оп. 1. Д. 292. Л. 247.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 108. Л. 40.

⁵⁰ Декрет СНК РСФСР от 17.01.1920 «Об увеличении посевной площади» // СУ РСФСР. 1920. № 4–5. Ст. 23.

Важно отметить, что трансформация сельского хозяйства в российском государстве проводилась в труднейший исторический период: шла Гражданская война, и официально наше государство было преобразовано в военный лагерь.

Сам В. И. Ленин говорил, что свергнуть царизм и помещиков — дело несложное, это дело нескольких дней, и его можно решить в центре, а социалистическое переустройство сельского хозяйства — проблема глубинная и сложнейшая⁵¹. Действительно, согласно статистическим данным, представленным на заседании I Всероссийского съезда земельных отделов, комитетов бедноты и коммун, к концу 1918 г. за советскими хозяйствами было закреплено около 500 тыс. десятин земли, за коммунами — около 150 тыс. десятин, оставались пустующими около 3 млн десятин⁵².

Организаторы и руководители колхозов инстинктивно о том, что не просто не должно быть принудительной коллективизации, а нужно подбирать будущих членов колхоза не по количеству, а по качеству (с определенным уровнем образования, трудолюбия, мотивации), поскольку количество в дальнейшем само приложится⁵³.

Государство стимулировало переход от единоличных хозяйств к коллективным не только юридически и идеологически, но и экономически. В РСФСР в 1918 г. был образован специальный фонд в размере 1 млрд руб. для выделения пособий и ссуд на переустройство на социалистических началах сельского хозяйства. Пособия и ссуды из данного фонда выдавались сельскохозяйственным коммунам и трудовым общинам, а также сельским обществам и груп-

пам при условии перехода от единоличных форм обработки земли к коллективным⁵⁴. Условиями предоставления материальной поддержки являлись также обязательства проводить ту систему хозяйства и мероприятия по улучшению хозяйства, которые будут установлены специальным агрономическим органом земельных отделов, и погашать полученную от государства ссуду натурой.

В соответствии с совместным постановлением народных комиссаров земледелия и финансов от 23.02.1919 «О выдаче ссуд и пособий на мероприятия по развитию сельского хозяйства»⁵⁵ был создан специальный фонд «для улучшения и развития сельского хозяйства и скорейшего переустройства его на социалистических началах». Ссуды из него выдавались беспроцентно и могли погашаться как в денежном, так и в натуральном выражении. В последнем случае зачет суммы долга фиксировался на счетах Комиссариата земледелия. Срок возврата займа мог быть перенесен в случае бездоходности колхоза в первые годы. Контроль и организационные мероприятия, связанные с кредитованием колхозов, возлагались на учрежденный Особый комитет Народного комиссариата земледелия. Непосредственно решение о выдаче ссуд оформлялось постановлением губернского комитета.

Государство предоставляло налоговые льготы беднейшему крестьянству⁵⁶. Например, освобождались от единого сельскохозяйственного налога единоличные и коллективные крестьянские хозяйства, не имеющие скота, если облагаемой земли приходилось не более 3/4 десятины на едока⁵⁷.

Советское государство обеспечивало и кадровый резерв для переустройства сельского

⁵¹ Речь тов. В. И. Ленина на заседании Всероссийского съезда земельных отделов, комитетов бедноты и коммун от 11.12.1918 // РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 10 (1). Л. 6.

⁵² Речь тов. В. И. Ленина на заседании Всероссийского съезда земельных отделов, комитетов бедноты и коммун от 11.12.1918. Л. 12.

⁵³ *Ширяев В. Ф.* Указ. соч. С. 4.

⁵⁴ Декрет СНК РСФСР от 02.11.1918 «Об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства» // СУ РСФСР. 1918. № 81. Ст. 856.

⁵⁵ СУ РСФСР. 1919. № 9. Ст. 89.

⁵⁶ См., например: Декрет ВЦИК от 21.03.1921 «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» // СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 147; Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 10.05.1923 «О едином сельскохозяйственном налоге» // СУ РСФСР. 1923. № 42. Ст. 451; Декрет ЦИК и СНК СССР от 07.12.1923 «О налоговых льготах для кооперативных организаций» // СУ РСФСР. 1924. № 16. Ст. 150; постановление ЦИК и СНК СССР от 30.04.1924 «Положение об едином сельскохозяйственном налоге» // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 5. Ст. 162.

⁵⁷ Декрет ЦИК и СНК СССР от 24.08.1923 «О льготах беднейшему крестьянству по освобождению от уплаты единого сельскохозяйственного налога» // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 4. Ст. 88.

хозяйства. С этой целью вводилась так называемая действительная служба по сельскому хозяйству, на которую могли быть призваны все подлежащие обязательному государственному учету специалисты, имеющие сельскохозяйственное и смежное с ним образование; должностные лица, работавшие в данной сфере в течение последних 10 лет; студенты четырех последних семестров соответствующих вузов⁵⁸.

20 марта 1919 г. декретом СНК РСФСР была объявлена мобилизация на «действительную службу по сельскому хозяйству» всех состоящих на учете специалистов, проживающих в Московской, Петроградской, Орловской, Рязанской, Тверской, Астраханской, Тамбовской, Самарской, Воронежской, Нижегородской, Тульской и Новгородской губерниях⁵⁹. Все призванные на военную службу сельскохозяйственные специалисты немедленно возвращались, а другие освобождались от военной службы⁶⁰.

Государство принимало организационные меры, нацеленные на коллективизацию.

Например, в Северной области в октябре 1918 г. вышло Временное положение о комиссариате земледелия, земельных отделах, съездах земельных отделов и инструкторском надзоре Северной области⁶¹, согласно которому к ведению областного комиссариата земледелия, в частности, относились: проведение в жизнь земельной реформы на основе социализации земли и связанных с этим мероприятий; разработка нового земельного права; содействие образованию сельскохозяйственных коммун, артелей и товариществ и оказание им культурной и материальной помощи; земельные улучшения; составление планов работ; переселенческая политика; составление приходно-расходных смет и распределение отпускаемых денежных средств по назначению.

Как видим, уже эта компетенция говорит о многом: на областной комиссариат земледелия

и земельные отделы ложился весь комплекс проблем, порожденных кардинальным переустройством сельского хозяйства, в том числе коллективизацией.

Земельные отделы должны были созываться на съезды: областной и губернские — ежегодно; уездные и волостные — два раза в год⁶².

Съезды земельных отделов позиционировались «выразителями воли населения по всем вопросам, связанным с проведением в жизнь земельной реформы и сельским хозяйством вообще»⁶³.

Съезды наделялись правами: инициировать изменения и дополнения земельного законодательства с учетом особенностей местности; издавать необходимые правила, инструкции и разъяснения по вопросам социализации земли и сельского хозяйства, не противоречащие действующему законодательству; утверждать сметы и планы работ; избирать членов коллегии комиссариата земледелия и земельных отделов⁶⁴.

Для решения вопросов кооперирования сельскохозяйственной деятельности, согласования организационных и юридических моментов с Народным комиссариатом земледелия 22 февраля 1919 г. в его составе был создан комитет по делам сельскохозяйственной кооперации⁶⁵.

Комитету передавались Наркомземом на заключение законопроекты и вопросы, касающиеся сельскохозяйственной кооперации и сельского хозяйства в целом.

На местах под руководством Народного комиссариата земледелия функционировали губернские, уездные и волостные земельные отделы, в составе которых в качестве подотделов формировались отделения обобществления сельского хозяйства. К их компетенции относились:

— организация сельскохозяйственных коллективов и их регистрация;

⁵⁸ Декрет СНК РСФСР от 25.01.1919 «Об учете и мобилизации специалистов сельского хозяйства» // СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 28.

⁵⁹ Декрет СНК РСФСР от 20.03.1919 «О мобилизации специалистов сельского хозяйства» // СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 28.

⁶⁰ Декрет СНК РСФСР от 18.12.1920 «О специалистах по сельскому хозяйству» // СУ РСФСР. 1920. № 99. Ст. 532.

⁶¹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 9. Л. 43–54.

⁶² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 9. Л. 52.

⁶³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 9. Л. 52.

⁶⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 9. Л. 52.

⁶⁵ Постановление Народного комиссара земледелия от 22.02.1919 «О комитете по делам сельскохозяйственной кооперации» // СУ РСФСР. 1919. № 9. Ст. 58.

— инструктирование местных органов по вопросам обобществления сельского хозяйства;
 — решение финансовых и иных организационных вопросов, связанных с сельскохозяйственным кооперированием⁶⁶.

Кроме того, государство способствовало учреждению вспомогательных сельскохозяйственных объединений, призванных помочь колхозам и крестьянству в целом. В частности, создавались:

- мелиоративные товарищества⁶⁷,
- торфяные товарищества⁶⁸,
- переселенческие товарищества⁶⁹,
- крестьянские общества взаимопомощи⁷⁰.

Деятельность мелиоративных и торфяных товариществ была направлена на улучшение качества земель и повышение урожайности путем орошения и осушения земель, устройства и поддержания сооружений для водоснабжения, применения в качестве удобрения продуктов переработки торфа.

Переселенческие товарищества и крестьянские общества взаимопомощи занимались поддержкой самого крестьянина как сельхозпроизводителя. Они должны были содействовать переселению крестьян на новые места, лучшему хозяйственному использованию осваиваемых земель, осуществлять (крестьянские общества взаимопомощи) социальное обеспечение малоимущего крестьянства, семей военнослужащих, пострадавших от стихийных и социальных бедствий, вдов, сирот, больных и вообще беднейших граждан деревни и лиц, впавших в нужду⁷¹.

Еще до сплошной коллективизации государство принимало меры по техническому осна-

щению сельского хозяйства, в первую очередь колхозов⁷².

Однако мало было предоставить крестьянам землю и материально-технические средства, для развития колхозов нужны были грамотность и образованность как самих крестьян, так и специалистов, которые, предполагалось, будут использоваться в сфере сельского хозяйства. В этой связи постановлением X Всероссийского съезда Советов РСФСР предписывалось исполнительным комитетам на местах систематически проводить мероприятия по ликвидации сельскохозяйственной безграмотности и внешкольному распространению сельскохозяйственных знаний, развитию семеноводства, массовой пропаганде устойчивых к засухе растений и т.д.⁷³

Делу просвещения крестьянского населения, как уже указывалось, должны были служить сами колхозы — они становились не только центрами крупного сельскохозяйственного производства, но и средствами «оцивилизовывания» деревни, осуществления культурной революции. И результаты этого впечатляющие: к 1932 г. уровень грамотности деревенского населения повысился до 90 %⁷⁴. Колхозы способствовали изданию газет, журналов, во многих из них публиковались статьи самих колхозников; потребность в периодической печати была такова, что издательства испытывали дефицит бумаги; к 1931 г. только Государственное издательство сельскохозяйственной литературы выпустило книг и брошюр в 25 раз больше, чем в 1913 г.⁷⁵ Конечно, грамотность распространяли не только колхозы, но и они в этом прямо и косвенно участвовали, в частности, многие кол-

⁶⁶ Постановление Народного комиссариата земледелия от 10.05.1919 «О земельных отделах, губернских, уездных и волостных исполнительных комитетов» // СУ РСФСР. 1919. № 22. Ст. 270.

⁶⁷ Постановление СТО РСФСР от 03.08.1921 «О мелиоративных товариществах» // СУ РСФСР. 1921. № 63. Ст. 461 ; Декрет СНК РСФСР от 22.12.1923 «Положение о мелиоративных товариществах» // СУ РСФСР. 1924. № 5. Ст. 22.

⁶⁸ Декрет СНК РСФСР от 02.03.1924 «Об утверждении положения о торфяных товариществах и примерного устава торфяного товарищества» // СУ РСФСР. 1924. № 25. Ст. 245.

⁶⁹ Декрет СНК РСФСР от 09.08.1924 «О переселенческих товариществах» // СУ РСФСР. 1924. № 68. Ст. 681.

⁷⁰ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 25.09.1924 «Положение о крестьянских обществах взаимопомощи» // СУ РСФСР. 1924. № 81. Ст. 813.

⁷¹ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 25.09.1924 «Положение о крестьянских обществах взаимопомощи».

⁷² Постановление СТО от 17.07.1926 «О трактороиспользовании» // СЗ СССР. 1926. № 48. Ст. 358.

⁷³ Постановление X Всероссийского съезда Советов от 27.12.1922 «О мероприятиях по укреплению и развитию сельского хозяйства» // СУ РСФСР. 1923. № 28. Ст. 328.

⁷⁴ Никулихин Я. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства в первой пятилетке. М., 1934. С. 99.

⁷⁵ Никулихин Я. Указ. соч. С. 99.

хозы строили и содержали за свой счет школы, избы-читальни, библиотеки и т.д.⁷⁶

В деревне формировалась сеть учреждений здравоохранения: к 1 января 1929 г. было создано свыше 70 тыс. больничных коек и врачебных амбулаторий⁷⁷. Колхозы строили клубы, театры, общественные бани, ясли, столовые и т.д.⁷⁸ Результатом этих мероприятий стало то, что к концу 1920-х — началу 1930-х гг. в СССР произошло кардинальное изменение сознания и облика крестьянина: «передовик-колхозник, активист, ударник — это не прежний, часто тупой, обросший бородой полуварвар-мужик с ограниченным кругозором своего клочка земли, тип которого выводили лучшие наши писатели»⁷⁹.

Все принятые государством меры дали колоссальный результат: из отсталой, неграмотной и средневековой отечественная деревня преобразовалась в развивающуюся и культурную. Повысился и материальный уровень колхозников: если до революции Россия массово

вывозила хлеб за границу, но делалось это в ущерб внутреннему потреблению⁸⁰, что приводило к голоду, то уже к 1927 г., например, уровень потребления мяса крестьянином увеличился в два раза⁸¹.

С учетом этого можно говорить, что уже в доколлективизационный период зародилось и развивалось колхозное право — право, отличающееся по предмету регулирования от земельного, хозяйственного, трудового⁸² и иных отраслей советской системы права⁸³ и ориентированное на регулирование колхозных правоотношений⁸⁴.

Однако по-прежнему значительную роль в деревне играла сельская буржуазия (кулачество), которая организовывала хлебозаготовительные саботажы⁸⁵, что приводило к голоду и в конечном счете вызвало необходимость проведения сплошной коллективизации⁸⁶, однако исследование этой проблемы выходит за рамки настоящей статьи.

⁷⁶ Колхозы СССР. Из итогов строительства с.-х. коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли в 1925 г. М.; Л., 1926. С. 73. См. также, например: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Ед. хр. 22. Л. 25 и след.

⁷⁷ Никулихин Я. Указ. соч. С. 100.

⁷⁸ Никулихин Я. Указ. соч. С. 101.

⁷⁹ Никулихин Я. Указ. соч. С. 102.

⁸⁰ «Известно, что производительность сельского хозяйства в дореволюционный период стояла чрезвычайно низко, т.е. продуктов для широких масс не хватало несмотря на то, что мы вывозили много хлеба за границу, но, по существу, это был вывоз капиталистического характера». См.: ГАРФ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 10 (1). Л. 16.

⁸¹ Рогалина Н. Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989. С. 86.

⁸² Нами уже проводился анализ соотношения предметов советского колхозного и советского трудового права: советская юридическая наука не придерживалась единого мнения по этому вопросу. Полагаем, что регулирование труда колхозников относится к предмету колхозного права, а не трудового, поскольку целый ряд институтов трудового права (трудовой договор, коллективный договор и др.) с учетом того, что колхозники выступали в качестве коллективных собственников, для них был неприменим. См.: Лукашевич Д. А. Правовое регулирование процесса формирования рыночной экономики в СССР в 1985–1991 гг. : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 207.

⁸³ Поскольку история государства и права — это практика государства и права, в настоящей работе принята попытка показать становление колхозного права в первые годы колхозного строительства; теоретическое исследование предмета, метода, источников колхозного права, его соотношения с другими отраслями права представляется бессмысленным, так как, во-первых, это не входит в предмет историко-правовой науки, во-вторых, такие теоретические изыскания давно проведены и утвердились в юридической науке. См., например: Казанцев Н. Д. К вопросу о предмете и системе науки колхозного права // Советское государство и право. 1940. № 3. С. 49–59.

⁸⁴ См. подробнее, например: Рускол А. А. Колхозное правоотношение : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1954 ; Смирнов А. В. Понятие колхозного правоотношения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952.

⁸⁵ Яковлев Я. А. Указ. соч. С. 14.

⁸⁶ Н. Л. Рогалина приводит слова одного из кулаков, обосновывавшего нежелание продавать хлеб государству: «Хлебных излишков сдавать не намерен. В деньгах не нуждаюсь, а продавать свой хлеб рабочим и беднякам не могу. У меня много рабочего скота, свиней и собак. Пусть уж лучше они у меня живут сытно». См.: Рогалина Н. Л. Указ. соч. С. 89.

В целом число колхозов по состоянию на 1929 г. было ничтожно малым — около 3,9 % (по числу крестьянских хозяйств)⁸⁷. Начинаясь сплошная коллективизация должна была кардинальным образом изменить не только облик сельского хозяйства, но также содержание и наполненность отрасли колхозного права.

Таким образом, период перед сплошной коллективизацией (до 1929 г.) не менее важен,

без него дальнейшая коллективизация была бы невозможной. Именно тогда был получен опыт перестройки сельского хозяйства на социалистических кооперативных началах: крестьянству предоставлена земля, проводились ликвидация безграмотности сельского населения, иные экономические, организационные, кадровые и юридические мероприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917–1927 гг. М., 1927. 514 с.
 Казанцев Н. Д. К вопросу о предмете и системе науки колхозного права // Советское государство и право. 1940. № 3. С. 49–59.
 Кожевников М. В. Коллективизация сельского хозяйства и батрачество. Крым, 1930. 65 с.
 Никулихин Я. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства в первой пятилетке. М., 1934. 141 с.
 Першин П. Н. Аграрная революция в России : в 2 кн. М., 1966.
 Роголина Н. Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989. 222 с.
 Рускол А. А. Колхозное правоотношение : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1954.
 Смирнов А. В. Понятие колхозного правоотношения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1952.
 Яковлев Я. А. За колхозы. Коллективное или кулацкое хозяйство. М. ; Л., 1928. 176 с.

REFERENCES

- Kazantsev ND. On the subject and the system of science of kolkhoz law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [The Soviet State and Law]*. 1940;3:49-59. (In Russ.).
 Kozhevnikov MV. Collectivization of agriculture and farm labor. Crimea; 1930. (In Russ.).
 Nikulikhin Ya. Socialist reconstruction of agriculture in the first 5 years. Moscow; 1934. (In Russ.).
 Pershin PN. The Agrarian Revolution in Russia. Moscow; 1966. (In Russ.).
 Rogalina NL. Collectivization: Lessons from the past. Moscow; 1989. (In Russ.).
 Ruskol AA. Collective farm legal relations. Dr. Diss. (Law). Moscow; 1954. (In Russ.).
 Smirnov AV. The concept of collective farm legal relations. Cand. Diss. (Law). Moscow; 1952. (In Russ.).
 The results of the decade of Soviet power in numbers, 1917–1927. Moscow; 1927. (In Russ.).
 Yakovlev YaA. For collective farms. Collective farming or kulak farming? Moscow-Leningrad; 1928. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукашевич Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
 д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
 dalukashevich@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. Lukashevich, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
 dalukashevich@msal.ru

Материал поступил в редакцию 14 января 2025 г.
 Статья получена после рецензирования 25 февраля 2026 г.
 Принята к печати 15 апреля 2026 г.

Received 14.01.2025.
 Revised 25.02.2026.
 Accepted 15.04.2026.

⁸⁷ Социалистическое сельское хозяйство СССР : статистический сборник. М. ; Л., 1939. С. 42.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

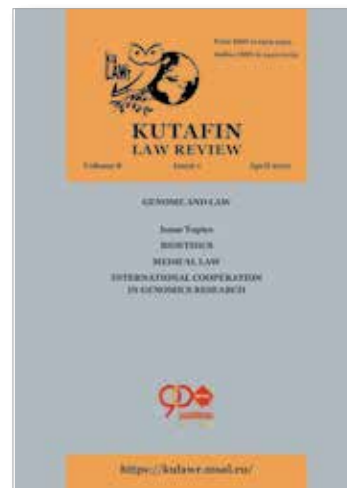
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008